МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русской литературы XX-XXI веков,
теории литературы и гуманитарных наук

«ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ЖУРНАЛ «ПОДЪЁМ» В XXI ВЕКЕ (ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, КРИТИКА)

Сборник статей

Воронеж
Издательский Дом ВГУ
2025

ББК 83.3(2Рос=Рус)
В75

В оформлении обложки использована картина Светланы Лисициной

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
д.ф.н. доц. Т. А. Тернова, д.ф.н. проф. О. А. Бердникова,
директор-главный редактор ГБУК ВО «Журнал “Подъём”» И. А. Щелоков

«Воронежский текст» русской культуры : журнал «Подъём» в XXI веке (проза, поэзия, критика) : сборник статей / под ред. Т. А. Терновой, О. А. Бердниковой ; — Воронежский государственный университет. — Воронеж : Издательский Дом ВГУ, 2025. — Вып. 6. – 173 с.

ISBN

«”Воронежский текст” русской культуры» – это продолжающееся научное издание кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета ВГУ, призванное координировать научные исследования в русле регионалистики как актуального научного направления современной филологической науки.

Настоящий сборник включает материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), состоявшейся на филологическом факультете Воронежского государственного университета 24-25 октября 2024 года. Конференция была организована совместно с редакцией журнала «Подъём», деятельность которого стала приоритетным предметом научного изучения.

Издание адресовано преподавателям и студентам гуманитарных факультетов, учителям-словесникам, работникам гуманитарной сферы, журналистам, критикам и издателям, всем интересующимся русской литературой XX и XXI веков, историей и культурой родного края.

Воронежский государственный
университет, 2025
Оформление. Издательский
дом ВГУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции……...5
Никонова Т.А., Тернова Т.А. «Провинциальная литература» в ситуации культурного перехода……...…7
Щёлоков И.А. ГБУК ВО «Журнал «Подъём»**:** основные направления деятельности……18

I

ЖУРНАЛ «ПОДЪЁМ» В XXI ВЕКЕ

Новохатский В.Е. Этнокультурная тема на страницах журнала «Подъём»……...…34
Дьякова Л.Н. Журнал «Подъём» в проекте «Homo Legens – Человек читающий» на площадке книготорговой фирмы «Амиталь»…….……...36
Тимофеев Н.Н. Воронежский драмтеатр на страницах «Подъёма» (1930-е – наши дни)……..42
Пухова Т.Ф. Воронежская сказка на страницах журнала «Подъем»…….…..50
Грибоедова Е.А. Публикации об А.И. Эртеле на страницах журнала «Подъём»……...59
Соловьева О.А. Андрей Новиков на страницах журнала «Подъём»……....68
Щелоков И.А Поздняя проза И.И. Евсеенко как сигналы и предупреждения грядущих потрясений……...73
Концова Е.В. Традиции русской классики на страницах журнала «Подъём»……..….83

II

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

Пономарёв П.А. «Воронежский текст» в пространстве современной отечественной культуры и литературы – характеристика, черты, мнения экспертов (обзорный анализ)…….....94
Каменский К.В., Каменский А.В. Локальные тексты и возможности их использования в образовательной деятельности……..……..101
Сидорова Е.В. Языковые особенности повести И.С. Никитина «Дневник семинариста»……...…109
Бабаджанова Н.М. Образ И.С. Никитина в работах Г.А. Гончарова……...118
Фенчук О.Н. Роль Ю.Д. Гончарова в изучении генеалогического древа семьи Буниных…….….123
Астафьева А.А. Сценарное творчество Е.И. Замятина. Истоки и своеобразие……..131
Бугакова Н.Б. Топонимы как маркеры реального пространства в ономастической лаборатории А. Платонова……...…..136
Андросова И.В, Васильева Е.В. Воронежские пространственные локации глазами ребенка и взрослого в повести Э.И. Пашнева «Военный дневник человека с деревянной саблей» ……...…..141
Слинько М.А., Хожайнова М.С. Проблемы воспитания и образования в романе А. Бунеева «Девочка и медведь»……...149
Бакурова А.С. Феномен женской прозы в современной литературе (на примере рассказов А.С. Даль «Чужие письма», «Варежка»)…….. 154

ПРИЛОЖЕНИЕ:
проза и поэзия современных воронежских авторов……...…162
Калашников М.А. ……..……..162
Щелоков И.А……...165
Шилова Е.В……..167
Цыганкова Я.Г. ……...…168
Князева Д.В. ……....169
Лесовик О.А. ……..…170
Макушина Е.А. ……..…....171
Щербакова Э.В. ……..….....172

.

От редакции

Светлой памяти Т.А. Никоновой

24–25 октября 2024 года на филологическом факультете Воронежского университета состоялась конференция «Воронежский текст» русской культуры: журнал «Подъём» в XXI веке (проза, поэзия, критика)», организованная кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.

Активное участие в подготовке и проведении этого научного мероприятия приняла профессор доктор филологических наук Тамара Александровна Никонова, инициатор разработки на кафедре понятия «воронежский текст» русской культуры. Среди ее исследовательских работ — статьи «”Воронежский текст” как культурный феномен», «”Воронежский текст”: образы и легенды Центрального Черноземья», «”Городской сюжет” в романе И. Бунина “Жизнь Арсеньева”», «”Локальный текст” А. Платонова в истории русской литературы XX века» и мн. др. Тамара Александровна являлась руководителем грантовых проектов, сосредоточенных на изучении локального «воронежского текста». Она же была вдохновителем конференций, посвященных этой проблематике (конференция 2024 года — шестая), научным редактором сборников, вышедших по их итогам. Осмысление вклада Т.А. Никоновой в изучение «воронежского текста» достойно специального научного разговора. В «воронежском тексте» как культурном феномене и литературной работе его «вершин» И. Бунина, А. Платонова и др. она неизменно видела связь с историей, прежде всего, переходных, переломных эпох.

Внимание Тамары Александровны Никоновой неизменно привлекала и современная воронежская литература (творчество А.А. Жигулина, И.И. Евсеенко, А.В. Бунеева, Г.М. Умывакиной и др.). Ее литературно-критические статьи регулярно (начиная с середины 1960-х гг.) появлялись

на страницах журнала «Подъём». Т.А. Никонова являлась членом Союза российских писателей.

Выбор темы конференции 2024 г., таким образом, проистекал из научных интересов Т.А. Никоновой и сотрудников кафедры, был обусловлен осознанием значимости роли журнала «Подъём» в культурной жизни Воронежа на протяжении всего XX и начавшегося XXI веков.

Основанный в 1931 году, журнал «Подъём» не так давно отметил свое 90-летие. Это литературно-художественное издание, которому на таком большом отрезке времени удалось сформировать и сохранить свое творческое лицо — ориентацию на вечные ценности, реализм, преемственность поколений.

Выступая на пленарном заседании конференции, Т.А. Никонова отметила, что литература не бывает провинциальной, как и не бывает провинциальной культура.

Провинциальный «Подъём» за свою многолетнюю историю взрастил знаковые для русской культуры имена, в своих тематических номерах-проектах продемонстрировал открытость для актуальных литературных тенденций.

Первый день конференции «Воронежский текст» русской культуры» 2024 года был научным. На пленарных и секционных заседаниях выступили филологи и сотрудники журнала «Подъём». Второй день вобрал в себя две творческие встречи: с прозаиком Михаилом Калашниковым и молодыми воронежскими поэтам, которых представил главный редактор журнала «Подъём» И.А. Щелоков.

Структура сборника «Воронежский текст» русской культуры: журнал «Подъём» в XXI веке (проза, поэзия, критика)» определена логикой конференции. В нем два научных раздела и Приложение, которое представляет собой краткую иллюстрацию к творческим встречам.

Т.А. Никонова, Т.А. Тернова,
Воронежский государственный университет

«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В СИТУАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕХОДА

Сам факт существования регионального компонента в культуре не вызывает сомнений. Многочисленность дефиниций, так или иначе характеризующих специфику региональности в культуре, убеждает, с одной стороны, в том, что явление существует и в целом описано, а с другой стороны, что его бытование требует осмысления. Значимо участие в этом процессе всего комплекса гуманитарных наук. Выработка специальной методологии изучения регионального компонента культуры является «миссией историка, владеющего искусством филологического исследования», и «филолога, способного конкретно исторически и социально мыслить» [11, с. 8]. «Текст культуры» должен быть осмысляем в непосредственной связи с «текстом бытия» [3, с. 30].

Необходимость осмыслить феномен провинциальности и его трактовку в динамике проистекает из того непреложного факта, что в основе культуры лежит феномен коммеморации, обеспечивающий взаимообусловленность эстетической и социальной реальности [4].

Остановимся на наиболее частотных коннотациях в рамках обсуждаемой проблемы провинциального в динамике культурного развития.

Определение *региональная литература* предполагает территориально-оценочное противоположение — *центральная, столичная*. И если говорить в территориальном плане, то нетрудно заметить, что различия между провинциальным и столичным писателем все еще сохраняют для русского человека XX века выраженный регламентирующий характер, возможно, и в силу роста центростремительных интенций

завершившегося столетия. И для таких различений и оценок есть вполне реальные основания.

Нельзя утверждать, что противостояние *столица / провинция* как оценочно-смысловое противостояние сложилось лишь в XX веке. Оно имеет свою давнюю историю и устойчивые житейские коннотации. *Центр*, по глубокому убеждению провинциалов, всегда открывает возможности для образования, личностного роста, делает жизнь человека яркой, интересной. Соответственно, жизнь на периферии воспринимается как пустая, не наполненная событиями, в ряде случаев неосмысленная. Такой оценки периферии, многократно зафиксированной литературой, укорененной в житейской практике, нельзя сбрасывать со счетов. Пример, из числа легко приходящих на память, — герои А.П. Чехова. Персонажи его драматургии остро ощущают гибельность своей провинциальной жизни («Иванов», «Три сестры», «Вишневый сад»). Руководствуясь этой же логикой, уезжает в Петербург героиня позднего рассказа «Невеста» (1903). Надя «едет на волю, едет учиться», «и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила её» [16, с. 501]. В сознании героини антонимическая пара *столица / провинция* включала эмоциональное противостояние простора и тесноты, жизни и умирания.

То, что чеховская героиня ощущает как борьбу нормативного и нового, современная гуманитарная наука рассматривает как один из механизмов развития, как непременные составляющие ситуации перехода, которую она приравнивает «к выходу за границы картины мира как культуры и переходу в иное состояние» [5, с. 21]. Так ученый-культуролог описывает *переход* — междисциплинарный феномен, возникающий в периоды разрушения прежней картины мира, требующей обогащения прежних ментальных систем новым контентом. А.С. Ахиезер фиксирует происходящее в современной культуре изменение понимания переходности: ее однозначная

трактовка «от простого к сложному, от старого к новому» заменяется другой, не предполагающей жесткой оценочности [2, с. 8]. Феномен *переходности* во многом определяется тем, что центр и периферия меняются местами, и таким образом расширяется сфера эстетического, изучаемая целым рядом гуманитарных наук (См. [13]).

В нашу задачу не входит развернутый обзор научных идей, которые сложились в результате междисциплинарных исследований. Остановимся на тех, которые имеют отношение к предмету нашей статьи. Несомненный интерес представляет идея саморазвития культуры, фиксирующая мысль «о прорыве искусства к своим автономным по отношению к культуре структурам и стихиям, когда его развитие больше не определено жесткими культурными ориентациями и оно обретает свободу» [5, с. 21]. Обратим внимание на важное для нас основание ситуации перехода, отмеченное Н.А. Хреновым, — саморазвитие искусства, обретающего свободу. В итоге исследователь сближает *переход, переходность* с устоявшимся термином *развитие*, движением от одной стадии к другой, иногда дающим непредсказуемый результат. С его точки зрения, в эпоху *перехода* включается отмеченный им механизм саморазвития, который связывает феномен переходности не только с историей, но и культурой.

Феноменом *переходности* отмечены эпохи рубежа веков, формирующие новую картину мира, меняющие ее пространственно-временные параметры, антропологические представления. Следует заметить, что этот вывод нельзя отнести к числу принципиально новых, ранее не известных гуманитарной науке. Значение междисциплинарных исследований *переходности* видится в комплексном рассмотрении проблемы, в понимании культуры как взаимодействия «множества имеющих место внутри нее субкультур», которые в процессе перехода не только меняют место по отношению к центру, но и получают новые оценки.

В качестве субстрата культуры в переходные периоды нередко выступает провинциальная культура / литература, хранящая память о традициях, устоявшемся быте, — всём том, что нередко воспринимается за границами культуры. И нужны условия, при которых память, обряд, хранящиеся в фольклоре, в мифе, в народном быте, станут восприниматься как культура.

Ярким примером актуализации местной, областнической культуры является взрыв интереса к фольклору в конце XIX века, вызвавший к жизни рождение хоровых, театральных коллективов, волну интереса к фольклору, народной мифологии. Все эти феномены, сохраненные народной памятью и народным бытом, вызвали к жизни новые области научного знания, наблюдения и выводы, выходящие за пределы конкретных наблюдений. Расцвет компаративистики, научное изучение фольклора, лингвистические теории, философские системы — результат этого обновления культурного и научного знания, яркий пример гуманитарного саморазвития, взаимодействия классического и «неклассического» типов художественного сознания.

В первые послереволюционные годы литература и культура регионов сохраняла полученную интенцию развития в активной культурнической работе на местах. Из истории советской литературы известно, что в годы гражданской войны чрезвычайное распространение получило движение с вполне революционным названием — Пролеткульт (Пролетарская культура). Его деятельность была всеохватной, стиравшей, по законам революционного времени, территориально-оценочные характеристики, но говорить о значительных художественных достижениях пролетарской культуры времени гражданской войны не приходится из-за сознательного отказа ее авторов от всех традиций.

Однако первые послереволюционные годы характеризовались не только рискованными заявками на принципиальную новизну. В провинции существовала и другая практика, сложившаяся в предреволюционные десятилетия. Внимание к народной культуре, к истории своего края было частью разносторонней просветительской работы, которую вела провинциальная интеллигенция в самых разных уголках большой страны. В качестве результативного примера такой просветительской деятельности назовем книгу А.М. Топорова «Крестьяне о писателях» [14]. Но если Пролеткульт в 1920 году был просто распущен, а его остатки переподчинены Народному комиссариату просвещения, то движение краеведов и просветителей на рубеже 1930–х годов неожиданно было подвергнуто суровому наказанию.

Причина была в том, что Пролеткульты заявляли о революционной переделке и мира, и культуры. А краеведы и просветители ориентировались на устоявшиеся традиции, на народную обрядность, на фольклор. Новая власть и ее идеологи оценивали быт как возможность сохранения прошлого. В таком контексте стремление сохранить культуру и историю своего края оценивалось как реакция и сопротивление прогрессу (революции). Поэтому смысловая пара *провинциальный / отсталый* актуализировала негативные коннотации, усилив их опасным определением «политически незрелый».

Хорошо организованное идеологическое наступление на провинцию и старый быт отмечено «делом краеведов» (1930–1931) в Центрально-Черноземной области (ЦЧО). «Центр» продиктовал провинциальной культуре, какой ей следует быть. В обвинительном заключении грозные определения переводили краеведческую работу из области науки и культуры в сферу идеологии и политики. Возникшее в «живой жизни» движение, целью которого было возвращение забытых пластов народной

культуры, было ограничено рамками кружковой деятельности «Общества краеведов-марксистов» (ОКРАМ) Комакадемии, которому пришлось озаботиться лишь тем, чтобы не превратиться в туристическую контору.

Не менее горестной была и судьба редкой книги А.М. Топорова «Крестьяне о писателях» [14]. Первый и единственный в мире опыт живой, неискаженной критики крестьян-читателей, высоко оцененный и в СССР, и за рубежом, по свидетельству современного исследователя, был квалифицирован «как одно из неподконтрольных явлений, сформировавшихся в традициях народничества и просветительства 900-х годов» [6, с. 141]. В 1937 году А.М.Топоров был репрессирован.

Причины несостоявшегося постреволюционного *перехода* очевидны. Вместо ожидаемого саморазвития культуры произошла «организационная перестройка», приведшая к несомненному обеднению и культуры, и науки.

Изменения в сложившуюся ситуацию с провинциальным контентом литературы внесла «оттепель» 1960-х годов. Первым вестником перемен стала «лирическая» проза, вернувшая в культурный обиход XX века образ *малой родины*. Можно сказать, что с «лирической прозы» началось возвращение в большую литературу «местнографических» материалов — записей фольклорных экспедиций, разысканий краеведов, собственно филологических исследований творчества писателей, так или иначе связанных с историей родного края. В литературном процессе 1960-х годов мы с полным правом можем говорить о действии принципа саморегуляции, в результате чего литература большой страны обрела новое художественное качество. В контексте возросшего интереса к «местнографической» литературе оформилась перспективная проблематика и в литературоведении. Ее зафиксировали работы В. Н. Топорова, оформившиеся позже в книгу его статей «Петербургский текст русской литературы» [15].

Новый термин, введенный В.Н. Топоровым в научный обиход в 1990-е годы, был междисциплинарным, включал связи литературы и ее феноменов с «природной, материально-культурной, духовно-культурной и исторической сферами» [15, с. 5]. «Петербургский текст» получил широкое бытование, вызвав к жизни многочисленные «локальные тексты». Так возникли «пермский», «крымский», «орловский» и пр. тексты, изучавшие «местную» культуру. По их образцу с опорой на тематический или мотивный принципы анализа были образованы «элизийский», «венецианский» и прочие тексты. Такая популярность «текстотворения» отвечала потребности научного и культурного сообществ в обновлении аналитического поля. В этот раз «ситуация перехода» закончилась появлением нового междисциплинарного инструментария, нового термина, с помощью которого культурологи-гуманитарии получили возможность описать феномены провинциальной культуры.

Однако у В.Н. Топорова, представившего московско-тартускую семиотическую школу, были предшественники в изучении «локальных» текстов. В 1922 году издательством «Брокгауз — Ефрон» было опубликовано исследование Н.П. Анциферова (1889-1958), которое он, по его собственному слову, «решился назвать “Душа Петербурга”» [1, с. 17].

«”Душа Петербурга” угадана Н. П. Анциферовым удивительно верно, изображена с убедительною цельностью в прекрасно понятом единстве таинственного лика Северной Пальмиры на фоне грандиозной истории города “трагического империализма”» [1, с. 11], — писал в Предисловии к книге Н.П. Анциферова его учитель, профессор-историк, градовед И.М. Гревс (кстати, уроженец Воронежской губернии), фиксируя принципиальную новизну работы своего ученика. Д.С. Московская отмечает, что идеи Н.П. Анциферова во многом были спровоцированы

духом времени 1920-х гг. со свойственным этому периоду мифологизмом [9, с. 25].

Отметив поэтичность формулы «душа Петербурга» Н.П. Анциферова, тему его кандидатской диссертации «Проблема урбанизма в художественной литературе» (1944), в качестве предшественников современного этапа изучения «локальных» текстов обратимся к еще одной важной фигуре в отечественной науке и просвещении — к Н.Ф..Федорову (1829-1903), Любая местность, по мнению религиозного философа, обладает своей культурной и исторической памятью, и это достаточное основание для изучения истории и культуры родного края, материальные следы которых должны аккумулироваться в музеях, библиотеках, стать основанием просветительской работы. Цель такой деятельности можно обозначить федоровским термином *отечествоведение.* Он удивительно современен, вписывается в национальную традицию изучения народной культуры — естественной и необходимой части истории страны.

Приведенные нами примеры показывают, сколь плодотворным может быть сотрудничество так называемой «провинциальной» (областнической, региональной, местной и пр.) литературы со своим временем, с общественными запросами. Многое в этом отношении было сделано во второй половине XX века фольклористами, этнографами, культурологами, писателями и т.д.

Широкое изучение «локальных» текстов привело к возникновению различных терминов для их обозначения, унификация которых, по нашему убеждению, едва ли имеет смысл. Каждый из них возникал с целью привлечения внимания к вводимому в научный обиход материалу, давал ему первоначальную адресацию. Однако вслед за введением локального материала всегда следует переход через «местнографическую» границу, выход к общекультурным обобщениям. Феномен «провинциальной»

литературы, как бы она ни называлась в конкретных исследованиях, по нашему мнению, состоит в ее накопительном, промежуточном характере. Начиная с описания фактов и явлений, включенных в бытовую, этнографическую конкретику, исследователь переходит от собирательства к обобщению, к выяснению связей горизонтальных (к литературам «региональным», «областническим», «локальным» и пр.), которые дают ему возможность увидеть многоцветье традиции более широкого временного и культурного планов. Теоретическое осмысление провинциальности происходит позже – когда литературой уже отражены и накоплены произошедшие мировоззренческие трансформации. В этом случае вступает в силу идея «вечного возвращения», которую отметили современные исследователи. Эпохи рубежа веков в такой интерпретации в известной мере строятся по общему принципу. Рубеж XX–XXI веков возвращает к рубежу XIX–XX веков, в котором в свою очередь легко обнаружить те или иные традиции рубежа XVIII–XIX.

Не стал исключением и рубеж XX–XXI веков, «ибо мир снова переживает переход, что, например, жестко формулируют постмодернисты, проводя резкую границу между модерном, с одной стороны, и постмодерном, с другой. <…> Может быть, переходность рубежа XX–XXI веков на самом деле можно рассматривать лишь продолжением переходности, начавшейся на рубеже XIX-XX веков?» [5, с. 6], — обозначают проблему современные теоретики культуры, оставляя открытым поле деятельности «провинциальной» литературе, ее живой жизни.

В современном литературоведении имеют место две тенденции. Следуя закону «вечного возвращения», цикличности развития культуры, они на новом материале, в новых условиях фиксируют устоявшуюся традицию. Одна, знакомая, тенденция состоит в констатации (даже в новых

культурных реалиях!) провинциальной косности, замкнутости. Современный прозаик О. Славникова в статье «Урок географии», помещенном в иронической рубрике «Терпение бумаги», говорит, кажется, об очевидном: «Одаренный человек, проживающий в областном городе или в поселке городского типа, оторван от актуальной информации, от книжных новинок, не имеет полноценной развивающей среды» [12, с. 179].

Однако ее статья, открывшаяся журналистски броской фразой, свидетельствует об ином, уже не культурологическом, а суетном: «Провинциальность, взятая вне географических реалий, есть попытка повторить чужой успех. <…> инерция читательских предпочтений, а главное, денег, работающих в издательском бизнесе, задает провинциальность, провинциальность и еще раз провинциальность» [12, с. 179].

Если первое замечание о культурном одиночестве провинциального писателя фиксирует его культурный вакуум, то ее дальнейшие размышления уже не связаны с локальными приметами. «Сегодня некоторые мифы постепенно развеиваются, — замечает О. Славникова. — Столичные издательства и редакции толстых журналов буквально прочесывают провинцию в поисках авторов». «Центр» и «периферия» в очередной раз поменялись местами, но едва ли дали новое качество. Современная провинциальность так и остается синонимом клонирования чужого успеха, стремлением попасть в след модного, следовательно, продаваемого опыта. Задачу сбережения «собственного центра» [12] сменил поиск коммерческого успеха. Вывод не новый, свидетельствующий, по нашему мнению, об одном: современная литература — в новом поиске смысловых и художественных парадигм, в процессе очередного перехода.

Итак, в результате исследования можно сделать вывод о том, что в переходные эпохи центр и периферия меняются местами, и таким образом

расширяется сфера эстетического, изучаемая целым рядом гуманитарных наук.

На рубеже XIX-XX *провинциальное* и *столичное* понимаются в бытовом и культурном смысле. Провинциальное трактуется как статичное, бессобытийное, центр осмысляется как источник и средоточие эстетически наполненной культурной жизни. В 1920-е гг. антитеза *столичное* и *периферийное* переосмысливается в политическом ключе, декларируется идеологическое доминирование центра. В период оттепели устанавливается равновесное соотношение *провинциального* и *столичного*, спровоцированное духом времени. В новейший период фиксируется коммерциализация культурной жизни, что существенно снижает роль провинциального в культуре. Происходящие трансформации смыслового наполнения категорий столичное и провинциальное не просто отражаются литературой, но нередко фиксируются ею до момента их теоретического осмысления, которое не случайно происходит именно внутри переходных эпох.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга / Н.П. Анциферов. — Петербург: «Брокгауз-Ефрон», 1922. — 228 с.
2. *Ахиезер А.С.* Переходные процессы в культуре (Введение в анализ специфики русской культуры) / А.С. Ахиезер. — М.: Гос. Институт искусствознания, 2000.
3. *Варава В.* Текст культуры и текст бытия (к вопросу о метафизической уникальности «Воронежского текста») / В. Варава // «Воронежский текст» русской культуры: сборник статей. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 17-38.
4. *Житенев А.А., Никонова Т.А., Фролова А.В.* Культурная провинция как объект научного изучения. Вместо предисловия / А.А. Житенев, Т.А. Никонова, А.В. Фролова // «Воронежский текст» русской культуры: сборник статей. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 7-14.
5. Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. Ред. Н.А. Хренов. — М.: Наука, 2002. — 467 с.
6. *Корниенко Н.В.* Массовый читатель 20-30-х годов / Н.В. Корниенко // Москва. — 1999. — № 6. — С. 121-142.
7. *Куличенко Т.В.* Культурный ландшафт города Саратова / Т.В. Куличенко. — Дисс. канд. культурологии. — Саратов, 2022. — 171 с.

8. Локальные тексты русской литературы и культуры: уч. пос. / В.С. Лобачева, Т.А. Бахор, О.Н. Зырянова и др. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2019. — 107 с.

9. *Московская Д.С.* Локальный метод Н.П. Анциферова и актуальные задачи филологической регионалистики / Д.С. Московская // «В краю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: Материалы Всероссийской научной конференции. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — С. 21-33.

10. *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: бытие и самосознание / И.Я. Мурзина. — Автореф. дисс. д-ра культурологиии. — Екатеринбург, 2003. — 47 с.

11. *Полякова Л.В.* Регион как источник творчества и объект в литературе / Л.В. Полякова // «В краю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: Материалы Всероссийской научной конференции. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — С. 8-20.

12. *Славникова О.* Урок географии / О. Славникова. — Октябрь. — 2001. — № 12. — С. 179-180.

13. *Тернова Т.А.* Провинциальность как эстетический код русской литературы XX века: к постановке проблемы / Т.А. Тернова // Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сборник статей. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — С. 3-11.

14. *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы: с портретами крестьян-критиков / А.М. Топоров. — М.: Госиздат, 1930. — 280 с.

15. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской культуры: Избранные труды / В.Н. Топоров. — СПб.: «Искусство-СПБ», 2003. — 616 с.

16. *Чехов А.П.* Собрание сочинений: в 12-ти т. / А.П. Чехов. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969. — Т. 8. — 576 с.

И.А. Щелоков,
директор-главный редактор
ГБУК ВО «Журнал “Подъём”»

МЕНЯТЬСЯ ВО ВРЕМЕНИ, ОСТАВАЯСЬ СОБОЙ

Журнал «Подъём» — ежемесячное издание. В течение года на его страницах публикуются произведения более двухсот авторов из самых разных регионов России — от Калининграда до Владивостока. Причем имена прозаиков, поэтов и публицистов за указанный период не повторяются, и автор имеет возможность напечататься в «Подъём» только один раз в году. Редакционный портфель журнала не пустует: поэтического запаса вполне хватает года на два вперёд, прозы — более чем на год. Поток

желающих напечататься в «Подъёме» не убывает. В том числе и со стороны столичных авторов.

Как-то в первый год своего редакторства мне довелось присутствовать на поэтическом фестивале в соседней области. Подходили авторы, оставляли рукописи, книги, просили опубликовать их произведения. На мои аргументы о том, что у них есть свое литературное издание, большинство отвечали: в Черноземье только один настоящий журнал — «Подъём».

Получалось, что сам факт существования «Подъёма» ими рассматривался как эталон литературной площадки с высокой творческой планкой. С другой стороны, ничто не мешает сегодня выпускать на местах литературные журналы любой эстетической направленности и формата. Многие энтузиасты из провинции так и поступают, полагая, что могут без труда покорить читательское сердце гениальными открытиями и избежать участи заурядного альманаха местного значения. А все потому, что для успеха важны, конечно, и желание, и предприимчивость, и деньги, за исключением маленького нюанса — биографии издания и наличия традиции.

У журнала «Подъём» долгая и богатая история. Первый номер издания вышел в январе 1931 года. В фондах государственного архива общественно-политической истории Воронежской области хранится постановление бюро обкома ВКП(б) ЦЧО от 27 декабря 1930 года, в котором указано: «Разрешить организацию ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала АПП ЦЧО. ОблОНО и издательству «Коммуна» обеспечить журнал средствами. Редактором журнала АПП ЦЧО утвердить тов. Подобедова. Членами редакции: Алексеева, Еремина, Швера, Елозо, Храпченко» [1].

Уже в марте 1931 года из печати вышел первый номер журнала под своим именем — «Подъём». Инициатива по выпуску литературного издания принадлежала первому секретарю обкома ВКП (б) ЦЧО Иосифу Варейкису. В те начальные годы творческий облик журнала формировали писатели и публицисты Максим Подобедов, Владимир Кораблинов, Николай Задонский, Михаил Булавин, Алексей Шубин, Ольга Кретова, критики и литературоведы, ставшие впоследствии лауреатами Государственной премии СССР, Филипп Наседкин и Дмитрий Ерёмин, лауреат Ленинской премии, академик Михаил Храпченко и многие другие авторы.

С 1937 по 1956 годы вместо журнала «Подъём» издавался альманах «Литературный Воронеж». В 1957 году выпуск журнала возобновился. «Подъём» обрел статус всесоюзного издания. На его страницах печатались известные советские писатели Константин Симонов, Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Владимир Карпов, Василий Белов, Виктор Потанин, Михаил Чванов, Виктор Лихоносов, Борис Екимов, украинские и белорусские литераторы: Борис Олейник, Петро Ребро, Петр Омельяненко, Василий Чубенко, Сергей Трахимёнок, Михаил Ткачев и др.

В 60 — 80 годы прошлого столетия в журнале активно печатались воронежские писатели В.А. Кораблинов, Ф.С. Волохов, О.К. Кретова, К.М. Гусев, Б.Д. Дальний, Н.А. Задонский, О.К. Кожухова, Е.А. Исаев, К.П. Локотков, Е.Д. Люфанов, М.М. Сергеенко, А.И. Шубин, И.В. Сидельников, Г.Н. Троепольский, Ю.Д. Гончаров, Э.И. Пашнев, Е.П. Дубровин, В.Б. Мартынов, О.Я. Гуков, В.А. Белокрылов и др.

В 90-е и в начальные двухтысячные годы журнальная проза была представлена произведениями В.М. Барабашова, В.В. Будакова, С.П. Пылёва, И.И. Евсеенко, П.Д. Чалого, В.А.Тихонова, Н.Т. Спицына, А.В. Макарова, В.И. Дёгтева, А.А. Ягодкина, И.В. Быкова, В.И. Богушева,

Ю.М. Кургузова. Позднее авторский актив воронежских прозаиков пополнился такими именами, как Л.П. Шилина, А.В. Бунеев, Б.В. Подгайный и др.

Воронежскую поэзию второй половины XX века на страницах журнала олицетворяли А.В. Жигулин, А.Т. Прасолов, В.Г. Гордейчев, В.Ф. Панкратов, В.М. Поляков, О.Ф. Шевченко, Л.П. Бахарева, М.М. Каменецкий, П.Л. Мелёхин, Л.К. Коськов, А.А. Голубев, Н.И. Малашич, Е.Г. Новичихин, Н.П. Белянский, А.Г. Пресман, Г.М. Умывакина, В.П. Шуваев, З.К. Колесникова, В.М. Нервин, А.Г. Нестругин, С.В. Попов, И.А. Щелоков и др.

В разные годы с журналом плодотворно сотрудничали детские писатели В.А. Добряков, В.М. Злотников, А.А. Иванов, Е. М. Титаренко, Ю.Ф. Третьяков, сказительницы А.К. Барышникова и А.Н. Королькова.

Литературно-критическое и историко-литературное обеспечение текущего литературного процесса в минувшие десятилетия дано в работах известных воронежских филологов А.М. Абрамова, В.А. Свительского, В.П. Скобелева, В.А. Тонкова, Б.Т. Удодова, Г.В. Антюхина, З.Я. Анчиполовского, А.Б. Ботниковой, Л.Е. Кройчика, О.Г. Ласунского, В.М. Акаткина, В.И. Кузнецова, Е.Г. Мущенко, Т.А. Никоновой, О.А. Бердниковой. В настоящее время это важное творческое направление журнала активно развивают Л.Э. Заварзина, В.Д. Лютый, О.Н. Фенчук, Р.Р. Солопенко, Г.М. Литвинцев, Т.Н. Багринцева и др.

С началом второго десятилетия двухтысячных годов редакция журнала «Подъём» совместно с Воронежским региональным отделением Союза писателей России существенным образом пересмотрели творческую политику в работе с молодыми литераторами края. Возобновились областные совещания начинающих авторов, по итогам которых журнал публикует наиболее талантливые произведения прозы и поэзии участников

возрожденного форума. В журнале открыты специальные рубрики «Проза: голоса молодых» и «Поэзия: голоса молодых».

Несмотря на лёгкий доступ к современным литературным интернет-ресурсам, где отсутствует отбор произведений и молодой автор свободно размещает всё вышедшее из-под его неокрепшего пера, начинающие писатели, тем не менее, потянулись в редакцию «Подъёма». Магия печатного слова все равно оказывается сильнее страха перед жёсткими требованиями к качеству и строгому отбору. Так в конкурентной борьбе за право стать полноценным автором журнала рождается новое поколение воронежских стихотворцев и прозаиков. Сегодня уже никого не удивляет, что ряды воронежского отделения Союза писателей России за последние десять лет пополнились, можно сказать, «подъёмовскими» авторами. Среди них Рита Одинокова, Сергей Луценко, Сергей Чернов, Дарья Гузеева, Эльвира Пархоц, Екатерина Макушина, Анастасия Картавцева, Надежда Третьякова, Михаил Калашников, Андрей Авраменков, Елена Шилова, Дарья Князева, Екатерина Стрельникова. Некоторые из них стали лауреатами престижных наград, а Михаил Калашников и Андрей Авраменков в конце 2024 года вошли в короткий список новой национальной литературной премии «Слово».

До наступления цифровой эпохи главным показателем популярности и востребованности «толстого журнала» в читательской среде являлась подписка. В годы перестройки журнал «Подъём» достиг своего исторического максимума — 512 тысяч экземпляров. Полиграфических мощностей в Воронеже не хватало, и приходилось печатать номера в г. Рыбинске Ярославской области.

В настоящее время подписка не выполняет той роли, что в доцифровую эпоху. Тиражи печатных изданий из года в год неуклонно снижаются. Можно много и долго говорить об экономических и социально-

культурных предпосылках такого явления, дискутировать о причинах снижения в обществе интереса к чтению как таковому. Даже сожалеть, что народ вынужден зарабатывать на жизнь, и у него практически не остается времени и возможностей, чтобы тратить их на газеты и журналы. Но мы сегодня имеем то, что имеем.

Темпы современной жизни, как никогда, высоки. Чтобы вписаться в стремительный цивилизационный ритм, приходится чем-то жертвовать. Так из-за дефицита времени человек цифрового общества вынужден отказываться от вдумчивого, неторопливого чтения и переходить на информационный фас-фут, которым с избытком наполнены сайты и социальные сети. Традиционная подписка на периодику и, в частности, на «толстые» журналы становится уделом фанатов от литературы. К примеру, на сегодняшний день ежемесячный тираж журнала по государственному заданию, который доводится учредителем на очередной финансовый год, составляет 850 экземпляров. Примерно двадцать процентов этого тиража составляют подписка и розница, остальные экземпляры идут на пополнение фондов библиотек — региональных, муниципальных и школьных.

Зато у читателя нового поколения появилось окно иных возможностей — цифровые технологии. Если старшее поколение по-прежнему выписывает «толстые» журналы на почте, молодая аудитория ценителей литературного слова привлекается через сайты изданий и социальные сети.

Сегодня мы имеем две версии сайта журнала «Подъём» — для стационарных компьютеров и для мобильных устройств, а также страницы в социальных сетях. Параллельно журнальные страницы размещаются на отдельных литературных ресурсах страны. Трудно посчитать, какова в совокупности реальная аудитория наших виртуальных читателей, даже если суммировать все электронные площадки, на которых представлен

«Подъём». На сайте же самого издания в последние годы наблюдается стабильный рост визитов, посетителей и просмотров. Совокупное число посетителей «подъёмовского» ресурса в настоящее время составляет более двухсот тысяч в год. Эти показатели не только радуют, но и требуют большей ответственности перед читателем.

На этом фоне общественного интереса к изданию сегодня трудно себе представить, что в середине 90-годов прошлого века журнал, ставший по своему организационно-правовому статусу малым предприятием, оказался на грани банкротства, над ним нависла реальная угроза исчезновения. Понимая историческое и социально-культурное значение литературного издания, на помощь пришла региональная власть. Администрация Воронежской области преобразовала «Подъём» в государственное учреждение культуры с гарантированным финансированием из бюджета региона.

В этой правовой форме «Подъём» существует по настоящее время. Тем не менее, обозначившиеся в начальное десятилетие нового столетия перемены в жизни страны и регионов как бы завершили определенный исторический отрезок в биографии журнала «Подъём». Учреждение на протяжении десятилетий существовало как редакция, обеспечивавшее исключительно выпуск журнала. Наступал период, когда свою адаптивность к изменившимся подходам и условиям необходимо было доказывать новыми проектами, расширять творческий диапазон. Государственная поддержка издания автоматически накладывала обязательства на более широкое включение учреждения в общественную, культурно-духовную и просветительскую жизнь своего региона и страны. Площадками для маневра стали как устоявшиеся виды издательской деятельности, так и попытка создать собственное культурно-просветительское пространство, включающее в себя вопросы

формирования здоровой читательской среды, работы с молодыми авторами, воспитания читательского вкуса и интереса к чтению.

С одной стороны, родилась идея выпускать тематические номера журнала, посвященные истории, культуре и литературе малых городов не только Воронежской области, но и соседних территорий, с другой — войти со своими книжными проектами в областную книгоиздательскую программу, реализацией которой до 2014 года занимался территориальный орган по печати и средствам массовых коммуникаций.

Проект тематических выпусков стартовал с Новохоперского района в ноябре 2010 года («Подъём», №11). Глава администрации В.Т. Петров, кандидат исторических наук, согласился профинансировать тираж для нужд района. Подписной и розничный тиражи этого номера, разумеется, ушили по своему назначению. Эксперимент вызвал положительную реакцию у жителей Новохоперского района и читателей «Подъёма» в других регионах. Через тематические выпуски учреждение как бы заново утверждалось и демонстрировало готовность к переменам и расширению творческих горизонтов.

На сегодняшний день в активе редакции свыше трех десятков тематических номеров. Они выходят под рубрикой «Без таких городов не представить Россию». Здесь проза и поэзия, живопись и народные промыслы, достопримечательности, очерки о выдающихся людях, имена которых известны далеко за пределами родной стороны, проблемные статьи о литературе и социуме. Адресатами этих выпусков стали Новохопёрск, Острогожск, Борисоглебск, Елец, Россошь, Таловая, Семилуки, Нижнедевицк, Богучар, Лиски, Эртиль, Панино, Верхний Мамон, Кантемировка, Мичуринск, Тамбов, Эртиль, Хохол, Анна… По некоторым из упомянутых территорий было выпущено по два и даже три специальных номера журнала.

В 2012 году редакция выпустила документально-публицистическое приложение к журналу под названием «Подъём-Регион». Выход приложения был приурочен к 120-летию Особой экспедиции ученого-почвоведа В.В. Докучаева в Каменную степь и основания поселка Таловая. Заказчиком выступил Таловский район.

В 2013 году из печати вышло новое приложение, посвященное 130-летию фундаментального труда В.В. Докучаева «Русский чернозем». В номере — статьи и выступления академиков РАН, зарубежных и воронежских ученых, рассказывающих об исторической и научной ценности докучаевского труда. Здесь же широко представлена историко-культурная, духовная и социально-экономическая панорама Панинского района, известного тем, что куб его чернозёма был выставлен в начале XX века в Париже как эталон мировых плодородных почв.

В 2014 году выпустили приложение, приуроченное к 310-летию образования г. Богучара, а в 2015 году — к Международному году почв вновь на базе Панинского района.

В 2011 году состоялось, можно сказать, знаковое для журнала событие: впервые за 80 лет своего существования редакция самостоятельно подготовила и издала книгу. Это было 2-е переработанное и дополненное издание антологии стихов о Воронеже «Есть город в России», приуроченное к 425-летию основания города. Её тираж по современным меркам был солидный — 1 тысяча экземпляров. Составителем сборника являлся известный воронежский поэт Станислав Никулин.

В книге опубликованы «воронежские» стихи 99 авторов — классиков и современников, известных и малоизвестных, местных и российских, из ближнего и дальнего зарубежья. В их числе, например, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Яков Шведов, Самуил Маршак, англичанин Алан Силлитоу, армянин Ашот Граши,

испанец Хосе Мортеро, вьетнамец Ле Ван Нянь, украинец Петро Ребро, грек Георгис Веллас и другие.

Учитывая, что денежные средства на этот социокультурный и просветительский проект были выделены учреждению по областной книгоиздательской программе, разумеется, весь тираж книги, как, впрочем, и при первом издании, пошел на пополнение библиотечных фондов региона, включая образовательные учреждения.

За поэтической антологией последовали другие проекты. В частности, в 2014 г. были изданы военно-полевые дневники 1914–1916 гг. уроженца Воронежского края, участника Первой мировой войны, доктора медицинских наук Тихона Ткачёва «Нет конца безумию, нет границы бедствию…» (к 100-летию Гражданской войны), в 2015 г. — сборник «Современная воронежская проза. По страницам журнала «Подъём». 2009-2015», в 2016 г.—– сборник «Современная воронежская поэзия. По страницам журнала «Подъём». 2009 -2016».

Параллельно журнал издал серию книг по этнокультурной тематике Воронежского края: в 2014 г. — «Истоки», в 2015 г. — «Отчий край», в 2016 г. — «Воронежский простор», в 2017 г. — «Золотой сундучок. Сказки» (700 экз.). Финансировался проект за счет федеральных средств. В серии представлены материалы о заселении региона, влиянии природно-ландшафтных особенностей на формирование народной культуры, о жизни и традициях наших предков. В неё вошли материалы историко-краеведческого характера, тематически охватывающие археологию, исследования творчества выдающихся деятелей культуры края, известные исторические события, динамику развития русского языка и фольклора. Опубликованы очерки о выдающихся писателях, ученых, мыслителях, жизнь которых была связана с Воронежским краем, кто внес огромный личный вклад в формирование этнокультуры региона, а также стихи и проза

воронежских писателей о родном крае. Каждый том серии красочно проиллюстрирован цветными вкладками, показывающими богатство и красоту народной культуры, творчества и ремесел.

С 2014 года ГБУК ВО «Журнал «Подъём» по решению учредителя выполняет обязанности по реализации областной книгоиздательской программы. За этот период изданы произведения художественной прозы, поэтические сборники местных писателей, краеведческая, военно-патриотическая, детская, представительская литература. Например, в 2014 году издано 26 книг, в 2015 — 20, в 2016 — 25, в 2017 — 13, в 2018 г. — 10, включая юбилейное полноцветное иллюстрированное издание «Это память моя, это вера моя. К 100-летию воронежского комсомола», а также исследование А.П. Кабанова «Воронежская область в контексте истории России. 1945–2015 гг.» (в 3-х томах). Начиная с 2019 года и по настоящий момент, по этой программе в год выпускается до 12–14 наименований книг, не считая сопутствующие издательские проекты, приуроченные к большим историческим датам и событиям. Наиболее уникальные из них — подарочное издание книги Николая Комолова «Петр Великий. Воронежские страницы», детская книга Людмилы Шилиной «Дело являет, каков был труд! Петр Первый в Воронеже». Оба издания были выпущены за счет средств бюджета Воронежской области в рамках мероприятий, посвященных 350-летию со дня рождения Петра I. Нельзя не отметить книгу «Анатолий Жигулин. «Пишите честно — как перед расстрелом»: Из дневников и рабочих тетрадей (1954–2000). В 2 т. Т. 1. 1954–1976 гг. (составитель В.В. Колобов). В 2024 году вышло из печати второе, расширенное и дополненное издание «Воронежской энциклопедии».

Особое место в истории издательской деятельности учреждения занимают выпуски всероссийских ежегодников «День поэзии. XXI век» (2012 и 2014 гг.). Журнал «Подъём» самостоятельно осуществлял весь цикл

допечатных работ: подбор текстов, редактирование, корректуру, верстку, дизайн и оформление, синхронизируя свои действия с редколлегией, представленной именами ведущих современных поэтов из Москвы и Санкт-Петербурга.

Надо сказать, выпуск «Дней поэзии» в 2012 и 2014 годах — уникальный проект для журнала по масштабу и ответственности. Участие в нем обогатило издательскую линию «Подъёма». Несмотря на то, что при подготовке «Дней поэзии» лично для себя, дважды выступавшего в качестве главного редактора этого альманаха, я не сделал больших открытий, не обнаружил прорывного, мощного, победного шествия поэтического слова, но художественный, оформительский и полиграфический уровень был подтвержден, статусность издания сохранена. В альманахе патриархи отечественной поэзии мирно соседствуют с новым поколением; авторы «среднего поэтического класса», коих большинство в альманахе, выглядят удалыми молодцами с осознанием того, что они-то и определяют сегодняшнее состояние и направление отечественной поэзии, ее сущностную и эстетическую ценности.

О том, каков уровень ответственности лежал на редакции, свидетельствует хотя бы такой факт. При выпуске альманаха в 2014 году московские организаторы «Дня поэзии» очень просили нас успеть напечатать хотя бы 100 экземпляров к 200-летнему юбилею М.Ю. Лермонтова. В Большом театре 15 октября планировалось проведение торжественного собрания. Прошел слух, что мероприятие посетит президент России. Совместно с полиграфистами мы уложились в срок с выпуском «сигнальной» сотни экземпляров. Отправили их рейсовым автобусом в столицу. Почетные гости торжественного собрания получили в качестве подарка альманах в срок. Правда, Президент накануне вечером поменял планы и улетел на лермонтовский праздник в Тарханы в

Пензенскую область. Вместе с ним отбыл туда же и министр культуры. Однако министру экземпляр «Дня поэзии» чуть позже в усадьбе Середниково, принадлежавшей некогда бабушке М.Ю. Лермонтова, вручил правнучатый племянник поэта и полный его тезка М.Ю. Лермонтов, председатель комитета по культуре общественной палаты г. Москвы, который сегодня активно восстанавливает эту усадьбу.

Кстати сказать, в девятом номере «Подъёма» за 2012 год (а посвящен он был культуре, истории и литературе Семилукского района) редакция опубликовала записки покойного воронежского краеведа Бориса Окунева «Лермонтов в Семидубравном». Исследование было посвящено установлению точной даты посещения великим поэтом воронежской усадьбы полкового товарища А.Л. Потапова. Приезд М.Ю. Лермонтова в Семидубравное уникален ещё и тем, что здесь поэт написал музыку к своей «Казачьей колыбельной песне». Давний поклонник журнала, ставропольский краевед Николай Блохин в своем сообщении поведал редакции приятную весть: «Библиографы Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова записали эту статью на биографическую карточку, а текст статьи положили в папку “М. Лермонтов: новое в лермонтоведении”».

И еще один штрих к нашей издательской истории. В 2016 году департамент культуры возложил на ГБУК ВО «Журнал «Подъём» обязанности по изданию культурно-просветительского издания — газеты «Мысли(!)» для адресного распространения среди учреждений культуры области.

Таким образом, в желании совершенствовать и развивать творческую политику, внедрять в практику новые культурно-просветительские проекты свой издательский потенциал учреждение за последние годы существенно расширило и укрепило.

В настоящее время ГБУК ВО «Журнал «Подъём» осуществляет свою деятельность по следующим направлениям:

— издание ежемесячного литературно-художественного журнала «Подъём»;

— издание тематических номеров «Без таких городов не представить Россию», посвященных культуре, истории и литературе малых городов российской провинции (один-два раза в год);

— издание документально-публицистических приложений к журналу «Подъём – Регион» (по договоренности с заказчиками);

— издание газеты «Мысли(!)» (раз в два месяца);

— размещение электронной версии журнала на собственном сайте;

— размещение электронной версии номеров на литературных порталах России: «Читальный зал» (Москва), «Журнальный мир» (Новосибирск), «Русское поле» (Москва) и др.;

— постоянное совершенствование контента сайта, включая публикацию литературной хроники, которая, по оценке специалистов, представляет собой самую полную новостную ленту в Воронежской области по литературной тематике;

— размещение на главной странице сайта под рубрикой «Проекты «Подъёма» электронных верстоk тематических номеров, книг и культурно-просветительских приложений, подготовленных редакцией журнала «Подъём»;

— открытие на сайте двух крайне востребованных рубрик «Авторский текст» и «Воронежская книга». В «Авторском тексте» печатаются публицистические и литературно-художественные материалы авторов журнала на актуальные темы. В «Воронежской книге» размещаются электронные верстки книг, которые выходят по областной книгоиздательской программе и за реализацию которых отвечает ГБУК ВО

«Журнал «Подъём». Цель этого социокультурного и просветительского начинания очевидна: при относительно небольших печатных тиражах, которые идут главным образом на пополнение библиотечных фондов области, дать возможность читателям знакомиться с региональными книжными новинками через электронные ресурсы.

Понятно, что золотой век классических «толстых» журналов прошёл. И всё-таки хочется верить: запрос на такие издания пока ещё остаётся в социуме, в культуре страны и в её литературе.

Сотрудники журнала «Подъём» в своих творческих поисках стремятся учитывать современные тенденции в журнальной и издательской деятельности, осваивая цифровые технологии и виртуальное пространство.

В 2020 году редакцией была объявлена литературно-патриотическая акция к 75-летию Великой Победы «Линия фронта — линия слова: воронежская литература о Великой Отечественной войне». Началась она с литературных десантов в Верхнемамонский, Хохольский, Репьевский районы. Однако из-за начавшейся пандемии вскоре перешла в цифровое пространство. На сайте журнала были организованы он-лайн выпуски по Аннинскому, Богучарскому, Калачеевскому, Петропавловскому, Россошанскому районам. Наряду с этим размещено семь специальных литературно-публицистических выпусков «С «Подъёмом» вместе!», в которых были напечатаны также художественные произведения писателей-медиков — авторов журнала со всей страны.

В 2025 году учреждение также планирует целый ряд журнальных, книгоиздательских и культурно-просветительских проектов, посвященных 80-летию Великой Победы.

За свою более чем девяностолетнюю историю журнал «Подъём» получал различные награды. Некоторыми из них коллектив редакции по-прежнему гордится. Так, в 1981 г. изданию был вручён орден «Знак

Почёта» по случаю 50-летия образования журнала. В 2011 г. в связи с 80-летием журнала «Подъём» вручены Почетные грамоты Совета Федерации РФ, правительства Воронежской области и Союза писателей России. В 2019 г. в ознаменование 60-летия Союза писателей России «Подъёму» вручили Дипломом Союза писателей России за высокий профессионализм, сохранение литературного пространства России, бережное отношение к слову. В 2020 г. журнал был награждён медалью Союза писателей России «Михаил Шолохов», а также получил Золотой диплом XI Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», посвящённого 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 150-летию А.И. Куприна и 125-летию С.А. Есенина с формулировкой «За нескончаемую преданность традициям великой русской литературы, помощь в укреплении и развитии международных и межрегиональных писательских связей».

Как это ни тяжело признавать, но, видимо, золотой век классических «толстых» журналов проходит. На смену им, наверное, придут другие, более современные, более понятные поколениям цифровой эпохи и искусственного интеллекта формы. Но литература обязательно останется и всегда найдет свое место в любой новой реальности. Несмотря на самые обилие вариантов человеческой коммуникации, конкретные люди по-прежнему живут, радуются, волнуются, их сердца сострадают и любят, а души жаждут гармонии и счастья.

Литература

1. Постановление бюро Обкома ВКП (б) ЦЧО от 27.12. 1930 г. – КУВО «ГАОПИ ВО». Ф.2.Оп.1. Д. 866. Л.118.

I

НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

В.Е. Новохатский,
шеф-редактор — ответственный секретарь
ГБУК ВО «Журнал “Подъём”»

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

В последнее время старейший в России литературно-художественный и общественно-политический журнал «Подъём» существенным образом обновил творческую политику, наполнив страницы не только сугубо литературными публикациями, но и высококачественной современной публицистикой, а также материалами уникальных культурно-просветительских и духовно-воспитательных проектов.

К таким проектам, прежде всего, относится выпуск приложений «Подъём-Регион», посвященных этнокультурным особенностям Воронежской области. В 2014 — 2021 гг. редакция подготовила и выпустила пять специальных приложения: «Истоки», «Отчий край», «Воронежский простор», «Золотой сундучок» и «Сторона моя, сторонка». Сейчас начинается подготовка шестого выпуска, посвященного фольклору: пословицам, поговоркам, загадкам и т.п. Эти приложения к журналу рассказывают об истории заселения края, самобытности жизни, традиций, обычаев региона, формировании и развитии его особой языковой среды. Статьи ученых, писателей, журналистов о сохранении языкового, этнокультурного, духовного наследия поколений адресованы не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

Поначалу этот издательский проект реализовывался творческой группой журнала «Подъём» в рамках государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы по подпрограмме

«Этнокультурное развитие Воронежской области». К работе над выпусками были привлечены значительные силы (порядка 70 человек) ученых и краеведов, писателей и журналистов, представителей исполнительной власти, депутатского корпуса, национальной общественности региона. Это позволило не только расширить тематический свод сборников, но и сделать его глубоким, интеллектуально насыщенным. Здесь помещены уникальные научные и популярные статьи о культуре и истории региона, очерки о выдающихся мыслителях и литераторах, внесших большой вклад в формирование этнокультуры Воронежского края, блок материалов о развитии традиционной культуры области в настоящее время. Творческой группе удалось привлечь к участию в издании приложений около ста воронежских поэтов с произведениями о малой родине, о реке Дон. В разделе «Незабытые страницы» представлены публикации писателей-классиков от А.В. Кольцова и И.С. Никитина до Г.Н. Троепольского и А.В. Жигулина.

Особую ценность составляют работы о языковых особенностях населения Воронежского края, о фольклорных экспедициях по районам области, топонимические исследования, которые представлены в разделах «Истоки», «Наследие», «Традиции». Содержательную объемность придают сборникам размышления отечественных и зарубежных литераторов и философов о русском языке, русском мире, его нравственном величии и значении для судеб всей планеты.

Данный проект продолжает и расширяет тематическую линию редакции по выпуску специальных номеров под рубрикой «Без таких городов не представить Россию», которые раскрывают богатство и непреходящую историко-культурную ценность малых городов Воронежской области, провинции как основы культурного пространства региона и страны. Целевые выпуски объединяют под обложкой прозу и

поэзию, живопись и народные промыслы, информацию о достопримечательностях, очерки о выдающихся людях, имена которых известны далеко за пределами родного края, проблемные статьи о культуре, литературе и социуме. Неповторимые старинные городки черноземной России: Острогожск, Борисоглебск, Елец, Новохопёрск, Таловая, Семилуки, Нижнедевицк, Панино, Богучар, Мичуринск, Лиски, Россошь, Эртиль, Павловск и др. — настоящий кладезь отечественной истории, культуры и быта в границах Южного Порубежья. Здесь тесно переплелись боевая и ратная слава, традиции русского и украинского народов, донского и хоперского казачества.

Появление таких проектов вызвано временем, когда национальная самоидентификация вновь наполняется актуальным содержанием. Нынешним дням пророчески созвучны слова философа И.А. Ильина, написанные век назад: «В современном мире есть большая беда, а именно — оторванность человека от корней. Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не оседая, нигде не становясь верными, как внешне, так и внутренне». Именно поэтому человеческая душа не может быть пустой, бездомной — следует из публикаций этнокультурной направленности в журнале «Подъём».

Л.Н. Дьякова,
Воронежский государственный университет

ЖУРНАЛ «ПОДЪЁМ» В ПРОЕКТЕ «HOMO LEGENS — ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ» НА ПЛОЩАДКЕ КНИГОТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АМИТАЛЬ»

Одна из крупнейших региональных книготорговых фирм России «Амиталь», основанная в 1991 году, включает в себя сеть книжных магазинов (более 20) в населённых пунктах Воронежской, Липецкой,

Курской, Белгородской областей, Интернет-магазин, Информационно-методический центр.

Открывая в трудные 90-е книжный бизнес, Воронеж в каком-то смысле был первопроходцем, поскольку ему предстояло соперничать с такими сильными брендами, как «Книжный мир семьи», «Библиосфера». Это были серьёзные конкуренты, но они ушли с рынка.

«Амиталь», по сути, единственный региональный бренд книготорговой отрасли, который никогда не претендовал на федеральный «паспорт» и прописку. Он 33 года гордится своим воронежским рождением, справедливо являясь, в свою очередь, гордостью Черноземья. Основным и практически единственным конкурентом в компании считают федеральную сеть книжных магазинов «Читай-Город». Но у них разные концепции, ресурсы и подходы.

Важной частью работы «Амиталя» являются просветительские мероприятия. Их много. Одним из наиболее значимых культурно-просветительских проектов является ежегодный (с 2002 года) городской фестиваль детской книги «Ты и я с книгой лучшие друзья», который книготорговая сеть проводит совместно с управлением образования и молодежной политики администрации городского округа г. Воронеж, управлением культуры, Дворцом творчества детей и молодежи, при поддержке ведущих издательств страны (20 тыс. участников ежегодно).

Это не только конкурсы рисунков, фотографий, буктрейлеров, умных закладок, чтецов, знатоков детской литературы, грамотеев, юных литературных критиков, поэтов, писателей, флешмобов в поддержку чтения, но и несколько сотен бесплатных экскурсий и мастер-классов, встречи с детскими писателями, публичные лекции, читательские конференции, круглые столы, семинары, собрания с родителями по проблемам детского и семейного чтения. «Мы никогда не ставили основной

целью только заработать денег. Наша миссия — сформировать культурную окружающую среду вокруг себя. Инвестируя в культурно-просветительскую и социально-образовательную составляющие нашей работы, мы понимаем, что инвестируем в будущее своей компании и общества, в котором нам предстоит жить… Идёт постоянный диалог с интеллектуальной аудиторией, и в первую очередь с детьми», — так определяют свою сверхзадачу руководители «Амиталя» [4].

Проект «Человек читающий», который в сентябре 2024 года начал семнадцатый сезон, — это сотни презентаций книг, встреч с писателями, поэтами, литературными критиками, издателями, учёными, публицистами, общественниками, историками, краеведами, драматическими артистами, авторами-исполнителями…

Число зрителей, посетивших за эти годы литературный клуб «Амиталя», исчисляется тысячами. Многие мероприятия транслировались в прямом эфире в социальных сетях, что заметно расширяло аудиторию.

Выделим встречи, организованные на площадке книжного магазина совместно с литературно-художественным журналом «Подъём».

Достаточно перечислить имена авторов журнала, членов редколлегии, штатных и внештатных работников издания, художников, редакторов, чтецов-декламаторов, чтобы понять масштабы совместной деятельности. Причём среди участников мероприятий — не только воронежцы, но и иногородние авторы (Москва, Санкт-Петербург, Норильск, Луганск, Донецк, Оренбург, Липецк и другие).

«Аксакалы»: Иван Щёлоков (главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём»), Евгений Новичихин, Виталий Жихарев, Юрий Кургузов, Вячеслав Лютый, Дмитрий Чугунов, Юрий Корчагин, Виктор Будаков, Нина Тонких, Людмила Шилина, Ирина Соляная, Александр Лапин, Владимир Новохатский, Сергей Пылёв, Зоя

Колесникова, Геннадий Литвинцев, Диана Кан, Алёна Даль, Лидия Сычёва, Михаил Фёдоров, Виктор Лютов, Дмитрий Дьяков, Валентин Нервин, Сергей Попов, Аркадий Пресман и другие.

«Молодёжь»: Дарья Гузеева, Екатерина Стрельникова, Василий Нацентов, Павел Пономарёв, Надежда Третьякова, Андрей Авраменков, Екатерина Макушина, Михаил Калашников, Евгений Голенцов, Елена Шилова, Сергей Чернов, Эльвира Пархоц, Дарья Князева и другие.

Алгоритм совместной деятельности отработан. Выход новой книги и её поступление в торговую сеть сопровождается презентацией. Заранее печатаются афиши, размещаются анонсы в интернете.

В заявленный день и час в уютном зале на втором ярусе книжного магазина «Амиталь на Пушкинской» собираются друзья, коллеги, читатели. Звучат фрагменты опубликованных произведений, выступают литераторы, критики, задаются вопросы из зала, идёт обсуждение книги. Ведущая этих встреч, к слову, — тоже один из авторов журнала «Подъём».

Презентации изданных произведений мотивируют авторов, помогают в продвижении (продаже) книг, поддерживают интерес воронежцев к чтению, формируют художественный вкус, дают возможность обрести единомышленников, дарят живое общение.

Слушатели радуются знакомству с тем или иным писателем, поэтом. Получают новые знания, впечатления и, конечно же, берут автографы, фотографируются на память.

Отрадно, что на презентации книг начинающих авторов приходят взрослые наставники, солидные литераторы. Преемственность очень важна, особенно в наше время, когда многие молодые люди легкомысленно думают, что писателем стать легко и просто — достаточно выпустить книжку. Так что в какой-то степени встречи в «Амитале» — это и литературная учёба.

Среди совместных проектов «Подъёма» и «Амиталя» — презентации тематических номеров журнала, посвящённых конкретному району или важной культурной, исторической дате; встречи редколлегии журнала со школьными библиотекарями; участие авторов журнала в ежегодной «Библионочи», различных благотворительных акциях по сбору книг, передаче различных номеров журнала «Подъём» в школьные и сельские библиотеки, учителям-филологам, пенсионерам.

Не забывают устроители встреч и ушедших из жизни писателей, поэтов, связанных с Воронежским краем и журналом «Подъём». Назовём несколько имён: Гавриил Троепольский, Алексей Прасолов, Анатолий Жигулин, Юрий Гончаров, Семён Борзунов, Вячеслав Дёгтев, Иван Евсеенко, Виктор Панкратов, Виктор Никитин, Александр Ромахов, Анна Жидких, Владимир Шуваев, Лия Бережных, Станислав Чернышёв…

Отметим новый пласт литературы, которую открывает на своих страницах журнал «Подъём», а «Амиталь» на своей площадке знакомит воронежцев с книгами и их авторами. Это литература, посвящённая теме Специальной военной операции. Уже более 10 книг, посвящённых военно-патриотической теме, журнал и книготорговая фирма представили в рамках совместного проекта.

Характер этих встреч отличается особым духом, да и аудитория здесь не совсем привычная: мобилизованные бойцы, вдовы, дети, матери погибших участников СВО и тех, кто сейчас исполняет свой долг, волонтёры, действующие солдаты и офицеры Российской армии, политики, журналисты. Многие приходят в военной форме, с наградами, фотографиями близких.

Жизнь рождает новых героев. Между тем не спадает интерес и к теме Великой Отечественной войны. Молодые литераторы обращаются к ней всё чаще.

Их тексты, стиль разговора с читателем соответствуют новому времени: акцент на сюжет, действие, внимание к диалогам. Девиз этого поколения — «ничего лишнего»: короткие предложения, прагматический стиль, экспрессия. Отметим также пренебрежение к знакам препинания (особенно в поэзии), вольное использование молодёжного, военного, компьютерного сленга, натурализм в описаниях различных сцен, бранные слова и выражения. Возьму на себя смелость сравнить язык некоторых современных произведений с языком социальных сетей, где молодёжь не стесняется в выражениях. Думаю, это тема отдельного исследования; профессиональные лингвисты осмысливают характеристики нового текста. Современный литературный процесс в этом смысле богат на примеры необычных форм представления информации.

Подводя итог, отметим, что сотни актуальных, запоминающихся встреч, организованных журналом «Подъём» совместно с книготорговой сетью «Амиталь», являются не просто сотрудничеством, а в какой-то степени стратегией, в которой пересекаются просветительские, творческие, издательские, а также и финансово-экономические задачи.

Литература

1. Дьякова Л.Н. Просветительские проекты книготорговой компании «Амиталь» и их роль в продвижении книги и чтения / Л.Н. Дьякова // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: материалы Междунар. науч. конф. (25–27 февраля 2014 г.). — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2014. — С. 63-65.

2. Дьякова Л.Н. Просветительские проекты книготорговой компании как одно из направлений PR-деятельности (на примере воронежской фирмы «Амиталь») / Л.Н. Дьякова // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 сентября 2014 г.). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 212-216.

3. Дьякова Л.Н., Черепкова Н.М. От просвещения к профориентации (О проекте «Большой университет – большому городу») / Л.Н. Дьякова, Н.М. Черенкова // Вестник Воронежского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 39-42.

4. De Facto // Коммерческий директор и совладелец компании «Амиталь» Татьяна Ларина: «Не все бренды в нашей отрасли выжили» // Бизнес-издание «Абирег» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://abireg.ru/newsitem/44242/]. Дата обращения: 04.10.2024 г.

Н.Н. Тимофеев,
Воронежский государственный академический
театр драмы им. А.В. Кольцова

ВОРОНЕЖСКИЙ ДРАМТЕАТР НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ» (1930-е — НАШИ ДНИ)

Год рождения журнала — 1931-й. Год рождения театральных представлений в Воронеже — 1787-й. Так что, когда младенец «Подъём» появился на свет, театр уже отмечал 144-й день рождения. Воронеж к этому времени уже был городом с богатой театральной историей, одним из самых театральных центров провинциальной России. При всём при этом и только что родившийся журнал и уже давно существующий театр к началу 1930-х оказались в одинаковой фазе своего развития — всё надо начинать сначала!

Журнал! Формировалась редакция (в начале было всего 2 человека), активно обсуждалось наполнение журнала, его рубрики, его содержательный и художественный уровни.

Театр! После бурных 1920-х, когда в городе в иные месяцы давали представления до 10 коллективов, стремясь переудивить друг друга репертуаром и сценическими приёмами, к началу 1930-х страсти улеглись, многие артисты и режиссёры подались в иные города и веси, в городе остались только драмтеатр, в 1918-м получивший наименование Большой Советский театр (сокращённо БСТ), и небольшая труппа Молодого театра, который через несколько лет станет ТЮЗом. Так вот, в составе БСТ в самом начале 1930-х как-то сразу появилась большая группа артистов, которые определяли его художественное лицо вплоть до 1950-х. И не только артисты. В 1929-м директором стал Сергей Вольф. Он был в этой должности до 1951 года. В 1930-м главным режиссёром стад Всеволод Энгелькрон. Был в этой должности, с небольшими перерывами, до 1951 года. Конец 1920-х — начало 1930-х — время мощного идеологического

давления на все сферы искусства. Требовалось «усилить работу по созданию революционного репертуара, используя героическую борьбу рабочего класса» [18]. Таким образом, и журнал, и театр служили одной идеологической цели — воспитанию народа в духе социалистического реализма. Но журнал в этой ситуации оказался по отношению к театру в роли контролёра-ревизора, оценивающего результаты его работы. Уже в 1932-м, в пятом номере «Подъёма», появляется статья некоего Д. Еремина «За социалистическую реконструкцию театра» (будто речь идёт о здании!) с подзаголовком «К итогам театрального сезона БСТ» [4]. Главные претензии — мало постановок о героях революции и рабочем классе. В 1933-м — те же претензии: уже в статье А.Столетова «Успехи и неудачи Воронежского БСТ» [16].

Между прочим, в эти годы успехи театра, да и в целом театральная жизнь в городе, были весьма значительные. В театре ставили спектакли ученик В.И. Немировича-Данченко А.И. Канин, ученик К.С. Станиславского С.Н. Воронов. В 1932 в Воронеже появилось театральное училище. В числе педагогов был один из ведущих актёров и режиссёр театра Г.М. Васильев. В 1935-м на страницах «Подъёма» появляется новая рубрика — «Театральные заметки», а в ней сразу три материала о театре. В первом номере — рецензия «О постановке пьесы В. Киршона «Чудесный сплав» в БСТ и Молодом театре», её автор И. Черейский [17]. Ещё одна в том же номере — «Смерть Иоанна Грозного» — о спектакле в БСТ», автор А. Ярцев [19]. Постановка пьесы Киршона в драмтеатре получила одобрение рецензента, потому что автором пьесы был известный литературный партфункционер, а главным действующим лицом выведен тип нового руководителя, несгибаемого большевика. И пьеса, и постановка, по мнению автора, соответствовали курсу социалистического реализма, провозглашённого съездом советских писателей в 1934 году. В

1938-м автор был расстрелян, как враг народа. Вот такое было время. Во втором номере журнала за 1935 год ещё одна театральная рецензия — «Вишнёвый сад в БСТ», автор П. Калецкий [6]. А в шестом номере в том же году публикуется комедия Николая Задонского «Сердце в ремонте» [5]. Это была уже третья публикация пьес воронежского автора. Так что театральная тема сыграла важную роль в первые годы становления журнала, когда редактором был писатель Максим Подобедов. Благодаря публикациям пьес и материалов о жизни театра журнал начала 1930-х годов имел право называться не просто литературным, а уже литературно-художественным.

К 1935 году воронежский драмтеатр уже мог рапортовать о своих достижениях. В том году в его репертуаре 13 постановок. Классика представлена именами Шекспира и Гольдони, Чехова и Горького. Современная пьеса — именами А. Корнейчука и Н. Погодина. Оба в то время начинающие драматурги, приспосабливающиеся к идеологическим требованиям времени. В том же 1935-м организуются первые гастроли провинциальных театров в Москве. Приглашены воронежский, смоленский и новосибирский. Наивысшую оценку получили репертуар и труппа воронежского театра. Были показаны спектакли «Дети солнца» М. Горького, «Вишнёвый сад» А.П. Чехова, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого.

А что же происходит с «Подъёмом»? С 1937 года это уже альманах — «Литературный Воронеж». Такое название он имел по 1955 год. В чём причина переименования? Воронеж в начале 1930-х был столицей Центрально-Черноземной области, территория которой вмещала почти шесть сегодняшних областей. Журнал, по сути, должен был представлять литературную жизнь шести областей. Охватить обширную географию было не по силам малочисленной редакции, члены которой, к тому же, не имели никакого опыта ведения литературного журнала. Воронежская область

была создана только в 1934-м году. По этой причине и появился альманах, то есть издание, которое может себе позволить выходить в свет не регулярно, а по мере накопления материала. А его название «Литературный Воронеж» чётко определяло местную географию его авторов.

Ну а как же была представлена театральная жизнь теперь уже в альманахе «Литературный Воронеж»? В 1938-м на его страницах впервые в качестве автора очерков-портретов артистов драмтеатра появляется Н.П. Садковой, с 1933 по 1938-й репортёр, а с 1938 по 1941-й — заведующий отделом культуры и искусства газеты «Коммуна». Уроженец Воронежа, в 1933-м он окончил редакторское отделение литературного факультета Ленинградского историко-лингвистического института. Такое образование давало ему право писать об искусстве и литературе. В «Коммуне» он появился в возрасте 21 года, в 1938 ему уже 26, и он имеет опыт работы в газете. В 1938 в альманахе появляется его очерк «Заслуженный артист Республики Г.М. Васильев» [9], затем театральный очерк-портрет «Аркадий Васильевич Поляков» [10], в 1939-м — его же публикация «Об актрисе Воронежского драмтеатра К.Г. Незвановой» [11], в 1940-м — «Образ Сталина в постановке Воронежского областного театра «Путь к Победе» по пьесе А.Н. Толстого» [12]. А вслед за этим в том же номере — рассказ исполнителя роли А. В. Полякова «Моя работа над образом Сталина» [8]. В альманахе за 1941 год выходит публикация Н.П. Садкового «Б.В. Викторов. Заметки об актёре» [13]. В 1941-м, с началом войны, талантливый журналист и начинающий театральный критик покидает Воронеж и объявляется здесь уже в качестве директора Воронежского музыкального театра в 1961-м.

Заключая историю связи журнала и театра в 1930-е годы, можно выразить сожаление, что редакция прошла мимо ярких театральных событий тех лет. 6 ноября 1937 года воронежский драмтеатр впервые в

СССР воплотил на профессиональной сцене образ В.И. Ленина в спектакле по пьесе Н. Погодина «Человек с ружьём». Роль вождя сыграл В.И. Флоринский. Ещё один беспрецедентный для театральной жизни СССР факт времени — вторые гастроли провинциального драмтеатра в Москве в 1938 году, всего через три года после первых.

Великая Отечественная война прервала выпуск литературно-художественного альманаха. Снова мы встречаемся с публикациями о театре на его страницах уже в 1950-м году. Главный художник драмтеатра Н.И. Данилов, он же историк театра в то время, подробно рассказывает о творческом пути будущего народного артиста СССР С.И. Папова [2]. А в следующем году появляется очерк А. Кравцова о заслуженном артисте Республики В.И. Флоринском [7]. В 1954-м альманах начинает публиковать роман В. Кораблинова «Жизнь Алексея Кольцова». На основе романа режиссёр Фирс Шишигин в 1958-м создаст яркий спектакль, дважды показанный в Москве, после чего театр получит в 1959-м имя поэта Алексея Кольцова.

В первое десятилетие после Великой Победы в литературу вошли сразу два поколения — фронтовики и родившиеся в начале 1930-х. Так что предложений для публикаций было множество. Расширялся и географический диапазон авторов и тем. Присылали свои рукописи авторы соседних областей. В общем, в 1956-м альманах местного значения и названия «Литературный Воронеж» обрёл своё первоначальное имя — журнал «Подъём».

В 1950-е на страницах журнала в качестве авторов довольно часто появляются уже упомянутый ранее Н.И. Данилов и заведующая литературной частью театра Ольга Стиро. В 1958-м — впервые! — в журнале появляется рубрика «ТЕАТР». В номерах с первого по третий выходят один за другим материалы о драмтеатре. В первом — очерк

писателя и журналиста Михаила Сергеенко о народном артисте СССР Сергее Папове. Во втором — творческий портрет народного артиста РСФСР Аркадия Полякова. В третьем — объёмная статья Н.И. Данилова «Путь театра» со множеством интересных фактов из истории театра в XIX веке [3]. В том году, кстати, будущий народный артист СССР Фирс Шишигин поставил спектакль «Алексей Кольцов», который радио транслировало на всю страну. Частота публикаций о театре возросла с 1958-го года, когда заведующим отделом критики и библиографии стал З.Я. Анчиполовской, в последующие годы известный театровед, автор 9 книг о театрах Воронежа.

В 1959-м главным редактором становится писатель и драматург Ф.С. Волохов. В этой должности он поднимал «Подъём» до хорошего российского уровня до 1973 года. Его пьесу «Топор и крест» режиссёр А. Кузнецов поставил в драмтеатре в 1983-м

В сущности, именно «Подъём» стал кузницей театральной критики в Воронеже. С начала 1970-х и вплоть до 1990-х в летнее время в Воронеж приезжали три-четыре театра. Хорошим тоном в те годы становилась необходимость рецензировать постановки гостей. Зиновий Анчиполовский решил литературных критиков заинтересовать ещё и театром. Так в самом начале 1970-х возникло в Воронеже совершенно новое явление — секция театральной критики при Воронежской писательской организации и журнале «Подъём». Кроме самого З.Я. Анчиполовского, театральными критиками стали известные молодые в то время учёные-филологи и журналисты: Алла Ботникова, Вадим Кулиничев, Лев Кройчик, Полина Бороздина, Леонид Коробков, Екатерина Мущенко, Владислав Свительский, Валентин Семёнов, Александр Смирнов, Валентин Инютин, Наталья Цымбалистенко. Все они активно в 1960 — 1980-е писали отзывы о

спектаклях, театральные рецензии на постановки гостей и своих воронежских театров.

С 1973 по 1988 год главным редактором «Подъёма» был писатель В.М. Попов. Частотность публикаций о театральном процессе в те годы практически сохранялась на том же активном уровне, что и ранее. Появлялись аналитические обзоры театральных событий и даже оценки работы местных критиков. Так, в шестом номере за 1976 год большой резонанс вызвала статья известного учёного-филолога В.П. Скобелева «Сложная суть и понятное слово. Заметки о театральных рецензиях на страницах воронежских газет» [14]. Газеты «Коммуна» и «Молодой коммунар» во второй половине XX века регулярно откликались и на все премьеры воронежских театров, и на постановки гастролёров. А редакция газеты «Молодой коммунар», когда там работал умный и весьма образованный полемист Леонид Коробков, нередко устраивала «круглые столы», во время которых возникали острые споры. Читать эти материалы было весьма интересно. В ситуации оперативного отклика на театральные события на газетных страницах журнал «Подъём» играл роль более аналитического органа, печатая объёмные материалы либо из истории, как например, цикл «Люди русского театра», либо портреты известных режиссёров, актёров, художников, уже много сделавших на ниве воронежской Мельпомены.

Начиная со второй половины 1980-х, а затем в хаотические 1990-е частотность публикаций о театральных процессах заметно уменьшилась. Исчезла цензура, возникла возможность поднимать ранее запрещённые темы, печатать запрещённых авторов. Всё это хлынуло вдруг лавиной, и редакции надо было проявить определённую активность, чтобы не отстать от конкурентов. При этом журнал уже начал выходить на всероссийскую орбиту своими открытиями тем и имён. В это время частотность

публикаций именно о драмтеатре несколько уменьшилась, в том числе и по причине увеличения культурных событий в городе. Надо было уделять внимание событиям в оперном театре и ТЮЗе, в Камерном и Театре кукол, творчеству художников и композиторов.

С 2009 года журнал возглавляет поэт Иван Щёлоков. За это время там сложился коллектив талантливых писателей, которые ведут журнал по пути творческого разнообразия. Известный литературный и театральный критик Вячеслав Лютый, сегодня зам. главного редактора, знает театральную жизнь не по слухам, а изнутри. Ранее он несколько лет работал в театре драмы. Его публикации всегда глубоки и интересны. С его присутствием в редакции значительно повысился именно интеллектуальный уровень публикаций о театральных событиях города, появились новые имена. В настоящее время журналу нет необходимости исполнять роль надзора и ревизора театральной жизни в городе, как это было в 1930-е годы. Существует деловое творческое содружество пишущих о театре и журнала, который вполне достойно сегодня, уже на российском уровне, исполняет роль именно *литературно-художественного* журнала.

Литература

1. *Анчиполовский З.* По пути сценического реализма. К 175-летию Воронежского драмтеатра им. А. Кольцова / З. Анчиполовский // Подъём. — 1976. — № 5. — С.127-133
2. *Данилов Н.* Актёр С.И. Папов / Н. Данилов // Альманах «Литературный Воронеж». — 1950. — № 2 (24). — С. 206-220.
3. *Данилов Н.* Путь театра. Из истории Воронежского драмтеатра / Н. Данилов // Подъём. — 1958. — № 3. — С. 128-137.
4. *Еремин Д.* За социалистическую реконструкцию театра. К итогам театрального сезона БСТ / Д. Еремин // Подъём. — 1932. — № 5. — С. 82-86.
5. *Задонский Н.* Сердце в ремонте. Комедия в 4-х действиях / Н. Задонский // Подъём. — 1935. — № 2. — С.3-49.
6. *Калецкий П.* «Вишневый сад» в БСТ / П. Калецкий // Подъём. — 1935. — №2. — С.122- 125.
7. *Кравцов А.* Заслуженный артист Республики В.И. Флоринский / А. Кравцов // Альманах «Литературный Воронеж». — 1951. — № 3. — С.183-195.
8. *Поляков А.В.* Моя работа над образом И.В. Сталина / А.В. Поляков // Альманах «Литературный Воронеж». — 1940. — С. 331-332.
9. *Садковой Н.П.* Заслуженный артист Республики Г.М. Васильев / Н.П. Садковой // Альманах «Литературный Воронеж». — 1938. — № 3. — С.314-320.

10. *Садковой Н.П.* Аркадий Васильевич Поляков / Н.П. Садковой // Альманах «Литературный Воронеж». — 1938. — № 4. — С. 272-286.
11. *Садковой Н.П.* К.Г. Незванова. Очерк об актрисе Воронежского драмтеатра / Н.П. Садковой // Альманах «Литературный Воронеж». — 1939. — С. 272-286
12. *Садковой Н.П.* Образ И.В. Сталина в постановке Воронежского областного театра «Путь к победе» по пьесе А.Н. Толстого / Н.П. Садковой // Альманах «Литературный Воронеж». — 1940. — С. 325-330
13. *Садковой Н.П.* Б.В. Викторов. Заметки об актёре / Н.П. Садковой // Альманах «Литературный Воронеж». — 1940. — С. 331-332.
14. *Скобелев В.* Сложная суть и понятное слово. Заметки о театральных рецензиях на страницах воронежских газет / В. Скобелев // Подъём. — 1976. — № 6. — С.130-135.
15. *Стиро О.* А.В. Поляков. Об актёре Воронежского драмтеатра / О. Стиро // Подъём. — 1958. — №1. — С.129-138.
16. *Столетов А.* Успехи и неудачи Воронежского БСТ / А. Столетов // Подъём, - 1933. - №6-10. – С. 82-89.
17. *Черейский И.* О постановке пьесы В. Киршона «Чудесный сплав» в БСТ и «Молодом театре» / И. Черейский // Подъём. — 1935. — № 1. — С.117-121
18. *Юзовский И.* Вопросы социалистической драматургии / И. Юзовский. — М.: Советская литература, 1934. — С.77.
19. *Ярцев А.* «Смерть Иоанна Грозного» — о спектакле в БСТ / А. Ярцев // Подъём. — 1935. — № 1. — С.121-124

Т.Ф. Пухова,
Воронежский государственный университет

ВОРОНЕЖСКАЯ СКАЗКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

Фольклорные материалы нередко печатались на страницах воронежского журнала «Подъём» в разные годы его существования. Это и воронежские народные песни, частушки, сказки, предания и многое другие фольклорные жанры, а также статьи и рецензии на сборниках. В нашей статье мы коснемся проблемы отражения жанра сказки на страницах «Подъёма».

Уже в 1950-60-е годы в воронежской печати такие материалы появлялись регулярно. Поможет разобраться с этим вопросом библиографический указатель «Фольклор Воронежского края», составленный В.А. Павловой в 1965 году. Вот выдержки из него за 1950–60-е годы:

«209. Барышникова А.К. Сказки бабушки Куприянихи. Составление и лит. обработка М.М. Сергеенко. М., Детгиз, 1957. 48 стр. («Книга — за книгой»).

Рец.: Иванов Г. [Антюхин Г.В.]. — «Подъём». 1958, № 1, с. 158–159. 1957

210. Кто сильнее. (Сказка) — Запись М. Губова — «Подъём», 1957, №2. с.131–132.

211. Королькова А.Н. Бубличная туча. Муж и жена. Запись Э.В. Померанцевой. — «Подъём», 1958, № 4, 141–144.

213. Барышникова А.К. (Куприяниха) и Королькова А.Н. Сказки. Лит. обработка М.М. Сергеенко и А.Н.Шубина. — Воронеж, кн.-изд-во, 1959. — 168 с.

Рец. — [Без подписи] — «Подъём», 1959, №3. — с.129.

214. Королькова А.Н. Завещание. Сказка. — «Подъём», 1960, № 6. — с.103–105.

217. Королькова А.Н. Кузьма Дегтев. Сказка. — «Подъём», 1962, № 3. — с.89–92.

218. Королькова А.Н. Лесной хозяин. — Сказка «Подъём», 1963, № 4. с. 97–100» [8, с. 57–58].

В 1970-е годы в журнале «Подъём» в отделе для детей «Колобок» печатались сказки А.Н. Корольковой «Волк и лиса», «Кто умнее, тот сильнее», «Домашние животные», «Диковинка».

Но наиболее активно и плодотворно сказочное творчество Воронежского края стало публиковаться в 2010-е годы. И связано это, конечно, с творчеством наших замечательных сказочниц — Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи) и Анны Николаевны Корольковой.

Большое значение в популяризации их творчества имели биографические труды Евгения Григорьевича Новичихина о жизни А.Н. Корольковой. Так в 2014 году в январском номере «Подъёма» появилось повесть Е.Г. Новичихина «Добрым молодцам урок. Документальное повествование о народной сказительницы Анне Корольковой [3, с. 62–126]. В этом же 2014 году вышла в свет и книга Е.Г. Новичихина «Добрым молодцам урок. Жизнь и судьба Анны Корольковой: документальное повествование» в издательском доме ВГУ в серии «Неизвестные известные воронежцы».

Книга Е.Г. Новичихина является своего рода хроникой жизни А.Н. Корольковой. Посмотрим на это произведение подробнее. Главы в этой книге названы фразами самой сказительницы из ее воспоминаний:

глава «Нету на свете милей родимого места!...» — о родине А.Н. Корольковой, о селе Старая Тойда, об истории этих мест, происхождении названия села;

глава «Анютка, расскажи сказку» — о том, откуда узнала Анна Николаевна сказки, кто их рассказывал, от кого она переняла искусство их рассказывать, о ее дедушке Устине Сергеевиче Глазкове;

глава «Своя семья» — о семье самой Корольковой, о ее свадьбе, детях;

глава «Из Старой Тойды — в город» — о переезде семьи в Воронеж, о работе на заводе СК, о создании А.Н. Корольковой в 1938 г. народного хора при этом заводе, о поездке в Ярославль на Всесоюзную олимпиаду коллективов художественной самодеятельности предприятий химической промышленности, о приглашении победителей в Москву для участия в правительственном концерте;

главы «Идет война народная», «У истоков воронежского хора» — о войне, выступлениях в госпиталях, о том, как А.Н. Королькова раненым сказки рассказывала;

глава «Её сказки о войне» — о создании сказок «Верная жена князя Петра», «Волк-людоед, «Заветный меч-кладенец и волшебное кольцо», «Мудрая мать».

В главе «В послевоенном Воронеже» Е Новичихин рассказывает о своих встречах с А.Н. Корольковой, о работе фольклористов над ее сказками, о выходе сборников сказок, о приеме А.Н. Корольковой в Союз писателей.

Отдельно говорится в повести о работе над научным изданием сказок Э.В. Померанцевой (сборник под ее редакцией будет напечатан в 1969 году).

В главе «Член Союза писателей России» речь идет о насыщенной жизни А.Н. Корольковой в 50-70-годы, о выходе в свет многих ее книг или ряда сказок в составе других произведений воронежского фольклора. «В 1956 году Королькова вместе с экспедицией Московского государственного университета, представленной большой группой фольклористов, отправилась в родную Старую Тойду. Целых две недели провели здесь московские гости, без конца консультируясь с Анной Николаевной… Удалось записать сотни песен, больше ста сказок» [3, с. 107].

Е. Новичихин перечисляет издания А.Н. Корольковой 1960-х годов: в 1962 году вышла книга сказок «Золотой кувшин», в 1964 году — «Кавер-самолет», в 1966 — «Хрустальное озеро, в 1969-м — 2-е издание «Белой лебедушки». Но все эти книги были подготовлены и литературно обработаны воронежскими писателями: А.И. Шубиным, М.М. Сергеенко, Г.Г. Воловиком.

Единственным научным сборником сказок А.Н. Корольковой является сборник Э.В. Померанцевой, в котором сохранен язык её сказок. «В научном мире, изучающем фольклористику, книга стала большим событием. Дело в том, что сказки даны в ней в дословной записи, а не в литературной обработке. В них — живой русский язык. Писатели, записывающие сказки Корольковой, пытались их «причесать», «пригладить» А в книге Померанцевой они даны в первородной глубине и яркости» [3, с. 109].

Наконец, в завершающей главе «Последнее десятилетие» приводится ряд фактов о последних годах замечательной сказительницы, сохранившей до последних дней преданность народной сказке и любовь к людям.

В 2010-е годы стало выходить приложение к литературно-художественному журналу «Подъём» — «Подъём-регион», посвященное этнокультурным особенностям Воронежской области». Это альманахи «Истоки» (2014), «Отчий край» (2015); «Воронежский простор (2016), «Золотой сундучок» (2017).

В альманахе «Отчий край». Этнокультурные особенности Воронежской области» (2015) была напечатана небольшая статья Евгения Новичихина «Хрустальное озеро сказок (народная сказительница Анна Николаевна Королькова)» [4]. Здесь вновь говорится о значении сказочного творчества А.Н. Корольковой, приводятся интересные факты из ее биографии.

В 2016 год в альманахе «Воронежский простор. Этнокультурные особенности края» появилась особенный материал. Здесь впервые публикуется текст беседы А.Н. Корольковой со студентами Воронежского государственного университета («Я слова-то разбираю да в карман покладаю...» [1, с.180-206]).

Этот материал имеет интересную историю. Знаменитая воронежская сказочница А.Н. Королькова была не только хранительницей народных преданий, сказок и песен, но и интересным собеседником, приветливым и жизнерадостным человеком. Об этом говорят записи бесед А.Н. Корольковой со слушателями. Такой была встреча сказительницы со студентами филологического факультета Воронежского государственного факультета, которая состоялась в 1960 году [6].

Сохранилась аудиозапись этого выступления А.Н. Корольковой. Уже в начале 2000-х удалось ее разыскать (долгие годы магнитофонные пленки хранились у исследовательницы ее творчества, преподавательницы филологического факультета ВГУ Татьяны Петровны Ивановой), оцифровать и расшифровать записи удалось в 2008 году с помощью компьютерщиков ВГУ. В дальнейшем работа над аудиозаписью продолжалась в лаборатории народной культуры им. проф. С.Г. Лазутина. В ее расшифровке участвовали студенты и преподаватели филфака (Т.Ф. Пухова, Г.В. Марфин, М.В. Панова). Отметим, что тексты А.Н. Корольковой даются точно по аудиозаписи со всеми диалектными особенностями, характерными для южно-русского аканья и яканья, в частности, говора села Старая Тойда [5, с.189].

Встреча с Анной Николаевной продолжалась около полутора часов. Это была настоящая беседа, душевный разговор человека XX века, прожившего трудную, но и яркую жизнь, и студентов 60-х годов, выросших уже в мирное, спокойное время, с удовольствием слушавших ее.

Анна Николаевна, несмотря на свои 72 года, порадовала всех не только свободной, веселой манерой ведения разговора, мелодичной, очень эмоциональной речью, быстрым тойденским говорком, но и, самое главное, — богатством самого фольклорного материала, который она показала слушателям.

Начала свой рассказ она так: «Я много знаю ска-азок, пе-есен, посло-овиц, погово-орков, загадков! Ну, стала уж и несколькя забывать, потому что мне семьдесят второй год». Потрясающе, как за короткое время (учебную пару), сказительница исполнила для студенческой аудитории произведения основных жанров фольклора: 4 новых сказа (один из них с элементами былины), 5 песен (историческая, любовная, солдатская, хороводная, свадебная величальная), 1 балладу, 5 сказок, 26 частушек, 5 страданий, 6 загадок, предание о разбойнике Кудеяре. При этом Анна Николаевна Королькова пересыпала исполнение песен, сказок, частушек рассказами о своей жизни: о переезде из Старой Тойды Аннинского района в Воронеж, о заводе синтетического каучука им С.М. Кирова, о создании хора домохозяек при заводе Кирова, о войне, возвращении в Старую Тойду, о народном хоре в Тойде, объединении хоров Тойденского и Воронежского, о работе в Воронежском хоре, о гибели сына на фронте, о сказках, созданных во время войны, о современных сказах, об истории создания этих жанров.

Анна Николаевна исполнила на встрече три волшебные сказки («Горошина», «Сума, дай ума», «Ворожей»), одну бытовую («Ленивые старик и старуха») и одну сказку («Верная жена князя Петра»), созданную по мотивам древнерусской повести о Петре и Февронии.

В 2017 году вышел в свет еще один альманах — «Золотой сундучок. Сказки. Этнокультурные особенности Воронежской края» [2].

Выход этого сборника имел большое значение, так как объединил под одной обложкой русские народные сказки XIX и XX веков, а также литературные сказки воронежских писателей XXI века.

Открывает сборник предисловие В.М. Акаткина «Язык русской души», в которой он доказывает, что «Сказка — это и многовековой

житейский опыт, и уроки истории, и душа, и надежда народа, поверившего в себя, в свое могущество и непобедимость» [2, с. 7]

Первый раздел альманаха посвящен трудам А.Н. Афанасьева. О значении сделанного им сжато, но емко высказался В. Будаков в статье «Ученый фольклорист Александр Афанасьев», отметив «масштабность, весомость и непреходящую свежесть трудов ученых-мифологов» [2, с. 8]

Затем приводятся 12 сказок из сборника русских народных сказок А.Н. Афанасьева: «Мужик, медведь и лиса», «Морозко», «Правда и кривда», «Три царства — медное, серебряное и золотое», «Никита Кожемяка», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде». «Жар-птица и Василиса-царевна», «Безногий и безрукий богатырь», «Доброе слово», «Дурак и береза», «Как муж отучил жену от сказок».

Второй раздел сборника посвящен творчеству Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи). Вначале публикуется статья известной советской фольклористки Н.П. Гринковой «Сказки Куприянихи». Н.П. Гринкова «открыла» Куприяниху, сделала первые записи сказок в далеком 1925 году. А.М. Новикова и И.А. Оссовецкий написали по итогам экспедиции 1936 года статью «Творчество Куприянихи».

Затем в альманахе печатаются 8 сказок Анны Куприяновны Барышниковой: «Иван-Болтун», «Сиротка-девочка», «Иван-дурак», «Волк серай, смелай», «Про нужду», «Голодный мужик», «Как мужик вез ворону в город продавать», «Как фашистский генерал к партизанам в плен попал».

Третий раздел посвящен творчеству Анны Николаевны Корольковой. Вначале публикуется статья Е.Новичихина «Дар народной сказительницы», затем 10 ее сказок: «Баран», «Верная жена князя Петра», «Два соседа», «Золотой сундучок», «Илья Муромец», «Ковер-самолет», «Немал человек», «Сума, дай ума!», «Хрустальное озеро», «Чья лень больше».

Четвертый раздел посвящен литературным сказкам А. Платонова: «Волшебное кольцо», «Иван-чудо», «Иван бесталанный и Елена Премудрая», «Финист — Ясный сокол». Предваряют их статьи В. Будакова «Гений из Ямской слободы» и В. Акаткина «Космос детской души».

В пятом разделе сказки современных воронежских писателей представил А. Бондарев. Его статья «Азы житейской мудрости» посвящена современным сказочникам: И. Быкову, А. Вислоух, И. Евсеенко, С. Еремеевой, В. Злотникову, Е. Куриленку, С. Мельник, А. Мирошниченко, Н. Помельниковой, В. Роньшину, А. Ряскину, Е. Чертовой, В. Шипулиной.

Итак, мы видим, что жанр сказок богато представлен на страницах журнала «Подъём» и его приложений.

Литература

1. Анна Королькова «Я слова-то разбираю да в карман покладаю...» Встреча народной сказительницы со студентами-филологами (Предисловие Татьяны Пуховой) // Воронежский простор. Этнокультурные особенности края. — Воронеж: «Подъём», 2016. — С. 171-206.
2. Золотой сундучок. Сказки. Этнокультурные особенности Воронежской края. — Воронеж: «Подъём», 2017. — 304 с.
3. *Новичихин Е.Г.* Добрым молодцам урок. Жизнь и судьба Анны Корольковой: документальное повествование / Е.Г. Новичихин. — Подъем. — 2014, — № 1. — С. 56-168.
4. *Новичихина Е.Н.* Хрустальное озеро сказок (народная сказительница Анна Николаевна Королькова) / Е.Н. Новичихина // Отчий край. Этнокультурные особенности Воронежской области. — Воронеж: Подъём, 2015. — С.125-131.
5. Панова М.В. Отражение воронежской диалектной системы в речи А.Н. Корольковой // «Воронежский текст» русской культуры: Страницы истории и современность. Вып. 3. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. - с. 189-193.
6. *Пухова Т.Ф.* «Вот так я потом стала сказки рассказывать» (о встрече А.Н. Корольковой со студентами-филологами ВГУ в 1960 г.) / Т.Ф. Пухова // Народная культура и проблемы ее изучения: сборник статей. Материалы научной региональной конференции 20-21 мая 2016 г. / Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. — (Афанасьевский сборник: материалы и исследования. Вып. XIV) — С. 192-197.
7. Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А.Н. Корольковой. Составитель и ответственный редактор Э.В. Померанцева. — М.: Изд.-во «Наука», 1969. — 406 с.
8. Фольклор Воронежского края. Библиографический указатель. Составитель В.А. Павлова. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1965. — 108 с.

Е.А. Грибоедова,
Воронежский государственный университет

ПУБЛИКАЦИИ ОБ А.И. ЭРТЕЛЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

На страницах «Подъёма» публикуются критика и публицистика из самых разных уголков России, давая возможность читателю внимательно вглядеться в произведения классиков и современников, вникнуть в социальные проблемы общества, разобраться в далеком и недавнем историческом прошлом.

В последние годы журнал выпускает целевые номера, посвященные истории и культуре городов Чернозёмного края. Следует сказать, что история и культура Черноземья регулярно освещается в журнале, здесь всегда активно публикуются воронежские писатели и поэты. Так, на примере публикаций о воронежских писателях можно увидеть особенности журнала, редакционной политики, степень заинтересованности в том или ином явлении литературы и культуры. Примером могут служить публикации произведений А.И. Эртеля и критических статей, посвященных его литературной и общественной деятельности в конце XIX – начале XX века. Судьба этого писателя, чье творчество получило высокую оценку современников-литераторов (Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.П. Чехова, В.К. Короленко) и критиков и, к сожалению, полузабытого в XX веке, отразилась и в публикациях журнала.

В «Подъёме» с момента его основания мы находим две публикации произведений А.И. Эртеля — это рассказ «Степная сторона» [9], открывающий первый сборник писателя «Записки Степняка», и отрывок из повести «Две пары» [8].

Выбранные произведения обозначают характерные для А.И. Эртеля темы. В очерке «Степная сторона» автор обращается к образу родного края,

где отмечает три его составляющие: природа, населяющие его жители и народная поэзия. Именно природа, по мнению автора, влияет на характер людей и род их занятий, а вместе с тем, и на народную поэзию: «Не отличается живописным разнообразием природа степного края... Куда ни глянешь — все поля да поля...» [9, с. 190]. Особенно интересны размышления писателя о характере степного жителя и о специфике устной народной поэзии по сравнению с другими регионами: «И народ не из бойких населяет эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразие края словно отозвались на нем». Эта особенность, по мнению А.И. Эртеля, отразилась и в фольклоре: «Он не помнит тех исторических песен, которыми славится Поволжье; он не помнит ни Стеньки Разина, ни Ермака Тимофеевича; в его песнях и сказках нет тех преданий, которыми так богаты украинские думы, олонецкие былины, поволжские песни. Вольная воля, богатырская сила, молодецкая удаль, насколько они выразились в коренном, старорусском эпосе, неизвестны ему <...> Он прежде всего землепашец... Степной мужик тих, страшно терпелив, добродушен...» [9, с. 191], — отмечает А.И. Эртель. Эти наблюдения говорят о глубоком знании крестьянского характера и его отражении в устном поэтическом творчестве разных регионов России.

Автор отмечает и многочисленные противоречия в мировоззрении степного жителя, в его представлениях о мире, о вере, о различных явлениях жизни: «Он добродушно верит в черта, с замечательной подробностью представляя не только его козни, но даже и наружность; он целыми массами стекается на поклонение к святым местам, в Киев, Задонск, Воронеж, и вместе с тем целые годы не говеет, лениво посещает свой приходский храм и не любит попа. Он основывает секты, идущие по пути рационализма дальше протестантства, и наряду с этим бьет оглоблями колдунов, становит капканы на ведьм и оборотней, косо глядит на

«скоромников» [9, с. 192]. Противоречия в устремлениях степного жителя во многом составляют, по мнению автора, причину его бедствий.

Ещё одной публикацией произведений А.И. Эртеля в «Подъёме» является напечатанный в 2015 г. отрывок из повести «Две пары» [8], обозначенный в журнале как рассказ. Повесть «Две пары» (1885) является результатом размышлений А.И. Эртеля о культурном разрыве между помещиками и крестьянами, о попытках русской интеллигенции преодолеть этот разрыв разными способами. Маркером различия становятся особенности создания новой семьи в помещичьей и крестьянской среде. Для иллюстрации культурного разрыва А.И. Эртель использует фольклорные материалы (лирические и свадебные песни, свадебный обряд), собранные писателем в деревнях Самарской губернии. В основе сюжета повести лежит свадебный обряд, начиная от сватовства и заканчивая сговором, где определяется судьба влюбленной пары, Федора и Лизы, и их окончательное расставание. В завязке повести использованы лирические ситуации традиционных любовных песен: возникновение взаимной любви между молодым парнем и девушкой, радость встреч, обсуждение возможной свадьбы.

Отрывок, размещенный на страницах журнала «Подъём», является развязкой сюжета и описывает встречу Федора и Лизы после того, как девушку окончательно просватали за другого. В этом эпизоде можно увидеть сходство с одной из лирических ситуаций традиционных народных песен. В ней обычно описываются переживания двух молодых людей, которым по разным обстоятельствам не суждено быть вместе. Крестьянская пара в повести А.И. Эртеля расстается под влиянием традиции и непреодолимых семейных обстоятельств, подтверждающих разумность традиционного подхода. Объяснение героев наедине уже невозможно, а потому происходит на улице с помощью частушек и лирических песен, в

которых парень с девушкой выражают свои мысли и чувства. Тексты, используемые автором в повести, являясь результатом этнографической деятельности писателя, переосмыслены и привязаны к судьбе конкретного героя. Этот «песенный разговор» свидетельствует не только о знании А.И. Эртелем разнообразных народных жанров, но и о понимании их предназначения и форм использования непосредственно в народной культуре. Частушка, которая открывает разговор от лица парня, всегда адресна, поэтому Лиза хорошо понимает, к кому обращается Федор. С.Г. Лазутин отмечал: «Частушка – это живой и непосредственный отклик на волнующие события» [2]. В обозначенном эпизоде с ее помощью выражается ситуационность чувств героя, его досада и обида. Девушка отвечает на выпады парня лирической песней. Песня, созданная предыдущими поколениями, подтверждает неизменность судьбы крестьянской девушки в традиционном обществе, показывает невозможность противостоять обстоятельства:

Не дуйте, ветерочки.

Не шатайте в бору сосну.

И так сосне стоять тошно,

Раззеленой невозможно…» [8, с. 88]

Завершает эпизод свадебная песня, обозначающая окончание истории этой крестьянской пары и символически отражающей перемену в судьбе девушки: «...девки в сарафанах стояли в кругу и пели:

Веянули ветры по полю,

Грянули веслы по морю,

Топнули кони Михайлины,

Топнули кони Степаныча...

— С кем-то мне думушку думати,

С кем-то мне крепку гадати?"

Думать думушку с родным батюшкой,

Гадать крепкую с родной матушкой..."

— Эта мне думушка не крепка:

Думать мне думушку с Михайлою,

Гадать крепкую с Степанычем, —

Эта мне думушка крепче всех» [8,с. 89].

Следует отметить, что повесть «Две пары» занимает особое место в творчестве писателя. В ней А.И. Эртель показал противостояние старого и нового, а также выразил свое отношение к традиции, сформированной на протяжении многих веков. По мнению автора, в ритуальности народной культуры заложена основа правильного отношения к действительности. В повести он размышляет о том, права ли традиция, ставящая на первое место благополучие родных, окружающих, а не личное счастье? Возможно ли соединить личное и общее счастье? В чем заключается человеческое счастье? И отвечает на этот вопрос в конце повести легендой об ужé, заткнувшем своим телом пробоину в Ноевом ковчеге.

Часть публикаций в журнале «Подъём» касается творчества А.И. Эртеля. Интересно отметить, что публикации материалов об А.И. Эртеле в начале XXI века несколько иного характера, нежели статьи XX века. Например, материал В. Кузнецова «Призвание мое — беллетристика политическая» (1980), посвященный жизни и творчеству писателя, отвечает на спор критиков и исследователей об идеологических воззрениях Эртеля и некоторым образом подводит итог этим спорам. В. Кузнецов отмечает, что, хотя в творчестве писателя поднимались острые вопросы современности, А.И. Эртеля нельзя причислить к какому-либо общественному течению. Сам писатель еще в начале своего творческого пути говорил: «Тенденции явной, тенденции, заслоняющей образы, боюсь,

как огня, — и добавлял: — Хотя все более и более убеждаюсь, что призвание мое – беллетристика политическая» [1, с. 155].

В XXI веке спор об идеологических воззрениях писателя становится неактуальным, и исследователи обращаются к другим вопросам, в том числе и на страницах «Подъёма». Например, в статье Н. Тимофеева (2011) творческий и жизненный путь писателя рассматривается как отражение эпохи реформ Александра II [7].

Часто на страницах журнала «Подъём» появляются публикации эпистолярного наследия писателя. После смерти А.И. Эртеля в 1909 году вдова Александра Ивановича Эртеля, Мария Васильевна Огаркова-Эртель, подготовила к печати собрание его писем. Редактором и автором предисловия выступил философ, публицист и переводчик Михаил Осипович Гершензон. Это собрание писем вышло отдельной книгой и вызвало большой интерес у читателей и критиков.

Этот интерес разделяет и поддерживает Лидия Разуваева, опубликовавшая в 2000-х гг. несколько статей, посвященных письмам писателя, хранящимся в Воронежском литературном музее. В статье «Сухие строки» [6] раскрываются подробности жизни А.И. Эртеля в Макарье, в то время, когда около сорока губерний центральной России поразила сильная засуха и крестьяне голодали до такой степени, что в 1891 году была создана Государственная комиссия по организации помощи голодающим губерниям. Многие писатели — А. Эртель, Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко — активно участвовали в организации помощи нуждающимся. В письмах Эртеля раскрываются подробности открытия им на собственные средства Макарьевского попечительства и обстоятельства сбора помощи для голодающих крестьян. С этой целью Эртель и другие писатели задействовали свои личные связи не только в России, но и в других странах. Об этом говорит письмо В. Госсэна, отправленное из

Лондона 16 января 1892 года, о сборе 1000 фунтов для нужд голодающих и участии в благотворительности русских писателей, в том числе и А.И. Эртеля (подлинник хранится в Воронежском литературном музее): «Мы отдадим часть денег "Обществу друзей", депутаты этого общества вернутся в Россию через неделю с целью раздать средства, уже пожертвованные в Англии (один из них, г. Брукс (Brooks), член нашего комитета, и я сообщил ему содержание Вашего письма по поводу г. Эртеля, и с им посылаю Вам ответ его сына (самого Брукса теперь в Лондоне нет), при том посылаю Вам статью из "Таймса", на которую он ссылается. Я уверен в том, что, когда Брукс прибудет в Воронеж, он обратит внимание а благотворительность г. Эртеля, и благодарю Вас за указание» [6, с. 200].

В 2005 году в «Подъёме» опубликовано письмо А.И. Эртеля редактору газеты «Русские ведомости» от 22 февраля 1885 года, хранящееся в фондах Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина, в котором он высказывает свое мнение о картине А.А. Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом». Оно дает представление о взглядах писателя на живописное искусство в целом [3]. А.И. Эртель возражает тем критикам, которые хвалят картину, так как, по его мнению, «художник не справился с сюжетом, подверг его наивному и поверхностному трактованию, не вдумался в его сокровенную сущность и во внешние особенности этой сущности» [3]. Такое суждение говорит о требовательности писателя к идеям, которые выражают произведения искусства, и их воплощению.

В статье Л. Разуваевой, помещенной в одиннадцатом номере журнала «Подъём» за 2005 год [4], приводятся письма, иллюстрирующие взаимоотношения А.И. Эртеля с журналами. Писатель тесно сотрудничал с «Вестником Европы», «Русским богатством», «Русской мыслью». Смена мест публикации говорит о поисках «своего» редактора, который сможет

верно оценить литературный труд писателя. В письмах приводится мнение Эртеля о роли журнала в русской литературной и общественной жизни: «Надо тебе сказать, что роль русского журнала издавна сделалась совсем другою, нежели за границею. Там журнал просто revue, более или менее полное, беспристрастное и добросовестное, но без определенной политической и философской программы. У нас, начиная с знаменитых Новиковских журналов, и с страстной проповеди Белинского, журнал всегда стремился быть кафедрою, школою, трибуною. Короче сказать, западноевропейское revue рассчитано просто на любознательного читателя, русский журнал — на ученика и прозелита.<...> Журнал, и особенно русский, не газета» [4, с. 227].

В статье «Старинушка» [5] Л. Разуваева приводит материалы (письма и воспоминания), касающиеся деятельности известной собирательницы народных песен Е.Э. Линевой, записывавшей «старинушки» (старинные народные песни) в 1897 году в селах Никольское, Макарье, Большая Приваловка, деревне Супруновка Воронежского уезда (ныне Верхнехавский район). Об этом в том числе можно узнать из писем жены А.И. Эртеля, Марьи Васильевны, а также из воспоминаний Зинаиды Сергеевны Соколовой, сестры К.С. Станиславского, проживавшей с семьей в соседнем с Эртелями селе Никольское Воронежского уезда. М.В. Эртель и З.С. Соколова активно помогали Е.Э. Линевой в собирании песен: они приглашали народных исполнителей, которые и до этого события были частыми гостями в их домах. 19 августа 1897 г. М.В. Эртель пишет мужу: «Дорогой мой Шурка! Хотела написать тебе тотчас же по приезде в Емпелевку, но решительно минутки не было свободной. Все песни записывали. Вчера, наконец, с ночным уехала наша «песенница», и сегодня я берусь за перо» [5, с. 169]. Из приведенных в статье материалов читатель узнает, что в обозначенных селах собирательницы услышали настоящих

мастеров-исполнителей народной песни: Алены Егоровны, Степаниды Дмитриевны Кашириной и Демьяна Андреевича Щепкина из Макарья, об особенностях исполнения народных песен на 2–3 голоса и под «жилейки».

В письмах М.В. Эртель и воспоминаниях З.С. Соколовой можно увидеть, что в семьях этих женщин хорошо знали народных исполнителей и были близко с ними знакомы, они разбирались в особенностях исполнения в разных селах, общались с крестьянами довольно близко: «Собирательница русск. старинных песен Евг. Эдуард. Линева, которая записывала песни при помощи граммофона, я предупредила наших старух, чтобы приходили петь. Посмеявшись, что в них может быть еще нужда, они в глубине души были польщены и оживлены моим приглашением, главное, что пение их будут записывать. Они стали еще до приезда Евг. Эдуард. собираться, чтобы сообща вспомнить «старинушку» и спеваться, чтобы «ладнее голосами выводить». Когда по приезде Е.Э. «чистенько убратые» в светлых платках и белых шушпунах в накидку шли вторично к нам петь ей, мужики над ними подсмеивались. — На гроб уж напели, таперя на крышку что ль пошли напевать сабе» [5, с. 172].

Таким образом, произведения А.И. Эртеля, статьи, посвященные его творчеству, его письма, размещенные на страницах журнала «Подъём», довольно полно представляют читателю этого воронежского писателя, его жизнь и сферы его интересов. В произведениях, опубликованных журналом, явно прослеживается основная тема творчества А.И. Эртеля — жизнь степной деревни во все ее многообразии, быт и культура, характер и мировоззрение крестьян. Деятельная натура писателя отразилась в его эпистолярном наследии, которое знакомит с его суждениями о культурной жизни России, в его активной благотворительной деятельности.

Литература

1. Кузнецов В. «Призвание моё – беллетристика политическая»: к 125-летию со дня рождения А. И. Эртеля / В. Кузнецов // Подъём. — 1980. — № 5. — С. 149–156.

2. Лазутин С.Г. Русская частушка: Вопросы происхождения и формирования

жанра / С.Г. Лазутин. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1960. — 262 с.
3. Разуваева Л. «К добрым и благородным мыслям и чувствам» / Л. Разуваева // Подъём. — 2005. — № 6. — С. 216–226.
4. Разуваева Л. «Надо брать каждому свою ноту…»: русские литературные журналы в творческой биографии А.И. Эртеля / Л. Разуваева // Подъём. — 2005. — № 11. — С. 223–238.
5. Разуваева Л. Старинушка: (Из истории собирательства воронежского песенного фольклора) / Л. Разуваева // Подъём. — 2006. — № 12. — С. 159–174.
6. Разуваева Л. Сухие строки: документы из фонда А.И. Эртеля / Л. Разуваева // Подъём. — 2003. — № 12. — С. 194–202.
7. Тимофеев Н. (Воронеж). Он сам был – «народ» : Александр Эртель как зеркало реформ Александра II / Н. Тимофеев // Подъём. – 2011. – №6 – С. 210–217.
8. Эртель А.И. Две пары / А.И. Эртель // Подъём-регион. — 2015. — № 12. – С. 86–89.
9. Эртель А.И. Степная сторона / А.И. Эртель // Подъём. — 2003. — № 12 – С. 190–193.

О.А. Соловьева,
Воронежский государственный университет

АНДРЕЙ НОВИКОВ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

Андрей Никитович Новиков — уроженец черноземной местности — интересная фигура русской литературы 20–30-х годов XX века. Его произведения, известные современникам, подвергшиеся отрицательным отзывам со стороны официальной критики, долгое время не возвращались к читателю. В первую очередь, это обусловлено судьбой репрессированного писателя. Посмертная реабилитация А. Новикова началась в 60-е годы, но и дальнейшая литературная судьба его произведений складывалась трудно.

«Возвращение» писателя в литературу началось в его родном городе в 1970-е годы с участием О.Г. Ласунского. В 1972 году в Воронеже по его инициативе был опубликован библиографический указатель произведений А.Н. Новикова, составленный секретарем Комиссии по литературному наследию Андрея Новикова при Союзе писателей РСФСР, Михаилом Давидовичем Эльзоном (1945–2006), известным историком культуры, библиографом, увлеченным библиофилом. Именно библиофильство определило его знакомство с О.Г. Ласунским и участие в культурной жизни

Воронежа. В нашем городе М.Д. Эльзон издал библиографический указатель произведений А. Новикова, продолжив и в дальнейшем сотрудничество с областной библиотекой им. И. С. Никитина и ЗНБ ВГУ, с газетой «Коммуна» и журналом «Подъём». На страницах этих воронежских изданий А. Новиков, с большими временными перерывами, но все-таки возвращался в «большую» литературу. Так, благодаря поискам М.Д. Эльзона газета «Коммуна» опубликовала несколько очерков писателя под общим названием «Лики Воронежа» от 24 августа, 2 и 16 сентября 1923 г. Позже к разысканиям М.Д. Эльзона присоединился воронежский журналист Сергей Рвачев.

Настоящим событием стала публикация в 1982 в журнале «Подъём» пяти глав романа «Ратные подвиги простаков»: «Носители силы сопротивления», «Ритмы победоносного марша», «Прелюдия победоносного марша», «Виды на предстоящие подвиги», «Подлинник драматизированного акта» [4]. Роман рассказывал о событиях начала Первой мировой войны, гибели Самсоновской армии в Мазурских болотах.

В начале 1990-х годов журнал «Подъём» предпринял републикацию двух самых заметных новиковских произведений: «Причины происхождения туманностей» [3] и «Комбинат общественного благоустройства» [2]. Несмотря на то, что это были самые известные и значительные прижизненным публикации писателя, возвращение А. Новикова в литературу все-таки не состоялось и в силу того, что публикации были недостаточно подготовленными, и потому, что затерялись в ряду многих «возвращавшихся» текстов 1990-х гг. Радикально не изменила ситуацию и публикация романа А. Новикова «Ратные подвиги простаков» и двух его главных повестей Центром духовного возрождения Черноземного края в 2005 году. Во вступительной статье Т.А. Никонова рассказала о судьбе автора, о его главных произведениях и отзывах

современников. Однако до сегодняшнего дня не известны современному читателю многие произведения нашего земляка, не оценены по достоинству его проза и его вклад в русскую советскую литературу.

В 1989 году в № 10 журнала «Подъём» были опубликованы фрагменты из утраченной повести А. Новикова «Кустари слова». Публикация и вступительная записка к публикации были подготовлены М.Д. Эльзоном, примечания — О.Г. Ласунским. Публикация была приурочена к 90-летию Андрея Платонова, другом которого еще со времени совместной работы в газете «Воронежская коммуна» и до конца жизни был Андрей Новиков.

Замысел произведения возник у Новикова во второй половине 1920-х годов, он был основан отчасти на воспоминаниях о журналистской работе, в том числе и в редакции газеты «Воронежская коммуна» в начале 1920-х. О попытках писателя опубликовать повесть говорят сохранившиеся в ЦГАЛИ (Москва) в фондах архивов редакций издательств «ЗиФ» и ГИХЛ, а также в архиве редакции издательства популярного журнала «30 дней» отрывки из повести «Кустари слова». Последний вариант повести должен был включать 7 глав: 1. «Журналисты (опыт характеристики)», 2. «В полосе некоторого затишья», 3. «О талантах и гениях губернского значения», 4. «Трудовой день в редакции», 5. «Язык ведомств», 6. «Часы досуга», 7. «Ревизия».

В архивной папке издательства журнала «30 дней» вместе с машинописным текстом сохранился отзыв нашего земляка Владимира Бахметьева, старшего брата очеркиста и публициста, ответственного секретаря газеты «Воронежская коммуна» в начале 1920-х годов Михаила Бахметьева. Владимир Бахметьев также работал в редакции «Воронежская коммуна» в послереволюционное время. В отзыве он дает обобщенную характеристику происходящего, указывая, что отрывок «Журналисты»

посвящен труду и быту провинциальных работников печати. О том, что за городом В. и за героями главы «О талантах и гениях губернского значения» «скрываются» город Воронеж и знакомые В. Бахметьеву лица, он умолчал.

Тем не менее, в главе «О талантах и гениях губернского значения», которая была опубликована в 1989 году в журнале «Подъём», за героями-журналистами газеты «Красная коммуна» (прозрачный намек на газету «Воронежская коммуна») легко обнаруживаются реальные люди. Епифаныч — автор повести «Епифанские шлюзы» Андрей Платонов. Перечисляя произведения Епифаныча, Андрей Новиков использует подлинные или несколько измененные, но узнаваемые названия (сборник стихов «Голубая глубина», рассказ «Чульдик и Епишка», статья «Ремонт замели»). Френч (в «Воронежской коммуне» Старый Френч) — псевдоним фельетониста Сергея Погорельского. Мартын Козырьков воплощает в себе черты двух людей: уже упомянутого В.М. Бахметьева (создателя популярного в свое время романа «Преступление Мартына») и Н.А. Задонского, обладателя колоритной внешности. На эти прототипы указывает О.Г. Ласунский в примечании к публикации, ссылаясь на мнение воронежского писателя Владимира Александровича Кораблинова, лично знавшего Андрея Новикова.

Размышляя о гениях и талантах губернского значения, Новиков признает, что Епифаныч справедливо «считался признанным гением», хотя сам Епифаныч не подозревал в себе «зачатков гениального мыслителя». Автор называет его Епифанычем, поясняя фамильярность обращения близким знакомством: «…поднимаешься в глазах других, если с гением на короткой ноге» [1, с. 136]. Восхищение гением Епифаныча в редакции, рассказывает А. Новиков, родилось после написанной им «Станция концентрации человеческой мысли», идея которой заключалась в строительстве в центре города станции, улавливающей человеческие

мысли. Новиков не без иронии отмечает, что «статья надолго запомнилась голодающим жителям Воронежа» [1, с. 137].

Размышления Новикова о гении Платонова интересны не только тем, что это первая попытка дать писательский портрет Платонова. Новиков в свойственной ему ироничной манере повествования открывает читателям, как складывался путь писателя Андрея Платонова, для которого «перо» в послереволюционное время было «слишком легким делом». Как известно, Андрей Платонов много усилий приложил для обустройства жизни жителей черноземной местности. Андрей Платонов, как гражданин нового государства, к строительству которого считал себя причастным, в сложное время Гражданской войны и голода, поразившего Черноземье, не считал возможным посвятить себя только лишь творчеству.

Новиков отмечает, что Епифаныч начинал свой путь в литературе со стихотворений, которые, как отмечает Новиков, писал «от нечего делать». И вновь, говоря о том, что стихи Епифаныча были опубликованы в газете с примечанием редакции, биографией и портретом писателя, Новиков иронично уточняет, что последний был «вырезан на линолеуме». Размышления о гении Платонова иллюстрируют важную черту писательской манеры самого Новикова: он о многом, в том числе о важных для него темах, всегда говорит в юмористической манере, соединяя «высокое» и «земное», что отражает его собственный взгляд на мир.

Заглавие «Кустари слова», на наш взгляд, раскрывает замысел текста. В главе «О талантах и гениях губернского значения» повести «Кустари слова» А. Новиков показывает, как складывалась жизнь редакции в послереволюционное время, какие темы волновали писателей и журналистов, как «кустари» становились профессионалами, осваивали мир с помощью слова. Новиков не отделяет себя от своих «товарищей по цеху». Авторская ирония в тексте — это обозначение типа художественного

мышления писателя. Для Новикова творчество — это способ познания мира, при этом варианты комического: юмор, ирония, сатира, гротеск, используемые автором уже в этом произведении — это способ преобразования мира, то, что помогает ему преодолевать и ужасы послереволюционных событий, и голод, и трагедии жизни людей.

Журнал «Подъём», воронежская пресса в разные годы и в разных масштабах принимали участие в «возвращении» А. Новикова в литературу, но этот процесс не завершен. Предстоит еще многое сделать для возвращения писательского наследия такого самобытного художника, уроженца черноземной местности, как Андрей Новиков.

Литература

1. *Новиков А.* Из неопубликованной повести «Кустари слова»: к 90-летию со дня рождения А. Платонова (вступ.ст. и публ. М.Д. Эльзона; примеч. О.Г. Ласунского) / А. Новиков // Подъём. — 1989. — № 10. — С.136-138.
2. *Новиков А.* Комбинат общественного благоустройства: тихие мотивы многоликой жизни: сатирическая повесть (вступ. статья и публ. Т.А. Никоновой) / А. Новиков // Подъём. — 1992. — № 7. — С.24-101.
3. *Новиков А.* Причины происхождения туманностей: сатирическая повесть (публ. Т.А. Никоновой) А. Новиков // Подъём. — 1992. — № 6. — С. 3-87.
4. *Новиков А.* Ратные подвиги простаков: главы из романа (под ред. М.Д. Эльзона) / А. Новиков // Подъём. — 1982. — № 9. — С. 62-105.

И.А. Щелоков,
директор-главный редактор
ГБУК ВО «Журнал «”Подъём”»

ПОЗДНЯЯ ПРОЗА И.И. ЕВСЕЕНКО КАК СИГНАЛЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ГРЯДУЩИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Повести и рассказы Ивана Евсеенко 90-х годов прошлого века и последующих 2000-х (вплоть до кончины писателя в 2014 году) представляют собой особое литературное, духовное и философское явление в художественно-историческом наследии воронежского текста. В данном эссе, отталкиваясь от отдельных биографических эпизодов, автор

рассматривает содержательную и сюжетную природу поздней прозы писателя.

Моё житейское и творческое сближение с Иваном Ивановичем Евсеенко состоялось не сразу, оно растянулось на многие годы. Будто бы вызревало, подготавливалось к чему-то бóльшему, чем сиюминутно-конъюнктурные контакты. У меня, журналиста-газетчика из «Молодого коммунара» и начинающего стихотворца, в те далёкие 80-е годы не было надобности знакомиться с «подъёмовским» прозаиком. Я достаточно часто общался с его коллегами, поэтами старшего поколения — В.В. Будаковым, Е.Г. Новичихиным, С.Н. Никулиным, А.А. Ионкиным, В.И. Самойловым, а также с критиком В.В. Семёновым, по просьбе которого даже готовил литературно-критические статьи о поэзии Юрия Кузнецова и тамбовского прозаика Виктора Герасина. Писатели были авторами «молодёжки», регулярно приносили в газету свои стихи или статьи. В свою очередь я тоже изредка заглядывал в «Подъём». Возможно, кто-то из этих старших товарищей и знакомил меня тогда с И.И. Евсеенко. Помню сумрачное помещение, в котором за письменным столом с горкой бумаг сидел крупный, крепко слаженный физически бородатый мужик, острый на язык, готовый в любой момент правду-матку рубануть. К такому, казалось мне, запросто не подойдёшь, не протянешь с робостью начинающего автора тетрадку со стишками из опасений услышать в ответ жёсткое откровение о своих опусах.

Тем не менее, моё плавное погружение в атмосферу «Подъёма» уже началось. В февральском номере журнала за 1986 год вышла моя первая публикация. Она никакого отношения к поэзии не имела. Это был очерк «Сто дорог к дому» с характерным для советских времён подзаголовком «Об Анатолии Ивановиче Петренко, председателе колхоза “40 лет Октября” Острогожского района Воронежской области».

В седьмом номере за всё тот же 1986 год был опубликован мой новый материал «Владелец волчьих тайн», в котором я рассказывал о замечательном воронежском учёном Льве Серафимовиче Рябове. Он был признанным в стране специалистом-волчатником. Посвятил изучению поведения и привычек этого таинственного зверя всю свою жизнь. Заведовал заповедником на Кавказе, затем трудился в Хопёрском заповеднике, а впоследствии преподавал в Воронежском государственном университете.

Лишь в 1990 году журнал впервые (и похвастаюсь: дважды!) напечатал мои стихи — в пятом и девятом номерах. Это и был, можно сказать, мой волшебный случай закрепиться в «Подъёме» уже как автору поэтических произведений.

В январе 1993 года Е.Г. Новичихин перешёл на должность директора литературного музея имени И.С. Никитина. Наступили трудные времена для «Подъёма». Вулканические страсти в коллективе бушевали несколько лет. Журнал, оформленный в статусе малого предприятия, стал банкротом, фискальные органы готовили его закрытие. Но тут вовремя на выручку пришёл Евгений Григорьевич. Это был 1997 год. Е.Г. Новичихин возглавлял комитет по культуре администрации области. Он обратился за помощью к главе администрации Воронежской области Ивану Михайловичу Шабанову. Тот откликнулся на просьбу писателей. Было подписано распоряжение о создании на базе журнала «Подъём» государственного учреждения культуры с финансированием из областного бюджета. Директором учреждения комитет по культуре назначил А.А. Голубева, а главным редактором — И.И. Евсеенко.

Так началась другая жизнь и у журнала «Подъём», и у его нового главного редактора и талантливого прозаика И.И. Евсеенко.

С того же времени, можно сказать, начинается и новый этап моего сближения с Иваном Ивановичем.

Весной 1998 года при комитете по делам СМИ и полиграфии, которым я на тот момент руководил, был образован областной совет по книгоизданию. В него вошли чиновники некоторых ведомств, а также издатели, учёные, библиотекари, писатели, краеведы. В начале нулевых годов совет пополнился кандидатурой Ивана Ивановича Евсеенко. Писатель сразу стал одной из ключевых фигур в общественной структуре. Во-первых, как главный редактор, он находился в гуще российского литературного процесса, обладал широким кругозором в мире словесности, хорошо знал воронежских писателей и мог оценить степень талантливости каждого из них. Во-вторых, имел чёткую, порой даже жёсткую позицию по вопросу места и роли русской литературы в жизни народа и истории страны в разные её периоды. А желающих потоптаться и попиариться, выражаясь современным языком, на этой щекотливой теме было предостаточно. В-третьих, сам он был ярким, узнаваемым прозаиком, его имя звучало в русской литературе. Писателя регулярно публиковали столичные «толстые» журналы. Автор получал престижные литературные премии. Мнение И.И. Евсеенко было весомо, авторитетно и на страницах местных и центральных газет, в которых он довольно часто выступал с публицистическими статьями. Иметь в совете по книгоизданию неустрашимого борца с фальшью и бездарностью было полезно и продуктивно. С таким именем, как И.И. Евсеенко, нам легче было сопротивляться графоманам всех мастей. А многие из них нагло обивали пороги комитета по делам СМИ и полиграфии: творцов невиданных доселе «шедевров» ой как манила бюджетная халява! Выступления Ивана Ивановича на заседаниях совета всегда отличались самобытностью. Они были нередко категоричны и бескомпромиссны. Не всем нравилось. Не со

всеми его высказываниями соглашался и я. А главное, у меня уже было понимание: издание книг местных авторов редко когда обходится без интриг и обид.

Кстати, членам совета по книгоизданию не запрещалось подавать заявки и на выпуск личных книг. При этом вводились ограничения по срокам, чтобы не было соблазна издаваться ежегодно или через раз.

За десять лет моего кураторства над книгоиздательской программой Иван Иванович воспользовался этим правом единственный раз. В 2008 году вышла книга его повестей и рассказов «Пока печалятся колокола» — внушительный по объёму сборник.

Извечная головная боль для чиновника — дефицит свободного времени, и, тем не менее, евсеенковские «Колокола…» не отпускали, очень хотелось почитать. В чём причина, я до сих пор не понимаю. Может, ностальгировало студенческое: помните, Хемингуэй, его знаменитый роман «По ком звонит колокол»… А тут вот и у Евсеенко — тоже колокол, верней, колокола. И пусть они не звонят, а печалятся, но велика ли разница! И в одном, и в другом случае — будто вечность сквозит. А что может быть для человека загадочнее, притягательнее! К постижению вечного каждый из нас идёт всю свою жизнь в надежде прикоснуться к великой тайне бытия.

В 80-е годы минувшего века я уже пытался читать прозу Ивана Евсеенко на страницах «Подъёма». Но, если честно, не легло, не забрало. Наверное, препятствовали литературные авторитеты: Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Борис Можаев, очеркист Иван Васильев и другие писатели-деревенщики. Мне казалось, сказать что-то новое в этой теме уже не получится, да и деревня, та милая советская деревня, почти вымерла. Конечно же, по молодости я ошибался. А понял это позже, когда в 2011 году познакомился с Борисом Екимовым, который уже в новой российской действительности заставил обратить на себя взор

читателей и критики как на блестящего прозаика, пишущего на современные деревенские темы…

И вот прошло два десятка лет, и вдруг — колокола, которые почему-то печалятся. С «Колоколов…» я и начал заново открывать для себя прозу И.И. Евсеенко. Потом были «Ветряные мельницы», далее — «Сарабанда», «Седьмая картина», «Смертный час», «Фатерланд»… Ощущение было — нет, не восторга, скорей, ошеломления. Я проглатывал страницу за страницей — что-то необъяснимое волновало, беспокоило, совестило, мучило. И было стыдно, горько — за себя, за героев этой книги: они по воле писателя приходили к тебе и приоткрывали правду, которую ты просто не знал, или не понимал, или обходил стороной. Писатель как бы сигнализировал: мы, русские люди, теряем себя, теряем страну, поклоняемся чужим идолам, суть подменяем фантиками либо упаковками из маркетов. Мы глумимся над своей историей, стесняемся её. Наконец, мы привыкаем к духовной и моральной ущербности. В наши открытые, доверчивые души врываются коварные ветры с чужбины, чтоб остудить нас и обескровить…

Вскоре после выхода из печати книги «Пока печалятся колокола Иван Иванович напросился в гости. Как собеседник Евсеенко глубокий, неторопливый. Говорили о жизни, литературе, политике, Боге и безбожии… За неспешной беседой два с лишним часа прошли как одно мгновение.

Это был наш первый большой разговор за все годы знакомства и без присутствия посторонних лиц. Наверное, он был важен для совестливой души И.И. Евсеенко, и таким образом он выразил благодарность за то, что я поддержал выход его книги. Но ещё важней встреча оказалась для меня: она дала мне возможность почувствовать вживую душу написавшего «Пока печалятся колокола». Сомнения отпали: И.И. Евсеенко — большой самобытный русский прозаик, крупный мыслитель и личность. Его поздняя

проза — вершина творческого мастерства автора. Его писательское зрение в этот период обретает невероятную, фантастическую проницательность. Писатель предчувствовал: в современном глобалистском мире мораль и её «дети» — честь, достоинство, стыд, совесть больше не ценность. Нравственное разложение в постмодернистском обществе — прямая дорога в пропасть. Пророческое сердце писателя стало для русской души, подвергшейся ужасающему цивилизационному вызову, вечевым колоколом, чтобы, печалясь, спасать. И до сих пор это сердце-колокол бьёт в набат, тревожится и щемит, как и тогда, предупреждая о нарастающей беде.

А повод для подобных мыслей у писателя был. Уроженец сельской провинции Черниговской области Украины и патриот Воронежского края, И.И. Евсеенко всякий раз после очередного посещения малой родины возвращался в столицу Черноземья морально подавленным, духовно опустошённым. Что такого могло произойти там, где он родился, ходил в школу, имел друзей и близких, чтобы за считанные годы его дорогие земляки, как и большинство украинцев, стали жертвами чужих игр, утеряли национальную и житейскую самоидентичность, заместили здравый смысл завистью, злобой и ненавистью?

Может быть, ещё и поэтому в последних повестях автора так много горечи и обескураженности. В сюжетах произведений герои автора часто оказываются на родине отцов, но не находят себя там. Не просто так именно в эти годы писатель-реалист по своей природной сути И.И. Евсеенко прибегает к использованию в текстах фантазийных, мистических элементов, картин сновидений и необъяснимых разуму превращений, будто тень самого Гоголя в минуты творческих мук дежурила за спиной автора. Главные герои повестей автора испытывают пространственно-временную дезориентацию, теряют ощущение внутренней

цельности, гражданской и социально-духовной востребованности. В поведении и поступках действующих лиц царят растерянность и душевная зыбкость. Не оттуда ли как откровение звучит признание главного героя повести «Пока печалятся колокола»: «В этом году мой товарищ опять звал меня провести отпуск у него на родине. Материнский его дом по-прежнему пустует. Я поначалу дал согласие и даже стал собираться в дорогу, предвкушая, как хорошо мне будет там сидеть у открытого окошка, смотреть в луга и на речку, как хорошо будет работаться в одиночестве и покое. Но потом во мне опять что-то надломилось, дрогнуло, как в те последние мгновения перед встречей с Олей. Я отказался и не знаю, поеду ли ещё когда-либо туда, в Ближние и Дальние Луга, на порубежную Украину, где так печалятся и не затихают в печали колокола…»?

Эти главенствующие интонации легко прочитываются также в повестях и рассказах писателя «Раннею зарёю, вечернею порою…», «Затаив дыхание», «Пётр и Февронья», «Поющие пески», «Трясина», «Дмитриевская суббота» и многих других. Лично для меня эти, кстати, небольшие по объёму лирико-философские произведения, самые что ни на есть повести-плачи, повести-сигналы, повести-предупреждения о подстерегающей нас беде. Их жанровые особенности, думается, наиболее удачно передают авторскую цель – говорить с читателем открыто и честно, как с Богом. И как тут не восхититься мастерством и философским символизмом автора, читая, например, повесть ««Раннею зарёю, вечернею порою…»! Образ живенького, радостного красавца-жеребёнка — это же некая новая молодая страна, родившаяся на руинах Советского Союза. Для кого-то — Россия, для автора, возможно, — Украина. Не суть важно. Важно, что этот милый резвый жеребёнок — людская надежда на возрождение. Но вот явились современные кровавые «конекрады» и лишили нас этой надежды… Или вспомним повесть «Трясина». Бурёнка,

корова-молочница, кормившая семью, вдруг попадает в беду — топнет в болоте. Жители бегают, суетятся, ссорятся. Кругом хаос и растерянность. И никто в этой неразберихе не может вызволить бедное животное из трясины… Разве эта бурёнка не метафора страны в период распада, страны, обречённо тонущей в болоте воровства, продажности и духовного разложения?

Вместе с автором мы проживаем минуты горечи и вопрошания: где же выход из всего сложившегося? Где Божий суд? Куда идти? На что, на кого опираться? Не в лобовую, не плакатно, а через тончайшие художественно-психологические тропы своих сюжетов писатель, почти по Достоевскому, подводит нас к единственной в таких ситуациях логической необходимости — к нравственному самоочищению, обращению к своим родовым корням, вековой мудрости народа и предшествующих поколений. Хочешь освободиться от наносного, чужеродного — обустрой себя и окружающий мир по божьей справедливости и благоразумию, соедини общее и отдельное в одно неразрывное, единое, что и называется народом…

2009 год был годом перемен. Иван Иванович Евсеенко получил престижную в российской писательской среде Шукшинскую премию. Мне было предложено стать директором — главным редактором журнала «Подъём». О том, что И.И. Евсеенко в нечужом для него издании под запретом уже не один год, я узнал случайно и с нескрываемым удивлением. Сотрудники редакции с намёком кивали головами в сторону бывшего директора-главреда. Немного разобравшись в текущих журнальных делах, я позвонил Ивану Ивановичу и предложил напечататься. По тончайшим нюансам короткого телефонного общения понял: он рад.

Так после долго молчания на страницах его родного «Подъёма», которому были отданы годы и годы работы и из которого в 2006 году его незаслуженно и насильственно выдворили в результате многочисленных

кляуз, сплетен и интриг, одна за другой появились повести автора: «Раннею зарёю, вечернею порою…» (2011), «Затаив дыханье» (2012), «Пётр и Феронья» (2013). В 2013 году И.И. Евсеенко стал лауреатом премии журнала «Подъём» «Родная речь» в номинации «Проза». К тому времени писателю уже нездоровилось. Он торопился: замыслов было много, а сил оставалось всё меньше.

Примерно за год до своей кончины Иван Иванович пришёл в редакцию. Присел на стул, достал папку и протянул её мне. «Оставь у себя, — попросил он. — Это — рукописи повестей и рассказов. Они не публиковались. Пусть будут у тебя, мало ли что…»

Это была наша последняя встреча.

После смерти писателя всё, что он оставил нам в папке в качестве своеобразного литературного завещания, мы напечатали в течение нескольких лет.

В 2024 году по инициативе редакции журнала «Подъём» и правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России была издана книга И.И. Евсеенко «Сердце-колокол». В неё вошли повести и рассказы последних лет с воспоминаниями коллег и друзей известного воронежского и российского прозаика.

Литература

1. Евсеенко И.И. Пока печалятся колокола: Повести и рассказы / И.И. Евсеенко. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. — 589 с.

2. Евсеенко И.И. Сердце-колокол: Повести последних лет. Воспоминания коллег и друзей / И.И. Евсеенко. — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2024. — 516 с.

Е.В. Концова
Воронежский государственный университет

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА « ПОДЪЁМ»: К ВОПРОСУ ПРОЧТЕНИЯ ОДНОГО ВЫПУСКА

Миллениум в пространстве поисков смыслов и ориентиров воронежской региональной литературы и критики отмечен выпуском литературно-художественного журнала «Подъём» № 1 2000 года, ставшим во многом определяющим в вопросе методологического и мировоззренческого спора модернизма, реализма и нового реализма. Программные постулаты выдвигают в критических работах в данном выпуске Павел Басинский, Олег Павлов и Вячеслав Лютый. Но своеобразный ориентир для исследования нового поколения реалистов предлагает во вступительной статье Иван Евсеенко: «Сейчас <…>, представляя страницы « Подъёма» новому литературному поколению, мы также надеемся, что большинство его представителей станет постоянными нашими авторами, продолжая в журнале лучшие традиции русской национальной литературы» [4, с. 5].

Именно в традициях русской культурофилософской мысли, обостряющейся в эпоху рубежа веков, как и на рубеже XIX–XX вв., так и в XX–XXI вв., звучит в рубрике «Философская беседа» статья Владимира Варавы, с позиции сегодняшнего дня уже даже пророческая, «Россия в зеркале вечности» об онтологическом расхождении в понимании бытийных смыслов между Россией и Западом. Философ предлагает, на наш взгляд, интересное сущностное отличие реализма от крайне популярного на рубеже веков постмодернизма, трактуя его как «отнологическую пустоту», продукт ценностного нигилизма западной культуры: «…постмодернистское мировоззрение — максимальная духовная расслабленность и смирение с абсурдностью жизни. Тут человек в тисках бесконечной конечности,

бесконечного небытия» [3, с. 215]; «Абсурд» стал привилегированной формой бытия в эпоху постмодерна; «Ценностный нигилизм постмодерна не в состоянии упорядочивать хаос небытия» [3, с. 233]. Этому хаосу воронежский философ противопоставляет национальную традицию, ярко воплотившуюся в русской классической литературе: «русская мысль признана ответить идеей реальности бытия» [3, с. 234], поиск истины и обретение духовной целостности: «внешне русский человек очень социален. Но в нем он не видит высшего и абсолютного смысла» [3, с. 224].

Считаем интересным соединить эти две установки — Ивана Евсеенко и Владимира Варавы — при прочтении произведений новых реалистов в указанном выпуске журнала Олега Павлова и Светланы Василенко.

Цикл рассказов Олега Павлова «Записки из-под сапога» посвящен армейской тематике. Писатель, очевидно, неслучайно объединяет рассказы в цикл. Думается, именно стремление восстановить какую-либо целостность в мире движет О. Павловым. Уже названия отдельных рассказов дают представление о расщепленности реальности. С одной стороны, «Облака» и «На сопках Манчжурии» — это указание на некие точки, зоны пространства, оторванные от земли и от неба (*на сопках* — уже не на земле, но еще и не в небе (*здесь и далее курсив наш — Е.К.)*), с другой, — облака как знак неприкрепленности, «незафиксированности» в мире, знак иллюзорности и пустоты. Поэтому задачей автора как носителя художественно значимого взгляда на действительность становится целостное постижение сомнений и противоречий алогичного мироустройства, постижение всего спектра отношений между человеком и миром. Целостность — это неотъемлемая принадлежность цикла произведений: «Художественный цикл <…> представляет собой ту сложную <…> систему связей, в которой каждый элемент органически взаимодействует с другими, влияет на них, в свою очередь испытывает

их совокупное влияние, приобретая <…> значение, которое он не имеет в своем обособленном виде» [1, с. 186].

С точки зрения «тематической», можно увидеть цельность писательского интереса: армия, больница, зона. Павлова интересуют «места, где жизнь каким-то неизбежным образом перерабатывается в не-жизнь. Места небытия и уничтожения. Павлов — исследователь именно этих мест» [8, с. 214].

В «Записках из-под сапога» постоянно выявляется антитеза жизни и смерти. Уже в первом рассказе «Облака» главный герой пытается разобраться в вечных и главных вопросах: что есть жизнь и что есть смерть? Где граница между ними? Граница между ними — понятие не пространственное, а логическое. Это не отношение целого и части, внутреннего и внешнего; это отношение противоположностей, переходящих друг в друга.

В самом начале рассказа герой выкапывает яму и удивляется: «Под ногами поглядишь — земля. Топчи, покуда живешь, не растопчешь: так коротка человеческая жизнь <…>. Но и на дне этой ямы — земля! <…> та же самая, что и под ногами, только та суровей будет, утоптали. А в земле — жизнь: шебуршат, ползают. А мы по этой земле топчемся» [9, с. 156–157]. Традиционно «яма» ассоциируется со смертью. Интересно, что в древнеиндийской и буддийской мифологии Яма — бог смерти, владыка царства мертвых [см: 7, с. 629]. О. Павлов подчеркивает связь ямы со смертью, но одновременно она вырыта в той же земле, которая порождает жизнь: на ней растут травы, деревья и т.д.

И далее в тексте есть описание молодых деревьев, которым герой дает человеческие имена: Полина большая и Полина маленькая. И эти тополя нужны человеку «для сердечной потребы — они на баб похожи по крупности и томлению» [9, с. 156]. Молодые деревья здесь являются

символом возрождения жизни. Символика возрождения проистекает из мифа о богине плодородия, которая по древним поверьям умирала и вновь воскресала. Антропоморфные представления возникают из близости сознания автора к мифологическому. Однако О. Павлов дает нетрадиционную трактовку мифа, имеющую социальную направленность. Человек и мир не воспринимаются в единстве телесно-природного начала, люди создают свой замкнутый мир (зона, армия и т.д.). Величайшая ошибка современного человечества в том и состоит, по мысли писателя, что мы разучились воспринимать окружающее в его целостности. Настроив перегородок (границ, дверей, стен, ряды колючей проволоки и т.д.) разного уровня и смысла, люди разрушили и самих себя, допустив над собой власть одной идеи, одной эмоции, только желаний тела или устремлений сознания. И как тут не вспомнить классика Ф.М. Достоевского и его Раскольникова и его путь к обретению целостности между разумом и душой.

Человек в произведении Олега Павлова конца XX века уже не является «мерой всех вещей», центром «одухотворения» мира. Самым привычным делом для солдат стало мучить змей, ящериц, черепашек, но, по словам героя, «без злобы». Просто они хотели понять, «для чего они живут на земле заодно с нами» [9, с. 157]. Черепашек «расковыривали прикладом», но у всех одно и то же под панцирем. Ящериц жгли папиросами и удивлялись, «почему они от боли жгучей, как люди, не кричат» [9, с. 157], будто немые. Змей убивали только потому, что бытовало мнение: «Если не ты, то она — тебя». В результате жизнь сводится к всепоглощающему чувству тоски. Но тоска — это не внешнее состояние обыденности, это тоска памяти по чему-то человеческому, т.е. духовному.

По словам самого О. Павлова, предметом изображения писателя является не реальность, а действительность. Она, в отличие от реальности, включает в себя два компонента: с одной стороны — видимый мир, с другой — духовный мир чувств, страстей, веры. Автор стремится показать читателю не только внешнюю реальность (поступки), но и скрытую, внутреннюю (мотивы этих поступков). «У всякого события – реальная причинность и вечная, то есть борьба добра со злом, относительность к силам вышним и судьбе. С реальной причинностью для русского художника всегда сочетается причинность сверхреальная. Временное — проявление вечного. Временное раскрывается через события, а вечное так раскрываться не может. Вечное изображается как некое событие или извлекается символ — притча, которая сама стремится стать историей» [10, с. 135]. И автор ставит перед собой задачу – пробиться сквозь толщину стереотипов, сквозь временное в обесчеловеченном мире к вечному, к первозданной реальности.

Смысловая антитеза «жизнь/смерть» в цикле рассказов дополняется пространственной — «небо / земля». В традиционном понимании «небо и земля» — антиномичные понятия. О. Павлов, на первый взгляд, и выстраивает так художественное пространство своих рассказов. На земле и в земле — жизнь с зеками и караульщиками, со змеями, ящерицами, черепахами, с ямами-«могилами», которые роют заключенные для побега, и ямами для солдатского нужника, жизнь, где весна приносит смерть, где ямы роют в земле не для посадки деревьев, а для «посадки» столбов новой лагерной ограды. А над всем этим — небо. Оно всегда присутствует в повествовании, образуя «верхний этаж» земного действия: «Мне небо шире земли на глаз кажется. Оно и нависло-то над головой будто нечаянно <…>. Зароют с небом в глазах.

А оно все равно останется над ним висеть <…>. И кто мне ответит — для чего жизнь устроена так. И знать хочу, отчего зеки пальцами тычут в небо. И еще подумал, что из земли неба не увидать. Потому что темно в ней. И глаза застит» («Облака») [9, с. 158-159]. «А он лежал разметавшись, тяжелый, неживой, упершись в хмурое безмолвное небо расколотым морщинами лбом…» («На сопках Манчжурии») [9, с. 161]. «Поутру солнце невысоко поднялось над землей, но вот к полудню его уж и не было видно. Будто растворилось, замутив небо» («Немота») [9, с. 164].

Герой Павлова находится «между небом и землей», пытаясь найти ответы на мучащие его вопросы жизни и смерти. Именно это пространство в попытке «поиска, обретения и осознания себя» характерно для любимых героев романа-эпопеи Толстого: небо Аустерлица Андрея Болконского, восторг звездной ночи Наташи Ростовой, летящая комета на фоне ночного небосклона Пьера Безухова.

Однако у сюжета Олега Павлова перевернутая причинно-следственная логика. Перевернуто космическое пространство: «И чудится, что землю перевернули, и ты паришь в небе…»; «Уголок по обороне <…> не упал, когда *навис над небом*» [9, с. 157]; «Кто знает, что с тобой будет, если *в небо упасть*?» [9, с. 158]; «Увидел — небо, глубокое да холодное, будто *свежевырытая яма* <…> «Солдаты? — спрашивает, а сам на небо мимо Стрешнева глядит. – А земля где же?» [9, с. 167].

Но «стирание» пространственных границ «земля/небо» — это следствие разрушения человека на всех уровнях: социума, физического состояния, души и сознания. Перед нами бытие, превращенное в «не-бытие» самим же человеком. Как уже было сказано, рациональность

убивает в человеке духовные начала. В мире практически утрачены нравственные критерии.

«Заговорить», «отвлечь» «хворобу душевную» пытается герой рассказа «Задушевная песня». Глотов покупает гармонь своему умственно отсталому сыну, отвлекая и его и себя от безрадостной жизни. «Это не играющая, а воющая гармонь (ибо безумец ее терзает, а сам мычит, воет, стонет) — яркий символ расстроенного мира, в котором растворена ноющая боль» [5, с. 172]. Сюжету рассказа свойствен ритм нарастания жестокости. В начале рассказа «солдаты не брезговали уродцем». Дема их потешал, был для них шутом, абсолютно бесправным: «Вот ведь выучили Дему пить водку, ругаться матом. И другим непристойностям от скуки выучили» [9, с. 172]. Но после подарка отца к мальчику резко изменилось отношение: «И писарша Хваткова, никогда не обижавшаяся, что Дема ее за грудь щиплет, вдруг исхлестала его на людях по щекам, обзывая его сучонком» [9, с. 175], а после обвинила его в попытке изнасилования. Герой О. Павлова не находит места в этом мире и поэтому уходит из него, совершая самоубийство. Такой финал дает единственную возможность уйти от человеческой глухоты, безнравственности.

Но у О. Павлова всегда остается вера – то, что относится не к временному, а к вечному. И это вечное связывается прежде всего с человеком: понять свою ответственность перед миром: «Было в душах черно да глухо… Пустошь одна. И небо такое ж опустевшее. Разве что хилое облачко проплывет, да и то не уцелеет, а развеется дымным всполохом. А вот бы нездешнего чего-нибудь взять в руки, потрогать <…> Чтобы садом, а не падалью опахивало изо рта. И чтоб не редкий и склизкий дождь с неба азиатского падал, а валил тучными хлопьями белый снег. Может, тогда и глотнул бы во всю мочь степного одичалого

духа, но не задохнулся бы, а с гневом, как от прозрения, закричал: врешь, не схоронишь заживо, не выжрешь вечной души пустотой» [9, с. 177]. С одной стороны, кажется, вера — это очень мало, когда все рушится. Но, с другой, — этого достаточно, чтобы «высветлить», расчистить внутренне пространство «я», сделав его сакральным центром. При всей абсурдности, жестокости и беспросветности мира герои О. Павлова все же стремятся найти точки соприкосновения не с мнимой, а с истинной реальностью, тем самым приблизиться к гармонии бытия. Часто апелляция к истинной реальности осуществляется через обращение к мифу как к форме культуры, способу человеческого бытия, чьи «образы и переживания укоренены в бессознательных основах человеческой души» [6, с. 137].

Традиционная для русской классики идея о духовном очищении и преображении путем преодоления себя находит воплощение и развитие в рассказе Светланы Василенко «Хрюша». Место действия — военный городок со своими законами и «традициями»: «В этом городе нельзя разводить кур, кроликов и другую живую нечисть. Но гражданское население <…> их заводит. Они как-то сами заводятся в их садах и огородах и тайно живут на задворках города у колючей проволоки, которой окружен город и которую куры принимают за насест» [2, с. 36].

Морально-нравственные критерии здесь тоже существуют свои: «Город презирает тех, кто не получил высшего образования. <…> Город презирает тех, у кого ребенок без мужа. <…> Ты в этом городе со своей бедностью – как прореха на мундире, тебя отовсюду видно <…>. Мать завела свинью, и бедность стала позором» [2, с. 37]. Местные женщины торжествуют и готовы к снисхождению, если твои будто бы золотые сережки оказались обычной железкой.

Город в произведении становится своеобразным героем, олицетворяющим тотальную власть среды над человеком. При этом «частное» городок воспринимает как нарушение общепризнанной нормы. Стереотипность жизненных установок местного населения обусловливают и отношения между главными героинями — матерью и дочерью: «На тебя ведь стыдно смотреть, с тобой идти стыдно! Завела свинью! От тебя же свиньей воняет! <…> Я кричала долго, все время повторяя одно и то же, мне все равно было, что кричать, лишь бы кричать на нее, эту жалкую женщину в выцветшем платье, на мою бестолковую маму, которую я любила изломанной, жалкой, бестолковой любовью больше всех на свете» [2, с. 36–37].

Непохожесть на большинство, выпадение из норм «городского общежития» порождает чувство вины и агрессивность дочери по отношению к матери. Мать же будто бы наперекор всему миру остается «умиротворенной», потому что живет она по иным принципам: человек приходит в мир, и этот мир не всегда «расположен» к тебе, но людям дано и великое благо — обрести родную душу (дочь, внука и т.д.). Если же близкий человек оказывается далеким или вовсе чужим, то одиночество становится невыносимым, и человек ищет кого-то, с кем можно разделить это одиночество (пусть даже свинью, презираемое всеми животное): « — Ты потому так кричишь, что ничего не знаешь. Ты с нами не жила. А мы с Васькой всю зиму прожили, сама знаешь, какая зима была. А корки, что я по помойкам собирала, про то только я да Васька мой знаем. И у печки его отогревала, поросеночком был. Ты бы сейчас на него посмотрела!» [2, с. 37].

Осознание этого дочерью придет только после того, как от нее отвернется ее же сын, увидевший в матери убийцу и разрушительницу его мирка, где все знакомо, привычно и уютно: «И когда до него было

два шага, не больше, я остановилась, меня остановил его взгляд — холодный, ненавидящий взгляд моего сына. *Голубые глаза его выцвели от ненависти потому казались совсем чужими.* <…> — Ты! — сказал мой сын, и я почувствовала, как пересохло горло от ненависти. — Ты резала хрюшу! <…> И он снова забился («не надо резать, не надо!»), но теперь будто чужое тело билось в моих руках <…>, и я напрасно все сильнее сжимала его: оно было чужое» [2, с. 47–48].

Узнавание «чужого» в родном человеке — это знак разрушения жизни, разорванности вечной целостности — семьи. Семья в рассказе С. Василенко становится последней надеждой на сохранение и возрождение духовного начала в мире.

Попытка пробиться сквозь толщу стереотипов, сквозь завесу «лжеморали» возможно только через духовное очищение путем боли и страданий: «Я увидела, что этот кто-то — неопровержимо логичный, кто-то неизмеримо более умный, чем все мы, вместе взятые, знающий причины и следствия, начала и концы, распоряжающийся жизнью и смертью и оттого зачерствевший, немилосердный, несправедливый, не добрый, не злой, а просто равнодушный ко всему бухгалтер с пустыми глазами и серым лицом <…> — это безликий <…> уносит моего сына, мою маму, меня <…>. И я закричала вместе с сыном: «Не надо, не надо!» – и чувствовала, что пока я буду так кричать, всю жизнь буду так кричать, то ничего не случится ни с моим сыном, но с моей мамой».

Осознание своей духовной, а не только материальной сущности меняет мировидение героини. И вместо сравнения матери с загнанной собакой («Я слышала частое дыхание мамы, <…> в какой-то момент мне показалось, что за мной бежит собака» [2, с. 35]) появляется метафора: «На нас бежала какая-то *большая голубая птица*. Это бежала моя мама» [2, с. 49]. И птица в данном контексте — это символ надежды.

Именно это ощущение надежды и оставляют классические произведения, традиции которых продолжены и в XXI веке.

Литература

1. *Бушмин А.С.* Об аналитическом рассмотрении художественного произведения / А.С. Бушмин // Введение в литературоведение. — М.: Современник, 1988. — С.153–191.
2. *Варава В.* Россия в Зеркале Вечности / В. Варава // Подъём. — 2000. — № 1. — С.210–238.
3. *Василенко С.* Хрюша / С. Василенко // Подъём. — 2000. — № 1. — С.33–49.
4. *Евсеенко И.* Испытание реализмом / И. Евсееко // Подъём. — 2000. — № 1. — С.4–5.
5. *Кокшенова К.* Перемена умов / К. Кокшенова // Москва. — 1999. — № 5. — С.128–135.
6. Культурология / Под ред. А. Радугина. — М.: Центр, 2001. — 292 с.
7. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. — М., Наука 1990. — 672 с.
8. *Ознобкина Е.* Сны о себе / Е. Ознобкина // Новый мир. — 2000. — № 3. — С. 214–217.
9. *Павлов О.* Записки из-под сапога. Повествование в рассказах / О. Павлов // Подъём. —2000. — № 1. — С.156–177.
10. *Павлов О.* О реалистическом духе русской прозы / О. Павлов // Подъём. — 2000. — № 1. — С. 133–140.

II

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

П.А. Пономарев,
Воронежский государственный университет

«ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕКСТ» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ – ХАРАКТЕРИСТИКА, ЧЕРТЫ, МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ (ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ)

Говоря о «воронежском тексте» — понятии, с одной стороны, культурном, имеющем отношение к сфере литературы, а с другой — пространственном (вписанном в реалии конкретного места (топонима) — Воронежа), мы не можем не говорить о категории времени. «Воронежское время» — так, например, называется книга стихов поэта В.М. Нервина, что отсылает нас к некому региональному хронотопу, имеющему свои индивидуальные черты и характеристики [6].

Пространство и время — категории, неотделимые друг от друга, что обосновала развившаяся в XX веке теория реляционной парадигмы. Реляционный подход к понятиям «пространство» и «время» предполагает выдвигать на первый план, как утверждает Ю.С. Владимиров, «не расстояния между телами, входящие в определения сил взаимодействий, а сами взаимодействия» [2]. Иными словами, с точки зрения реляционного подхода первичными становятся не время и пространство, а уникальные связи между объектами, существующими в этих времени и пространстве. Из области физики реляционная теория «перекочевала» в область философии: пространство и время превратились в «систему отношений между взаимодействующими объектами» [7, с. 106] — в категории, образующие единый пространственно-временной континуум. В научный

оборот было введено новое понятие — «пространство-время», т.е. единая форма координации явлений.

Вернемся к «воронежскому тексту». Резонно возникает вопрос: что именно в данном случае мы подразумеваем под понятием «текст» — объект конкретно лингвистической семиотики (то есть самый привычный и устойчивый смысл понятия текста — «вербальное произведение» [9, с. 104]) или объект семиотики в принципе, то есть «наполненная смыслом структура, состоящая из знаков» [9, с. 104]? Во втором случае под общую номинацию «текст» подпадают и *невербальные* произведения, «то есть все, что построено с использованием знаковых систем, невзирая на их тип» [9, с. 104]. В случае понятия «воронежский текст» мы имеем в виду первое толкование, рассматривая текст как именно вербальную систему. При этом текст должен обладать художественной ценностью, то есть иметь отношение, в первую очередь, к литературе (публицистический текст в этом случае не будет исключением, если сама организация такого текста будет выстроена с учетом художественных особенностей и стилистических приемов).

Пока исследователи «воронежского текста» не склонны рассматривать его в масштабах полноценной эстетической школы. Для этого, по словам главного редактора воронежского литературного альманаха «Ямская слобода» Д.С. Дьякова, «надо, чтобы эстетика места достаточно мощно повлияла на этику времени» [1, с. 16]. С «воронежским текстом» такого пока не случилось — по мнению Д.С. Дьякова, этому препятствует мрачная, «гибельная» аура места — Черноземья («Черная земля» – на ней, как говорил А. Платонов, «горе живет как вещество»).

Многие специалисты сегодня разделяют современную отечественную литературу на «литературу регионов» и «столичную литературу». Концентрация литературного и сопутствующих ему процессов в Москве и

Санкт-Петербурге порождает суждение о неполноценности регионов, их «второсортности» и обделенности вниманием со стороны авторитетов и широкой аудитории. Так, заместитель главного редактора журнала «Подъём» В.Д. Лютый на этот счет говорит: «Эти формулы (общекультурное деление на столицу и регионы. — П.П.) <…> вполне фальшивы. Уже само противопоставление прогрессивной столицы догматической провинции носит заказной и буржуазный характер. Здесь на первый план выносятся вещи легкие, раскрученные центральными СМИ за соответствующие гонорары, и с некоторой снисходительностью ведется разговор о поэзии и прозе далеких от Москвы и Питера городов или даже, страшно сказать, каких-то удаленных поселений. <…> Главное — в художественном весе тех или иных творений» [8].

Тем не менее, «воронежский текст» органично вписывается и в общероссийский литературный процесс (добавим: *современный* литературный процесс), и в общий пласт российской литературы. Хотя разделять литературу на «столичную» и «региональную» — дело неблагородное и неблагодарное (по утверждению одного из главных исследователей «воронежского текста» Т.А. Никоновой, «не пристало говорить о региональной литературе как о каком-то специфическом пласте литературы» [3, с. 28]); тем не менее, литература в Воронеже, безусловно, есть. Имеет ли она сугубо «воронежские» черты, выделяющие ее из всего массива современной отечественной литературы, — вопрос дискуссионный и не имеющий пока окончательного ответа, хотя работы по этой теме подталкивают нас к формированию такого ответа.

Так, например, исследования по этому вопросу, которые ведутся группой воронежских филологов и литературоведов с начала 2010-х гг., в понятие «воронежский текст» включают такой компонент, как «город». «Город» является немаловажной составляющей «воронежского текста»,

поскольку именно он формирует ту уникальную эстетику, настроение произведения, его образно-иллюстративный ряд, которые в совокупности и могут служить основными характеристиками всего корпуса произведений, составляющих «воронежский текст». «Город» в данном случае, являясь не только и не столько географической точкой, сколько объектом культуры, включает в себя такие семантические компоненты, как архитектура и ландшафт, соединяющиеся в единое целое; сюда же можно добавить проявления различных форм социальной деятельности людей, живущих в этом городе, их образ жизни, культурные маркеры. Все это составляет единое смысловое поле «города». Т.А. Тернова считает, что провинциальный город (а Воронеж, вернее, его образ — и культурный, и литературный — является таковым) — это «культурный феномен, который, с одной стороны, не может быть изолирован от эстетического воздействия культурных центров, а с другой стороны, сохраняет свою самобытность, собственное культурное лицо» [4]. При этом мир провинции зачастую является источником новых идей для мира столиц — источником, «подпитывающим» этот мир и предлагающим ему новые оригинальные культурные подходы.

Один из ключевых выводов воронежских исследователей относительно «воронежского текста» заключается в том, что «провинциальный, в том числе воронежский, текст отличается повышенным уровнем интертекстуальности, поскольку в большей степени, чем культурный текст столиц, “оглядывается” на культурный фон» [4]. Зададимся вопросом: не потому ли «воронежский текст» «оглядывается» на «культурный фон» в большей, по сравнению со столицами, степени, что культурные «новинки» и «тренды» медленнее доходят до провинции, нежели до столиц? В таком случае провинциальному тексту, действительно, остается «оглядываться» на своих предшественников, потому что далеко не

со всеми своими современниками провинция сегодня знакома. Однако безусловное в данном случае преимущество провинции перед столицами в том, что она, провинция, удаленная от столичного ритма, имеет возможность проявления более пристального, основательного внимания как к деталям, так и к явлениям; размеренный, «приглушенный» ритм провинции наделяет ее бóльшими возможностями, для того чтобы разглядеть и заметить ту истину, которая до определенных времени и степени скрыта от столиц, недоступна им. Таким образом, недостатки провинции можно обратить в ее преимущества.

Черты современной российской литературы, присущие и той литературе, которая существует сегодня в Воронеже, довольно ясны и заметны. Вновь обратимся к мнению Т.А. Никоновой, которая замечает: «В воронежской, скажем так, литературе представлены несколько писательских поколений. В числе тем, которые они разрабатывают, – жизнь города, частная жизнь современника, главным образом в лирическом развороте. Как и вся современная литература, проза и поэзия Воронежа ярче всего фиксируют *катастрофическое* (здесь и далее подчеркнуто нами. — П. П.) состояние мира и *неблагополучного* героя в нем. Разумеется, такое единодушие — свидетельство большей, чем хотелось бы, зависимости от реальности и ее проблем, в ущерб новым художественным решениям. В таких сюжетах легко прочитывается ожидаемое неприятие социальной неустроенности нашей жизни, ставшее за последние десятилетия привычным» [3, с. 29].

Выше приведенная цитата — из 2017 года, однако черты образа «катастрофического состояния мира и неблагополучного героя в нем» за прошедшее время не только не размылись в современной русской литературе, но, на наш взгляд, многократно усилились — в первую очередь в силу внешних обстоятельств, послуживших поводом для создания новых

произведений. Нынешнее состояние и общества, и литературы писатель М.Л. Степнова (к слову, имеющая к «воронежскому тексту» прямое отношение: ее роман «Сад» [11], вышедший в 2020 году, посвящен Воронежской губернии периода XIX века [10, с. 32-33; 5, с. 14]) сформулировала емко и «катастрофически»: «Мы все живем, будто присыпанные пеплом» [12, с. 12].

Однако в воронежской литературе, в «воронежском тексте», несмотря на «катастрофическое состояние» современного мира, можно найти и героя «благополучного». Так, например, герои прозы А.В. Бунеева — русские интеллигенты, стремящиеся к справедливости, живущие в постоянном поиске истины. Вместе с тем события произведений А.В. Бунеева разворачиваются на фоне все того же «катастрофического» состояния мира. При этом нельзя не заметить, что поиск «новых художественных решений», на отсутствие которых «сетует» Т.А. Никонова, А.В. Бунеевым активно ведется. Этот поиск проявляется, в первую очередь, в наслоении реальной действительности на ирреальную – искаженную, фантасмагорическую, порой доведенную до абсурда. Тем не менее, проза А.В. Бунеева — отнюдь не абсурдное повествование: каждая такого рода деталь подчинена авторскому замыслу и несет на себе определенную смысловую нагрузку — зачастую, символизированную (см., например, рассказ «Темные дороги судьбы» [12, с. 30–40], где главный герой — актер Петр Федорович, играющий в сериале о периоде правления Екатерины II, — вдруг бросает все и отправляется на войну).

Подведем итоги. «Воронежский текст» принято сегодня рассматривать как объект семиотики, обладающий художественной ценностью и уникальными чертами — семантическими компонентами, ключевыми из которых являются пространственные приметы (ландшафт, архитектура) — то, что образует понятие «города». Сюда же относятся

проявления различных форм социальной деятельности людей, живущих в этом городе, их образ жизни, культурные маркеры и др. Все это составляет единое смысловое поле «города». При этом «воронежский текст» является частью современной отечественной литературы, основная интенция которой направлена сегодня на фиксирование «катастрофического» состояния мира и отображение «неблагополучного» героя. Черты такой литературы мы находим и в произведениях современных авторов — представителей воронежского литературного процесса А.В. Бунеева, С.В. Попова, С.П. Пылева и др. Тем не менее, говорить о «воронежском тексте» как о полноценной эстетической школе приходится с оговорками: влияние эстетики места на этику времени относительно «воронежского текста» проявляется недостаточно. Для этого, по всей видимости, должно пройти определенное время, чтобы сформировалась традиция наследования литературных принципов воронежскими авторами. Определение этих принципов является перспективной задачей для исследователей «воронежского текста». Должно пройти определенное время, которое позволит применить знаменитый принцип В.Б. Шкловского — принцип остранения — к «воронежскому тексту», для того чтобы объективно оценить масштабы этого явления и силу таланта современных воронежских литераторов.

Литература

1. *Бунеев А.* «Начинаем потихонечку выглядывать из-за заборов…»: интервью с Д. Дьяковым / А. Бунеев // Мысли(!). — 2021. — № 2.

2. *Владимиров Ю.С.* Между физикой и метафизикой. Кн. 4: Вслед за Лейбницем и Махом / Ю.С. Владимиров. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 272 с.

3. «Возьми барабан и не бойся»: беседа с Т.А. Никоновой / беседовал А. Бунеев // Мысли(!). — 2017. — № 2.

4. «Воронежская поэтическая нота прозвучала на всю страну»: интервью с русистом Татьяной Терновой / беседовала Р. Лесневска // Русистика без границ : Международный научный журнал в Болгарии. — 2017. — 12 мая. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.rusistikabg.com/воронежская-поэтическая-нота-прозву/]. — Дата обращения: 7.10.2024.

5. Марина Степнова: «Выдающихся людей я люблю, но опасаюсь» / беседовал П. Басинский // Российская газета. — 2021. — 3 сентября.

6. *Нервин В.* Воронежское время: новые стихотворения : из ранней лирики / В. Нервин. — Тамбов: ТПС, 2015. — 207 с.

7. *Повалко П.Ю.* Пространство и время как категории художественного текста / П.Ю. Повалко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 3.

8. *Пономарев П.* «Литпроцесс — это игра в серьезную литературу»: опрос в рамках межрегионального Совещания молодых литераторов в Воронеже / П. Пономарев // Литerratура. — 2019. — № 148. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://literratura.org/non-fiction/3529-pavel-ponomarev-litprocess-eto-igra-v-sereznuyu-literaturu.html]. — Дата обращения — 7.10.2024.

9. *Садченко В.Т.* Текст как объект лингвистической семиотики / В.Т. Садченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2009. — № 5.

10. «Срок годности романа — двести лет: писатель Марина Степнова — об истоках своего нового романа «Сад» / беседовала М. Башмакова // Огонек. — 2020. — № 35.

11. *Степнова М.* Сад: роман / М. Степнова. — Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. — 412 с.

12. Ямская слобода: опыт губернского литературного процесса. Отделение XIII / ред.-сост. Д. Дьяков. — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2022. — 378 с.

К.В. Каменский, А.В. Каменский,
Курский государственный университет

ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В течение последних двадцати — тридцати лет в филологической науке проявляется активная тенденция к изучению региональных текстов [3, с. 78; 10, с. 34; 11, с. 61]. Феномен «регионального текста» достаточно сложен для точного определения по ряду причин. Во-первых, не всегда легко установить границы понятия. Что такое *региональный текст*? Единственный ли это текст или собрание текстов, относящихся к избранной географической области? Во-вторых, термин имеет ряд схожих понятий, которые могут выступать или как синонимы, или как антонимы в зависимости от конкретно взятого объекта исследования: текст может быть *региональным, локальным, провинциальным*. С одной стороны, множественность терминов свидетельствует об их недостаточность

дифференциации, с другой — эта же недостаточность побуждает к решению важных исследовательский задач в области регионалистики.

Локальный текст в семантическом плане выступает как наиболее широкое определение. Д.Н. Замятин настаивает на представлении *локального текста* как когнитивного пространства, «в котором взаимодействуют, пересекаются, противоречат друг другу, расходятся различные дискурсы, объединяемые, с одной стороны, лишь ‘внешними’ знаками конкретной топографической / географической локализации, а, с другой — наличием общей онтологической (возможно, мета-онтологической) подложки, функционирующей в качестве ‘вселенной’, в рамках которой происходит разбегание ‘дискурсов-галактик’» [3, с. 82]. И.О. Приходченко говорит о полисемантической природе понятия: «...Локальный текст можно понимать как минимум в трёх значениях: как отдельно взятый текст, как парадигму текстов, как смысловое поле образов и мотивов» [10, с. 39]. Полагаем, что целесообразно считать *провинциальный* и *региональный* типы текстов составными элементами *локального текста*.

Термин *провинциальный текст* имеет специфику, обусловленную внутренней формой характеризующего слова-прилагательного. Понятие «провинция» содержит в себе представление и о «городе», и о «регионе», так или иначе удалённых от столицы (одновременно буквально и семантически). И.О. Приходченко акцентирует внимание на существующей терминологической проблеме: «Провинциальный текст как вариант локального текста нуждается в уточнении набора отличительных признаков, среди которых противопоставленность столичному тексту — важный, но не единственный критерий» [10, с. 39]. Д.Н. Замятин заявляет о сложности определения самого термина «провинция», а также его производных (провинциальный город, текст и др.) [3, с. 78]. Данный вопрос

нельзя решить просто, поскольку он находится в междисциплинарном поле исследования, объединяющем филологию, культурологию, историю, географию, антропологию и психологию [3, с. 78].

В понятии *провинциальный текст*, как отмечено выше, содержится оппозиция, противопоставление столице. *Провинциальным* текст становится «в ходе нарабатывания несколько иного понимания провинциальности по отношению к условному эталону или принятому заранее классическому определению...» [3, с. 80]. Позиция провинции в отношении эталона структурно эксплицируется как более низкая иерархическая ступень (столица — это образование на уровень выше, нежели провинция), но вместе с тем содержательное ядро *провинциального текста* не является менее ценным: «Провинция порождает мощные самоописания, неполно артикулированные и заведомо до конца нерефлектируемые, но содержательно очень богатые, она является живым хранилищем культурно значимых текстов в широком смысле» [4, с. 112].

Таким же сложным понятием выступает и *региональный текст*, поскольку, по утверждению А.Л. Стризое и В.А. Храповой, «нет единства мнений в трактовке природы и сущности регионального, специфики их проявлений в различных сферах общественной жизни, факторов регионализации, в характеристике оптимальной модели организации взаимосвязей регионального с иными уровнями социокультурной целостности. Результатом этого часто являются описательность и бессистемность региональных исследований» [11, с. 61]. Важно отметить, что учёные вскрывают значимую методологическую проблему — размытость семантики термина негативно сказывается на научной работе в области регионалистики. Нечёткое значение *регионального* текста сближает его с *провинциальным*.

Литературоведческая регионалистика, сосредоточенная на исследовании *провинциальных текстов*, «представляет собой сферу амбивалентного исследовательского бытия», поскольку, с одной стороны, творчество региональных авторов отграничивается от массива классической литературы, с другой — продолжает её и становится её частью (как, например, относительно Курска — Е.И. Носов и К.Д. Воробьёв). Любая провинция (удалённый от столицы регион) – это дихотомия, диалектика и диалог, своеобразный «‘двуликий Янус’, территория-интроверт и территория-экстраверт одновременно, амбивалентный локус, соединяющий в себе и темпоральное ‘запаздывание’, и пространственную динамичность, и постоянно наращиваемую, изменяющуюся и остающуюся всё же почти неизменной геокультурную стратификацию» [3, с. 79].

Несмотря на сквозную неопределённость понятий, можно говорить о том, что любой из типов *локального текста* связан с геопоэтикой, потому что *провинциальные* и *региональные тексты* «имеют мощный геокультурный фундамент, который может быть прослежен, выявлен, зафиксирован семиотически» [3, с. 84]. Помимо этого, *локальные тексты* и исследовательские материалы по ним могут выступать в качестве рабочих материалов для осуществления образовательной деятельности в рамках занятий по русскому языку и литературе в школах и учреждениях среднего профессионального образования, а также в контексте филологического образования в вузах. П.А. Косогорова считает, что «регионализация — это значимое направление развития образования в России, так как она способствует формированию патриотических чувств у молодых граждан. Это достигается через развитие интереса к духовной культуре и нравственным традициям их родного региона» [8, с. 73]. Исследователь подробно описывает целесообразность данного подхода: «Учитель, выполняя свою роль в проведении анализа, помогает учащимся лучше

понять особенности родного языка и культуры региона, а также развивает их критическое мышление и интерес к изучению языка и литературы. Это не только помогает ученикам приобрести глубокое понимание стилистических приемов, но и расширяет их культурные горизонты, способствуя обогащению речи и мышления» [8, с. 75].

В статье «Формирование исследовательской компетенции у учащихся при изучении региональных поэтических текстов» А.Е. Бородина, анализируя внесённые 22 июля 2020 года поправки в закон «Об образовании в Российской Федерации», делает вывод о том, что «введение региональной литературы в исследовательскую деятельность будет способствовать формированию ценностных знаний в родном крае, развитию творческих и исследовательских умений учащихся» [1, с. 149]. В качестве примера приводятся несколько школ (КГУ СШ № 18 в Усть-Каменогорске, МОУ СШ № 96 г. Волгограда), в которых «учителя литературы и русского языка активно внедряют региональный компонент в образовательную программу через интересные проекты, исследования, экскурсии и элективные курсы» [1, с. 149]. А.Е. Бородина также описывает собственный педагогический эксперимент использования региональной (в данном случае сургутской) поэзии в контексте образовательной деятельности. В конце статьи приводятся положительные личностные, предметные и метапредметные результаты, говорящие об эффективности избранной стратегии: «Многие из школьников прониклись сургутской поэзией...» [1, с. 151], позитивно изменилось «отношение учащихся не только к сургутской поэзии, но и к их родному городу Сургуту» [1, с. 151].

Не менее интересный опыт описан Л.Б. Крюковой и М.В. Труновой в статье «Региональный поэтический текст как объект лингвосмыслового анализа на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории». Авторы исследования использовали произведения региональной поэзии в процессе

обучения русскому языку как иностранному, благодаря чему выявили практическую ценность данного методического решения: «Подобный анализ, ориентированный на формирование лингвострановедческой и коммуникативной компетенции, позволяет обучающимся расширить общие представления о конкретном регионе страны изучаемого языка и отработать отдельные языковые навыки (прежде всего, понимание переносных значений и “затекстовых смыслов”)» [9, с. 1318].

Стоит отметить также прагматический аспект применения *региональных текстов* в образовательном процессе. Обращение к региональной литературе в учебных целях может способствовать развитию самостоятельности обучающихся школ, ссузов и вузов, поскольку «недостаточная <…> изученность и осмысленность как произведений, так и всего творчества большинства региональных писателей не позволяет воспользоваться при выполнении учебных и аттестационных заданий уже готовыми ответами или положиться на чужое мнение» [2, с. 121]. Соблазн выполнения заданий посредством копирования уже имеющихся материалов связан с тем фактом, что «традиционное обращение к классическим произведениям» предоставляет обучающимся возможность «подменять собственный анализ художественных явлений чужим, традиционным, шаблонным, а порой и некачественным, содержащим серьёзные ошибки» [2, с. 121]. Полагаем, что это неоспоримое преимущество использования *локальных текстов* данного типа в практике преподавания.

Разумеется, важным аспектом использования *региональных текстов* в образовательных целях служит непосредственный отбор как самих текстов, так и авторов. Возможно ли обращение не только к классикам, но и современникам? И.О. Приходченко пишет: «Несомненно, локальный текст (как столичный, так и провинциальный) формируется в первую очередь в произведениях виднейших, известнейших авторов» [10, с. 40]. Однако

учёный также замечает, что неправильно игнорировать недостаточно известных или непризнанных литераторов, ведь работа с их произведениями имеет определённые положительные стороны в контексте филологических исследований: «Анализ текстов подобных авторов, помимо придания литературоведческим исследованиям научной новизны, даст более полное и широкое представление об истории русской литературы и, возможно, явится одним из путей выхода из затянувшегося методологического кризиса современного гуманитарного знания» [10, с. 40]. Как видим, ответ на поставленный выше вопрос утвердителен и обоснован. А как быть с использованием подобных текстов в образовательном процессе? Мы полагаем, что оно также имеет место. Безусловно, такая практика нуждается в тщательном отборе и анализе материала. Подобная работа была проведена и апробирована одним из авторов доклада в команде с другими исследователями на примере современных курских поэтов.

В 2023 году в издательстве Курского государственного университета было выпущено учебно-методическое пособие «Новые имена курских поэтов и классика XX века» [6], над которым работали К.В. Каменский, С.С. Козлов и Е.С. Бартенева. В результате тщательной выборки из числа современных курских поэтов авторы остановились на двух фигурах — Олеге Правдине и Анне Струковой. Выбор составителей основывался на нескольких критериях: 1) активность в современном культурном пространстве Курска, локальная значимость; 2) качество художественных текстов, их предполагаемая научная и методическая ценности. Второй критерий был определяющим. Для подробного знакомства с результатами описанной деятельности отсылаем к соответствующим работам: пособию «Новые имена курских поэтов и классика XX века» [7], фрагменту статьи «Формирование и развитие литературоведческой компетенции

старшеклассников посредством обращения к произведениям современной русской литературы (на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина»)» [9, с. 112-113], публикациям «Способы выявления одарённых обучающихся и методические пути работы с ними на внеклассных занятиях по литературе» [5].

Обобщая представленную описанные в указанных публикациях эмпирические данные, мы можем сделать вывод о том, что *локальный текст* (и *региональный* как его подтип) является не только актуальным и значимым объектом исследовательского внимания, но и средством осуществления продуктивной образовательной деятельности в контексте преподавания филологических дисциплин (в том числе русского языка и литературы на уровне школ и СПО).

Литература

1. *Бородина А.Е.* Формирование исследовательской компетенции у учащихся при изучении региональных поэтических текстов / А.Е. Бородина // Русский язык в евразийском культурном пространстве. — Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2021. — С. 149–151.
2. *Гуськов В.В.* Использование произведений региональной литературы при изучении теоретических аспектов литературоведения / В.В. Гуськов // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. — 2023. — № 1 (16). — С. 120–127.
3. *Замятин Д.Н.* Сопространственность, геокультуры и (не)локальные тексты: к транссемиотике провинциальных текстов / Д.Н. Замятин / Enthymema. — 2021. No. 28. — Pp. 77–91.
4. *Каганский В.Л.* Краеведение — самосознание провинции и её локальный текст / В.Л. Каганский // Диалог культур: поэтика локального текста / под редакцией П.В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2014. — С. 110–114.
5. *Каменский К.В.* Способы выявления одарённых обучающихся и методические пути работы с ними на внеклассных занятиях по литературе / К.В. Каменский // Шамовские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. — Москва: Научная школа управления образовательными системами, 2024. ― С. 97–101.
6. *Каменский К.В., Козлов С.С., Бартенева Е.С.* Новые имена курских поэтов и классика XX века: учебно-методическое пособие/ К.В. Каменский и др. — Курск: Издательство Курского государственного университета, 2023. — 166 с.
7. *Каменский К.В., Криволапова Е.М.* Формирование и развитие литературоведческой компетенции старшеклассников посредством обращения к произведениям современной русской литературы (на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина») / К.В. Каменский, Е.М. Криволапова // Ученые записки. Электронный

научный журнал Курского государственного университета. — 2023. — № 4 (68). — С. 108–116.

8. *Косогорова П.А.* Особенности стилистического анализа регионального текста на уроках русского языка / П.А. Косогорова // Восьмые Моисеевские чтения. — . Оренбург: ООО «Издательство “Оренбургская книга”», 2024. — С. 72–75.

9. *Крюкова Л.Б., Трунова М.В.* Региональный поэтический текст как объект лингвосмыслового анализа на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории / Л.Б. Крюкова, М.В. Трунова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. — С. 1314–1319.

10. *Приходченко И.О.* Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения / И.О. Приходченко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 30–42.

11. *Стризое А.Л., Храпова В.А.* Текст региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности / А.Л. Стризое, В.А. Храпова // Logos et Praxis. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 60–72.

Е.В. Сидорова,
Воронежский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ И.С. НИКИТИНА «ДНЕВНИК СЕМИНАРИСТА»

Повесть И.С. Никитина «Дневник семинариста» была написана в 1861 году. Это единственное прозаическое произведение автора, которое благодаря жанру дневниковых записей обладает фактологической точностью, большой эмоциональностью, искренностью и отражает мир переживаний юного героя, его внутренние качества, чуткое восприятие происходящих событий.

Монологическая форма изложения позволяет изучить языковую личность повествователя — семинариста, представителя ученического братства, который на себе испытал тяжелую участь юноши, пытливого, любознательного и чувствительного, чье образование и воспитание было ограничено жесткими рамками казенной системы просвещения. За строчками «Дневника…» читатель видит и самого автора, хорошо знакомого с тем, о чем он писал от имени юного героя, так как в свое время был таким же учеником.

В центре динамичной событийной канвы дневника Василий Белозерский, характеристика внутреннего мира которого составляет основу глубокого психологизма этого небольшого по объему произведения, в котором переплетаются два тематических плана: биографические подробности жизни и учеба в семинарии, а также духовное становление главного героя, выбирающего свой жизненный путь.

Дневниковые записи позволяют использовать естественную, непринужденную манеру повествования, которое ведется от первого лица, поэтому предполагает наличие разнообразных экспрессивных средств, смену интонационных и эмоциональных регистров на разных языковых уровнях.

Повесть начинается с приезда главного героя на каникулы в родные края. Радость от этого долгожданного события передает ряд восклицательных предложений: «Слава тебе, господи! Вот и каникулы! Вот, наконец, я и дома… Да! Нужно, подобно мне, позубрить круглый год уроки, ежедневно, да еще два раза в день, — за исключением, разумеется, праздников, — промерить от квартиры до семинарии версты четыре или более; потом в душной комнате, в кружке шести человек товарищей, подчас в дыму тютюна, погнуться до полночи над запачканною тетрадкой или встрепанною книгой, потвердить греческий и латинский языки, геометрию, герменевтику, философию и прочее и после броситься с досадою на жесткую постель и заснуть с тощим желудком, оттого что какие-нибудь там жиденькие, сваренные с свиным салом щи пролиты на пол пьяною хозяйкою дома, — нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобы оценить всю прелесть теплого, гостеприимного, родного уголка… Ух!» [1, с. 19–20] Главная часть самого большого по объему предложения данного фрагмента является односоставной безличной, вещественные компоненты предикативного центра которой выражены инфинитивами:

позубрить, промерить, погнуться, потвердить, броситься, заснуть, пережить, перечувствовать. Лексемы описывают нелегкую жизнь семинариста, его ежедневные утомительные обязанности и неприязненное к ним отношение. Каникулы и встреча с родным домом воспринимаются как освобождение от ежедневных трудов, награда за тяготы учебы, лишения и неустроенность повседневного быта.

С искренней теплотой и нежностью рассказчик говорит о своих родителях и доме. Он чувствует себя спокойно и уютно в милых сердцу родных местах: «А право, здесь настоящий рай: тихо, светло». «Батюшка», «добрый мой батюшка», «Батюшка мой такой тихий, такой незлопамятный!», «маменька», «Добрая она, право!» — в этих словах переданы любовь и трепетное, уважительное отношение к родителям.

Автор дневниковых записей предстает перед читателями человеком тонко чувствующим, глубоко восприимчивым. Необычайно поэтично описывает романтичный юноша картины природы и образы местных жителей: «Уже смеркалось. С пастбища возвращается стадо коров, покрытое облаком пыли. Пастух пощелкивает кнутом. Где-то вдалеке, вероятно, какой-нибудь молодой парень поигрывает в жилейку. На улице слышен скрип отворяемых и затворяемых ворот. Бабы, в пестрых понявах и в белых рогатых кичках, расходятся в разные стороны от колодца. Коромысла мерно качаются на их плечах, в железных ведрах светится холодная ключевая вода. Солнце медленно прячется в синих тучах за темным лесом, и его пурпуровый румянец горит на листьях дерев, на соломенных кровлях бревенчатых избушек, на стеклах узеньких окон и на поверхности светлого озера, окаймленного зеленым камышом. Славная, право, картина!» [1, с. 26] Описание начинается с простых предложений, затем продолжается в бессоюзном сложном предложении, а далее сложносочиненном с соединительным союзом «и». Это создает эффект

неспешности, размеренности слога, отражающего спокойствие и умиротворение в душе рассказчика и окружающей природе.

В тексте дневника встречаются довольно объемные построения, являющиеся принадлежностью книжного стиля. Пример такого предложения находим при описании главным героем начала учебных занятий. После молебна в церкви ученики расходятся по классам и Василий отправляется в свой философский кабинет: «Эти каменные, громадной толщины стены, покрытые зеленою краскою, эти белые, местами растрескавшиеся своды потолка, эта высокая печь, никогда не затапливаемая в зимнее время и существующая неизвестно для какой цели, эти окна с железными решетками, эти черные, изрезанные перочинными ножами столы с обтертыми скамьями и широкая черная доска, утвержденная отлого на трех ножках, — все это показалось мне так знакомо, будто я был здесь назад тому не более двух дней» [1, с. 64]. Приведенное в качестве примера сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения в составе главной части содержит ряд однородных членов при обобщающем слове, осложненных в отдельных случаях обособленными определениями.

Сравнивая последние два примера, можно сказать, что, когда описываются происходящие события и используется повествовательный функционально-смысловой тип речи, предложения более короткие по объему, в большинстве своем простые по количеству главных членов, но при этом осложненные обособленными членами, вводными словами и конструкциями, однородными членами, что необходимо для точной, детальной передачи событийной канвы. Бессоюзные сложные предложения тоже выполняют подобную функцию. Описательные фрагменты текста, в отличие от повествовательных, более объемные, предложения более распространенные, что соответствует особенностям данного типа речи.

Однако нельзя утверждать, что это является закономерностью в данном произведении. Так, при описании в тексте можно встретить и такие примеры, в которых сложное синтаксическое целое строится с опорой на простые предложения, передающие обилие деталей интерьера и незамысловатый быт: «В горенке у них необыкновенная чистота. Окна вымыты и вытерты до того чисто, что при свете солнца кажутся зеркальными. Гладкий сосновый пол тоже вымыт, выскоблен ножом, и на нем не видно ни соринки. По углам нет ни одного клочка паутины. Стены недавно обелены. Стол покрыт белою, как снег, скатертью. Перед иконою, убранною искусственными розовыми цветами и оправленною блестящею фольгою, ярко теплится лампадка. Рогачи поставлены у порога в уголке, вероятно, с тою целию, чтобы не всякому бросались в глаза» [1, с. 35].

Те же характерные синтаксические особенности присущи и фрагментам, в которых описывается пейзаж: «Местность, на которой у нас бывает рекреация, довольно живописна. На горе зеленеет старая дубовая роща. Внизу выгнутыми коленами течет светлая река. За рекою раскидываются луга, блестят окаймленные камышом озера, в которых лозник купает свои зеленые ветви. Далее, поднимаясь над соломенными кровлями серых избушек, белеется каменная церковь. Ярко сверкает на солнце ее позолоченный крест, и весело блестит обитый белою жестию шпиль. Это пригородное село» [1, с. 137]. В приведенном примере подробное описание местности строится на основе трех сложных предложений с двумя грамматическими основами, связанными союзной и бессоюзной связью, и четырех простых предложений. Предикативные центры в большинстве своем сохраняют единообразное построение: подлежащее следует за активно-процессным сказуемым.

Рассказчик, тонкий и наблюдательный человек, не только подмечает детали окружающего мира, он очень внимателен к людям, с которыми его

сводит судьба. Особую симпатию испытывает юный герой к своему другу Яблочкину, который обладает добрым сердцем, выдающимися умственными способностями и с легкостью может выдержать экзамен в университет: «Не знаю, потому ли, что я его несколько времени не видал, лицо его показалось мне страшно худо и бледно. Но как он бывает хорош, когда начинает с увлечением о чем-нибудь говорить! Голубые глаза горят, щеки покрываются яркою краскою, белокурые, вьющиеся от природы волосы закидываются назад и открывают белый, широкий лоб. Сообразно настроению души, черты лица меняются ежеминутно» [1, с. 51]. И еще несколько примеров: «Какая теплая, какая чудная душа у этого человека!» [1, с. 98]; «Разумеется, всем этим я обязан бесценному Яблочкину, который беспрестанно помогал и помогает мне своими советами. Но как он, бедный худ! какое у него бледное, истомленное лицо!» [1, с. 136]

Характеристике внутреннего мира Василия Белозерского в дневнике уделяется много внимания, в этом проявляется психологизм никитинского стиля. Так, например, главный герой описывает свое состояние каникулярного бездействия после напряженной учебной жизни: «Какая здесь, однако, скука, боже милостивый! Ни одной книжонки нет под рукою, не только порядочной, и дрянной нет. Живут же тут добрые люди, да мало этого, и на жизнь свою не жалуются. На днях я зашел к нашему соседу. Сердце мое сжалось, как посмотрел я на его горемычное житье» [1, с. 40]. В данном фрагменте и первое восклицательное предложение, в котором лексема «скука» точно передает эмоциональное истощение человека, наряду с междометием «боже милостивый», и эмоционально окрашенные слова «дрянная книжонка», «добрые люди», «горемычное житье», и метафора «сердце сжалось» говорят о чуткости и открытости Василия, способного по-настоящему сострадать людям и испытывать неподдельно искренние эмоции.

В повести можно найти немало эмотивов. Например: «После обеда завалюсь спать и просплю до вечера, просто — *наслаждение!..*» [1, с. 26]; «Тяжело мне мое *одиночество* в чужом доме» [1, с. 101]; «Вся эта ночь проведена мною без сна, в страшной, мучительной *тоске*» [1, с. 36].

Дневниковые записи предполагают повышенную эмоциональность текста. Ее мы наблюдаем в словах рассказчика о знакомстве со стихами А.В. Кольцова: «Жар и холод пробежал по моему телу…» [1, с. 28]. Сочетание антонимов в приведенном высказывании очень точно передает противоречивое внутреннее состояние героя.

Своему дневнику Василий поверяет сокровенные мысли и чувства: «Полураздетый, я ворочался с боку на бок в своей постели, творил молитвы, — и все напрасно: сон убегал от моих глаз. Голова моя горела, как в огне, подушка жгла мои щеки, простыня обдавала меня жаром. Около полуночи я вышел из терпения и сел к открытому окну, думая, что ночная прохлада освежит мое пылающее лицо и приведет в порядок мои мысли. Все было напрасно…» [с. 36–37] Переживания главного героя образно описывают метафоры (*голова горела, подушка жгла, простыня обдавала жаром*), олицетворение (*сон убегал*), сравнение (*горела, как в огне*), эпитет (*пылающее лицо*).

Не менее эмоционально с помощью восклицательных предложений передает Василий Белозерский свое впечатление от чтения «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: «Жизнь ключом бьет из каждой строки! Господи, да какой же я дурак! Прожить девятнадцать лет и не прочитать ни одной порядочной книги!.. Все живое до того мне чуждо, как будто я существую на другой планете и нет у меня ни костей, ни плоти. Но, слава богу! этот день не пропал у меня даром» [1, с. 73].

Написание дневника предполагает искренне душевное общение со своим произведением, на страницах которого герой изливает чувства:

«Кончено! будь, что будет! Благослови меня, господи, на честный труд. За дело, Василий Белозерский, за дело! Наверстывай теперь потерянное за зубрением время бессонными ночами! А ты, мой бессвязный и прерывчатый дневник, бедная отрада моей скуки, покойся впредь до усмотрения. «Покойся, милый прах, до радостного утра»… Придется ли мне увидеть в тебе более веселые строки?..» [1, с. 135] Внутренний диалог с самим собой и своим дневником — характерная особенность текстов рассматриваемого жанра. Средствами выражения внутреннего состояния героя являются восклицательные предложения, риторические вопросы, эмоционально-окрашенные слова, специальные и неспециальные изобразительно-выразительные средства.

По содержанию и языковым особенностям «Дневник семинариста» близок к сентиментальной прозе, так как ему свойственны простота и естественность, внимание к внутреннему миру персонажа, его чувствительности, способности сострадать, испытывать любовь и нежность.

Непринужденную манеру дневниковых записей передают восклицательные и вопросительные предложения, большое количество вводных слов и конструкций, выполняющих модально-оценочную функцию: «Впрочем, может быть, я и ошибаюсь: батюшка, наверное, желает мне добра» [1, с. 22].

Разговорный характер имеют некоторые лексические единицы, представленные на страницах повести. Так, в ней встречаются разговорные слова и выражения: *(понесешь) дичь (разг.)* — нелепость, вздор, чепуха; *дурак (разг.)* — человек, который плохо соображает, примитивно мыслит; *кутила (разг.)* — о том, кто проводит время в кутежах; *бестия (разг.)* — плут, пройдоха; *(возьми) косушку (нар.-разг.)* — полбутылки водки; *пошататься (разг.)* — некоторое время шататься; *набедокурить (разг.)* — нечаянно, играя или проказничая, натворить бед; *анафема (как*

междометие, разг.) — выражает резкое осуждение, крайнее неприятие кого-либо, чего-либо; бранные и пренебрежительные лексемы: *мерзавец (бранно)* — о ком-либо, вызывающем неудовольствие, раздражение, гнев; *молокосос (пренебр.)* — очень молодой, неопытный, не знающий жизни человек; *кляча (пренебр.)* — в первом значении «плохая, заморенная лошадь». Используются в тексте повести устойчивые сочетания и поговорки: *выдержит экзамен, от нечего делать, идет своим чередом, скорчит рожу; копейка да грош, да и тот не сплошь; чем богат, тем и рад; утро вечера мудренее*. Разговорный характер имеют в тексте некоторые обращения: *дружище, брат.*

Повышенную эмоциональность репликам героев придают междометия: «Чудак он, *ей-богу*!» [1, с. 23]; «*Да нет*! Быть не может!» [1, с. 23]; «*Бог даст*, исправится. *Ну*, каково убираетесь с хлебом?» [1, с. 33]

Однако стоить отметить, что в «Дневнике семинариста» органично сочетаются разговорный и книжный стили. Книжные слова и обороты широко представлены в тексте. Это характеризует языковую личность главного героя: молодой человек получает образование, и плоды учения усваиваются им и отражаются в речи: «Батюшка сказал, что с первых чисел сентября я буду жить в квартире одного из наших профессоров *с тою целию, чтобы он имел непосредственное наблюдение за моим поведением,* следил за моими занятиями и, где нужно, помогал своими советами. Этот надзор, мне кажется, *решительно во всем меня свяжет*» [1, с. 22].

Анализ языковых особенностей повести И.С. Никитина «Дневник семинариста» свидетельствует о мастерстве писателя, умении перевоплотиться в юного семинариста, таланте сочетать книжную манеру и непринужденный разговорный стиль, сентиментальную прозу и жанр дневниковых записей. Все это необходимо, чтобы точно раскрыть характер главного героя, его образ мыслей и чувств.

Литература

1. *Никитин И.С.* Дневник семинариста / И.С. Никитин. — М.: Издательство «Советская Россия», 1978. — 160 с.

Н.М. Бабаджанова,
Воронежский государственный университет,
Туркменистан

ОБРАЗ И.С. НИКИТИНА В РАБОТАХ Г.А. ГОНЧАРОВА

Иван Саввич Никитин (1824 — 1861) был выдающимся русским поэтом XIX века. Многие считали его мастером поэтического пейзажа, ведь любовь к русской природе пронзала его проникновенные стихи.

Его поэзия отражала глубокое чувство любви к родине и народу, тяжелого труда простого человека и несправедливости в жизни крестьян.

Творчество Никитина было воспринято как значимое еще на рубеже XIX-XX веков. Так, в «Русском биографическом словаре» ему посвящена отдельна статья, написанная А. Половцовым [5]. Автор статьи отмечает, что «Никитин начал свою литературную деятельность в 1849 году. Никитин начал писать стихи и привлек внимание редакторов газет. Он задумал и написал два больших произведения: “Кулак” и “Тарас”», скорбит о его ранней кончине поэта.

Статья С.М. Зарина «Нравственный облик и характерные особенности поэтического творчества Ивана Савича Никитина», опубликованная в журнале «Христианское чтение» (1904) [1], посвящена восьмидесятилетию со дня рождения поэта. Автор статьи, как и А. Половцев, видит в его творчестве последовательное проявление борьбы с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

Творчество Никитина было предметом внимания в советский период, так его проблематика отвечала ключевым установкам эпохи. В постсоветское время, для которого характера ревизия прошлого и его ценностей, поэту и его творчеству уделяется немного внимания. Среди

значимых публикаций этого периода нужно отметить статью воронежского краеведа О.Г. Ласунского [4], который, помимо обращения к биографии автора, дает глубокий анализ его произведений. Интересны наблюдения исследователя о текстовых перекличках в произведениях И. Никитина и А. Кольцова, М. Лермонтова. Помимо поэтических текстов автора, внимание уделено и его повести «Дневник семинариста». Отмечено, что Никитину удалось показать и светлые страницы во в целом неприглядной жизни.

Среди исследований последних лет значима диссертация Г.П. Черешневой, в которой она ставит целью «осмысление творческого наследия Никитина на фоне литературных традиций XIX века и обновление концепции его творчества» [6]. Автор диссертации делает вывод о том, что «Никитин был одним из выдающихся поэтов своего времени, оказавшим влияние на русскую литературу <…> Его общественная и просветительская деятельность сыграла значительную роль в культурном развитии Воронежа и за его пределами» [6].

Иван Саввич Никитин и его творчество давно привлекают внимание художников. Многие художники создали картины, рисунки и гравюры, вдохновленные произведениями этого поэта.

Множество картин, на которых изображен поэт, находится в фондах Литературного музея имени И.С. Никитина в г. Воронеже [2]. В 1922 году первым директором музея был назначен Алексей Михайлович Путинцев. Ему были переданы материалы, связанные с биографией и творчеством поэта И.С. Никитина, которые до этого хранились в других музеях Воронежа. С годами коллекция музея постоянно пополнялась. Большое число работ, посвященных И. Никитину и его творчеству, созданы в советский период, в 1960–1980 гг.

Многие художники, живописные работы которых хранятся в музее, изображали И.С. Никитина [3].

Одним из таких художников был В. А. Пресняков, который создал цикл гравюр «По Никитинским местам» и иллюстрировал множество изданий произведений поэта.

В. П. Криворучко также представил оригинальные и романтические образы поэта в своем художественном творчестве.

М.Ф. Ахунов, В.Т. Лосев, А.Ф. Бучнев и А.М. Курзанов также внесли свой вклад в изобразительную «Никитиану». А.М. Курзанов всегда был увлечен крупными историческими фигурами, включая литературные, и в своих работах поднимал тему жизни И. С. Никитина.

Г.А. Гончаров воспроизвел различные эпизоды из жизни Никитина на своих картинах. Подробнее остановимся на его работах.

Григорий Андреевич Гончаров (13.01.1913 — 28.08.2001) — известный живописец и график, почётный гражданин города Россошь Воронежской области, участник Великой Отечественной войны. В творчестве Григория Гончарова особое место занимают работы, посвященные жизни и творчеству поэтов Алексея Кольцова, Ивана Никитина и Александра Пушкина.

Его картины излучают удивительную художественную силу и воспроизводят дух времени, в котором жили и творили эти поэты.

Картина Г.А. Гончарова «Никитин и Крамской» погружает зрителя в атмосферу встречи двух выдающихся личностей – художника и поэта. Гончаров воссоздал момент их встречи, который на самом деле имел место быть. Иван Саввич Никитин и Крамской встречаются, обмениваются впечатлениями, делятся своими идеями и взглядами на искусство. Крамской, прочитав поэму Никитина под названием «Кулак», был глубоко тронут содержанием произведения. В поэме описана жизнь семьи кулака,

где лень и самодурство привели к несчастью и гибели близких. Поэзия всегда была и остается одним из самых мощных способов выражения философских идей. Поэтому неудивительно, что в поэме «Кулак» Ивана Никитина затрагивается тема зародышей добра в каждом человеке. Лирический герой поэмы утверждает, что внутри каждого из нас есть что-то доброе, что-то, что способно преобразить нас в искренних и отзывчивых людей. Однако, по мнению автора, различные обстоятельства, жизненные ситуации мешают этому добру раскрыться и проявиться в полной мере.

Он утверждает, что, только преодолев все трудности и испытания, человек может превратиться в «добра божественный сосуд», способный нести свет и тепло окружающим. Это важное напоминание о том, что добро всегда внутри нас, и нам нужно научиться раскрывать его, несмотря ни на что.

Интересно, что поэма Ивана Никитина «Кулак» оказала огромное влияние на известного художника Ивана Крамского. Крамской был настолько поражен философскими мыслями, выраженными в произведении Никитина, что решил лично встретиться с поэтом. Их встреча произошла на постоялом дворе, где они обсуждали содержание поэмы более двух часов. Эта встреча стала началом долгой и дружеской переписки между ними, которая продолжалась до самой смерти Ивана Никитина.

На картине Гончарова изображены два интеллигента своего времени, о чем можно судить по их внешнему облику. Позы передают заинтересованность собеседников друг в друге.

Примечательно, что встреча происходит на фоне природы: за скамьей и низким заборчиком изображены березы.

Облик И.С. Никитина совпадает с его прижизненным хорошо известным фотопортретом, сделанным в 1960 г. на Невском проспекте в фотоателье Генриха Деньера.

Ещё одна картина Гончарова — «В книжной лавке И. Никитина». В XIX веке в городе Воронеже открылся книжный магазин, который стал не просто местом продажи книг, но и настоящим центром культурной жизни. Владелец этого магазина, Иван Саввич Никитин, не только предлагал жителям города литературные произведения, но и создал уютное пространство для общения и обмена мнениями.

Именно благодаря книжным магазинам люди могли не только приобрести книги, но и обогатить свой духовный мир. Библиотека, которая существовала при магазине, позволяла жителям Воронежа быть в курсе литературных новинок и делиться своими впечатлениями.

Книжные магазины того времени становились своеобразными клубами, где каждый мог поделиться своими впечатлениями от прочитанного произведения, порекомендовать что-то интересное или просто пообщаться на литературные темы. Именно такие места способствовали развитию культуры и образования в городах.

Книжные магазины XIX века не просто продавали книги, они создавали особую атмосферу, где каждый мог почувствовать себя частью культурного сообщества. Они стимулировали обмен мнениями, обогащали духовный мир людей и способствовали развитию образования. Такие места играли важную роль в формировании культурной жизни городов и оставались центрами притяжения для всех любителей литературы.

Личность и поэзия И. С Никитина привлекали внимание художников, что свидетельствует о значимости его творчества для русской культуры.

Литература

1. *Зарин С.М.* Нравственный облик и характерные особенности поэтического творчества Ивана Савича Никитина / С.М. Зарин // Христианское чтение. — 1904. — № 12. — С. 853-859 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennyy-oblik-i-harakternye-osobennosti-poeticheskogo-tvorchestva-ivana-savicha-nikitina/viewer]. — Дата обращения: 5.08.2024.

2. Коллекция Ивана Саввича Никитина // Воронежский областной лит. музей им. И.С. Никитина [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

[https://voronezhliter.ru/kollekciya-ivana-savvicha-nikitina?ysclid=lppvmbqm27364144124]. — Дата обращения: 5.08.2024.

3. *Ласунский О.* Изобразительная Никитиана // Друзья мои — Кольцов и Никитин / О. Ласунский. – Воронеж; Киев, 2001. – С. 91–93 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://nikitin.lit-info.ru/nikitin/bio/nikitin-v-izobrazitelnom-iskusstve.htm]. — Дата обращения: 5.08.2024.

4. *Ласунский О.Г.* И.С. Никитин / О.Г. Ласунский // И.С. Никитин. Сочинения. - Москва: художественная литература, 1980. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://nikitin.lit-info.ru/nikitin/bio/lasunskij-nikitin.htm]. — Дата обращения: 5.08.2024.

5. *Половцов А.А.* И.С. Никитин / А.А. Половцов // Русский биографический словарь. - СПб. : Тип. И.Н. Скороходова. 1896-1918. — Том 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-11/258]. — Дата обращения: 5.08.2024.

6. *Черешнева Г.П.* Поэзия И.С. Никитина в литературном процессе 1840-х - начала 1860-х годов. — Автореф. дисс. … к.ф н. — Москва, 2012. — 28 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005551356.pdf]. — Дата обращения: 5.08.2024.

О.Н. Фенчук,
Воронежский государственный университет

РОЛЬ Ю.Д. ГОНЧАРОВА В ИЗУЧЕНИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА СЕМЬИ БУНИНЫХ

Исследованием родословной Ивана Алексеевича Бунина занимались литературоведы, историки и краеведы. В последние годы были проведены значительные подвижки в изучении родословного древа знаменитого уроженца Воронежа. Помимо книги Ю.Д. Гончарова «Предки Бунина», вышли научные статьи А.Н. Акиньшина, В.В. Будакова, А.А. Богданова, В.А. Власова, А.И. Кондратенко, И.А. Костомаровой, В.М. Петрова. Исследователи внесли свой особый вклад в изучение родословия великого уроженца Воронежа. Не осталось без внимания прошлое Бунинского рода в работах независимых исследователей. Так, в 2023 году вышла книга «Предки Бунина. Тайны и открытия», написанная И.В. Рыльщиковым и Н.В. Межовой.

У истоков исследования родословной первого русского нобелевского лауреата по литературе стоит Юрий Данилович Гончаров, воронежский

писатель. Он известен своими произведениями о Великой Отечественной войне, участником которой он был. Творчество Юрия Даниловича часто шло в русле правдивого изображения войны, что не всегда соответствовало идеологическим установкам коммунистической партии, за что он подвергся обструкции. Тем не менее, писатель шёл своей дорогой в литературе, не озираясь на одергивания и окрики со стороны власти. В начале 1970-х Юрий Данилович работал редактором отдела прозы журнала «Подъём». В 1998 году писателю присвоили звание почётного доктора наук ВГУ.

Проявил себя Юрий Данилович как краевед и исследователь. Его известная работа «Предки Бунина», прослеживающая родословие от Якова Савельевича Бунина, жалованного царём Петром I, до семьи внучатого племянника поэта Н.И. Ласкаржевского, является обширным и достоверным исследованием генеалогического древа Буниных. Однако исследователь не нашёл документов, свидетельствующих о знатном дворянском происхождении Ивана Бунина. Сам же Иван Алексеевич всегда указывал, что род его ведёт начало от Симеона Бунковского, выехавшего из Речи Посполитой в середине XV века. Однако архивные документы того времени не сохранились и по имеющейся информации из Польско-Литовского государства выехал в указанное время «на службу к Василию Темному … Архип Буникевский, предок Буниных и Майковых» (Цит. по: [2, с. 103]). Кроме того, как выяснил воронежский писатель, дворянский род Буниных в России распадается на три ветви: белёвскую, мценскую и ряжскую. Юрий Данилович пришёл к заключению, что Иван Бунин принадлежал к мценской ветви.

Юрий Гончаров проделал большую работу. Его исследование сегодня является основой для дальнейших изысканий в области изучения родословия Ивана Бунина. Недавно вышедшая книга независимого исследователя И.В. Рыльщикова во многом опирается на материалы

воронежского писателя. Однако три существенные ошибки, допущенные Юрием Даниловичем, оказывают влияние и на работы современных исследователей. Рассмотрим спорные моменты материалов воронежского биографа рода Буниных.

Первое ошибочное мнение Ю.Д. Гончарова заключается в том, что Иван Алексеевич плохо знал своё родословие и мало им интересовался: «История рода, даже близких предков, была известна Бунину не столько документально, фактически, сколько в самых общих чертах, и тоже больше «поэтически», — по устным семейным преданиям, семейному фольклору» [3, с. 83]. Напротив, сам Иван Алексеевич Бунин утверждал, что родословная Буниных была написана на тыльной стороне семейной реликвии — иконе преподобного Меркурия Смоленского. Так, В. Н Муромцева-Бунина писала в книге «Жизнь Бунина»: «Иногда все ездили или ходили пешком в Каменку, где был тенистый сад, просторный дом. Забавляла тётя Варя, нравились тёмные образа, а особенно образ Меркурия, смоленского Святого, что держит в одной руке свою голову, а в другой икону Путеводительницы. Это был заветный образ дедушки Николая Дмитриевича, не сгоревший при нескольких пожарах. На тыльной стороне иконы была написана вся родословная Буниных» [5, с. 49]. Эта икона хранилась в доме деда писателя в селе Каменка Семёновское. Сейчас этот населенный пункт называется деревня Каменка-Бунино. К сожалению, в 1916 г. в ходе нападения крестьян на усадьбу икона была утеряна — она, видимо, сгорела. Об интересе к родословной говорит и очерк Ивана Алексеевича «Семеновы и Бунины», посвященный известному путешественнику П.П. Семёнову-Тянь-Шанскому. О близости рода Буниных и Семёновых речь идёт и в исследовании научного сотрудника музея-усадьбы П.П. Семёнова-Тян-Шанского А.А. Богданова [1].

Спорным является мнение Юрия Даниловича о том, что род Ивана Бунина не имеет отношения к Симеону Бунковскому, выехавшему из Великого княжества Литовского в Московское княжество, поскольку в тот момент Великим князем в Москве был Василий Тёмный, правитель слабый и беспомощный. Юрий Данилович посчитал, что вряд ли знатный шляхтич покинул бы пределы своей державы ради службы главе соседнего государства, находящемуся в политически неустойчивом состоянии, — Василий Тёмный был ослеплён своими противниками и на некоторое время отстранен от власти. Так, Ю.Д. Гончаров указал: «Гораздо важнее то обстоятельство, что время Василия Васильевича вообще было не подходящим для выездов на службу к великому московскому князю. Составители двух бунинских родословий, взяв для своих выездных предков эпоху Василия Васильевича, видно, не обладали нужными историческими сведениями, не знали, что за тревожное это было время, какой беспокойной была обстановка в Московском княжестве, сколько превратностей и бед пришлось претерпеть несчастному потомку Ивана Калиты, внуку Дмитрия Донского» [3, с. 96-97].

Вместе с тем, исследователь вполне справедливо заметил, что «молчание отрывочных, далеко не в полном своем виде дошедших до нас письменных свидетельств — это еще не аргумент против того, что такие выезды могли произойти» [3, с. 96]. Действительно, исторические источники, доступные для изучения сегодня, говорят о том, что в середине XV в. около пятидесяти шляхтичей выехали на службу к князю Василию II. В Великом княжестве Литовском (ВКЛ) шла гражданская война. Приход к власти Сигизмунда в ВКЛ не привёл к завершению противостояния. Православная знать требовала отмены привилегий для католиков, но преобразования не были приняты. Количество симпатизирующих Свидригайло православных шляхтичей не уменьшалось. К 1432 г. Великое

княжество разделилось на два лагеря: сторонников Сигизмунда (Литва, Жемайтия Минск, Гродно) и союзников Свидригайло (Полоцк, Витебск, Смоленск). Конфликт между востоком и западом затянулся на несколько лет. В ходе этих противоречий часть православной знати переехала в Московское княжество.

Изучение родословной Ивана Алексеевича Бунина выявило массу противоречивых сведений. Тёмной для исследователей остается вся допетровская эпоха. Довольно безосновательным сегодня выглядит мнение воронежского исследователя о вероятном отсутствии родовых связей Буниных с Бунковским. Юрию Даниловичу удалось узнать, что в 1676 г. царь Иван Алексеевич Романов пожаловал грамотой на поместье стольника Кузьму Леонтьевича Бунина. Кузьма Леонтьевич получил эту грамоту за верность и отвагу, проявленную в войне с Польшей. В 1772 г. высший государственный орган Российской империи Правительствующий Сенат пожаловал дворянство Якову Бунину. Все потомки Бунина становились дворянами. Представители двух этих родов Буниных проживали во многих губерниях империи: Воронежской, Тамбовской, Орловской, Рязанской, Оренбургской и Уфимской.

Истории известны три ветки рода Буниных: тульско-белёвская, рязанская-ряжская и орловско-мценская. Исследователи предполагают, что все они вышли из одного корня. Но документально проследить это раньше конца XVI в. невозможно, т.к. 12 января 1682 г. по повелению царя Фёдора Алексеевича на Руси сожгли все местнические книги. Как указывает Юрий Данилович: «Так назывался в Московской Руси особый порядок, по которому распределение служебных должностей между отдельными лицами происходило в зависимости от родовитости. Порядок этот был сложный и путаный, порождал бесконечные споры, обиды тех, кто считал, что терпит «поруху своей чести». Главное же — от него страдало

управление государством. Местничество, ставившее во главу угла принадлежность к знатному роду, службы предков и родичей, их должности, закрывало на государственную службу путь людям даровитым, но худородным, не могущим похвастать чинами и званиями сородичей…» [3, с. 86].

Третье неоднозначное суждение Юрия Даниловича заключается в том, что предки Ивана Бунина получили дворянство много позже и могли даже присвоить дворянский титул, ссылаясь на сожженные местнические книги: «К дедам и прадедам И.А. Бунина, его близким и далеким родственникам, отнюдь не знатным и отнюдь не богатым, вопреки мнению, сложившемуся в бунинской биографической литературе, а совсем наоборот — в большинстве своем мелким провинциальным помещикам, незначительным чиновникам, отставным офицерам невысоких чинов…» [3, с. 85].

Во многих исследованиях, опирающихся на работу Юрия Гончарова, бытует мнение, что род Буниных произошёл от детей боярских, но это не противоречит мнению о происхождении предков писателя от знатного литовского шляхтича. Исследовавшая этот вопрос И.Б. Михайлова пришла к выводу, что формирование детей боярских произошло в конце XIV — начале XV в. Это явление стало результатом двух процессов: разложении городовых общин и переходу их земельных фондов к частным владельцам; в пополнении рядов местных служилых людей представителями княжеского двора. Изначально они могли быть не очень крупными вотчинниками, начиная с XV в. стали активно приобретать земли ослабевавших общин. В XV в. отряды детей боярских и их слуг составили основу русского войска, став опорой великих князей [4].

Как показало исследование генеалогии, часть детей боярских действительно происходила из боярских родов, а некоторые — даже из

княжеских, а некоторые из них были потомками знатных иностранцев. Другие представители детей боярских имели не знатное происхождение: они могли быть потомками дьяков, состоятельных общинников, княжеских и боярских послужильцев.

В XV в. и в первой половине XVI в. в Русском государстве дети боярские считались выше звания дворян и, как потомки боярских родов, заносились в Боярские книги, часть которых сохранилась в государственных архивах и не была сожжена в результате борьбы с местничеством. В XVI в. дети боярские делились на дворовых детей боярских (часть верхов господствующего класса) и городовых детей боярских (провинциальные дворяне). Многие уже не помнили или просто не знали о своем знатном происхождении.

На территории Европейской России сословие детей боярских было упразднено при военной реформе 1707–1708 гг. и отмене Поместного войска. Дети боярские, захотевшие продолжать военную службу, были причислены к дворянам, не захотевшие — переведены в сословие однодворцев. В России нередко дворянские и однодворческие роды, носившие одну и ту же фамилию, имели общих предков из детей боярских.

Иван Алексеевич часто в своих произведениях обращался к таинственной связи человека с далёкими предками. Его интересовали вопросы проявления в личности человека качеств его пращуров. Достаточно сказать, что размышления о своих корнях, духовном родстве с предками представлены во многих произведениях Ивана Алексеевича, начиная со стихотворений («Дедушка в молодости», «Люблю цветные стекла окон…», «Призраки», «Могильная плита» и т.д.) и заканчивая крупными прозаическими творениями – «Суходол» и «Жизнь Арсеньева». Писатель живо ощущал свою причастность к истории родины благодаря

кровным и духовным связям с предками, осознавая себя звеном единой родовой цепи, берущей начало во тьме веков.

Подтверждением выхода предков Бунина из ВКЛ является их герб. Основу герба Буниных составляет французский щит голубого цвета с острием на нижней кромке. В центре щита изображен золотой перстень с рубином. С трёх сторон от перстня расположены серебряные кресты. Над щитом помещён рыцарский шлем, а на нем — корона с самоцветами, украшенная страусиными перьями. Есть мнение, согласно которому за основу герба Буниных взят герб польского рода Бородзичей. Разница между ними в том, что у поляков щит выполнен в красном цвете, а вместо перстня изображено простое кольцо. Возможно, такое сходство намекает на родство между Буниными и Бородзичами, но детально этот вопрос не изучался.

Таким образом, можно заключить, что работа Ю.Д. Гончарова на сегодняшний день является ключевым исследованием, посвящённым изучению родословной Ивана Бунина. На основе выводов, сделанных в книге «Предки Бунина», строятся многие современные исследования. Тем не менее в работе присутствуют спорные заключения, не позволяющие достоверно восстановить родословие писателя, сделать окончательные и неоспоримые выводы о происхождении рода Буниных.

Литература

1. *Богданов А.А.* Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский и Липецкий край / А. А. Богданов. — Воронеж: Воронежская областная типография, 2022. — 204 с.

2. *Бычкова М.Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги / М.Е. Бычкова // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л.: Наука, 1981. — Т. XII. — С. 90-109.

3. *Гончаров Ю Д.* Вспоминая Паустовского. Предки Бунина / Ю.Д. Гончаров. — Воронеж: Ц.-Ч. кн. изд., 1972. — 180 с.

4. *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. — СПб.: СПбГУ, 2003. — 639 с.

5. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В.Н. Муромцева-Бунина. — М.: Сов. писатель, 1989. — 512 с.

А.А. Астафьева
Музейный комплекс «Усадьба Асеевых» (Тамбов)

СЦЕНАРНОЕ ТВОРЧЕСТВО Е.И. ЗАМЯТИНА: ИСТОКИ И СВОЕОБРАЗИЕ

Проблема композиционной организации текста киносценариев всегда интересовала Замятина не только как литературоведа, но и как сценариста. Это связано с тем, что в своих работах писатель часто обращался к кинематографическим приемам, которые нашли отображение в романах, повестях и рассказах писателя.

Несмотря на заинтересованность Замятина в кинематографии, чаще всего он с пренебрежением отзывался о работе сценариста. Еще в 1918 году, выступая с лекцией «Современная русская литература», Замятин обращает внимание на отличительную особенность новой прозы (неореалистическую), которая, по его мнению, «…не рассказывает, а показывает, так что и к произведениям больше подходило бы название не рассказы, а показы» [2, с. 589].

Несомненно, важен факт сложности работы писателя в роли сценариста. Это связано, в первую очередь, с тем фактом, что сценарист, в отличие от писателя, работает в тандеме с актерами, должен передать динамику в действии, используя минимальное количество диалогов.

После отъезда за границу Замятин полностью уходит в сценарное творчество. Во Франции он пишет сценарии по фольклорным произведениям («Добрыня», «Былины») и по произведениям классиков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И. Тургенева, М. Горького. В 1932 году Замятин отправляет в Голливуд три варианта киносценария романа «Мы» (киносценарий «Д-503»). Однако ранее, в 1930 году Голливуд выпускает фантастическую комедию «Вообрази!», которая имела отсылки к сюжету Замятина, а в 1931 году во Франции появляется фильм «Любовь в 2000

году». В этой связи киносценарий «Д-503» не был воспринят как новый, поэтому он не был экранизирован, однако он являет собой ценность как в кинематографическом, так и в литературном планах.

Известно, что Замятин в Париже был литературным агентом и сценаристом во французской студии «Gaumont» под руководством Луи Обера, французского композитора, пианиста, певца и музыкального критика. Проект, над которым работал Замятин, к сожалению, остался неизвестным, так как не был реализован. Единственный проект, реализованный данной кинокомпанией в 1934 (это время работы Замятина), — фильм «Атланта», где Замятин в роли исполнителя не значится.

Позже он работал в киностудии «Вандор-филмз», которую возглавлял Михаил Залкинд, близкий друг Шаляпина. Проект, над которым трудился Замятин, «Стенька Разин» в 1932–1933 гг., был написан специально для Ф.И. Шаляпина — русского оперного и камерного певца, который с 1922 года находился в эмиграции во Франции, однако проект не был реализован, по причине гастролей певца в 1935–1936 гг., а в дальнейшем — из-за его певца.

Одной из предпосылок к написанию сценария, в центре которого был образ предводителя восстаний 1670–1671 гг., скорее всего, стала работа Замятина в Секции исторических картин Театрального отдела Наркомпроса (ТЕО) сразу после революции. Киносценарий Замятина представляет собой многогеройный рассказ, в котором раскрывается характер Степана Разина и его личностное становление. Образ Разина у писателя — образ бунтаря, который близок по духу и самому Замятину своим характером. Писатель изображает народный бунт и показывает пользу от него низшим слоям общества. Вся работа пронизана фольклорными мотивами, которые были близки писателю: помимо «Стеньки Разина», у писателя есть другие

сценарии, связанные с народными сказаниями. Отметим, что тема разинского бунта была близка неореалистам первой половины XX века.

«Стенька Разин» является примером работы для звукового кино: в нем присутствуют разработанные диалоги, сюжетная линия и образы персонажей. Однако этот сценарий, к сожалению, также не имел творческой реализации.

Одним из амбициознейших проектов Е. Замятина за рубежом можно считать адаптацию для студии «Пате-Натан» романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», выполненную в сотрудничестве с русским режиссером-эмигрантом Федором Оцепом. Этот текст, написанный в середине 30-х годов, представляет собой незаконченный синопсис по одноименному произведению Толстого. В этом киносценарии, в отличие от многих других, присутствуют диалоги. План работы над ним разрабатывался на протяжении всего 1933 года, однако так и не был закончен. Существует несколько версий, по какой причине данный сценарий оказался неосуществленным. Первый вариант — отсутствие финансирования. Второй вариант — в 1935 году выходит в свет картина «Анна Каренина» — классический голливудский фильм с Гретой Гарбо в роли главной героини. В этой связи сложно сказать о том, рискнула бы какая-либо кинокомпания снять фильм с похожим сюжетом.

В структуре сценария Замятина присутствуют наброски, которые, вероятно, в перспективе должны были преобразоваться в полноценные диалоги и стать основой для развития конфликта. Помимо этого, в тексте есть цифры, которые, вероятнее всего, означают страницы романа, содержащие тот или иной эпизод, используемый Замятиным. Доподлинно неизвестно, каким изданием пользовался Замятин, однако по его наброскам можно понять, что это, скорее всего, было дореволюционное издание, где присутствует твердый знак в орфографии.

Характеристику творческих принципов Замятина-киносценариста можно увидеть в заметке, адресованной А. Верту: «Диалог следует вырезать, потому что и диалог, и психологию надо переводить в кинематические формы. Вещь должна быть зримой и динамичной. Во всех моих книгах вы увидите, что вместо последовательного изложения я использую метод флэшбэка, так что он мне вполне знаком. Диалог у меня тоже сведен к самому главному, самым существенным фактам. Однако есть один момент, который приведет в ярость литературных пуристов. В фильме много движения — движение не прекращается, и зрительный материал очень хорош, в частности, очень хорошо можно передать бега. Но имейте в виду, что вскоре после первой встречи Анны с Вронским проходит год, по истечении которого он становится ее любовником. Этот год ухаживания Толстым не описан. Кинематографическими средствами нельзя передать провал в целый год; чтобы передать течение этого времени, я вставил несколько флэшбэков, показывающих ухаживанье Вронского. Я знаю: будут кричать, что я замахнулся на святое. Но что тут поделаешь? На экране вещи надо показывать, а не рассказывать. В каком-то смысле все мои литературные вещи были кинематическими; я никогда не объяснял; я всегда показывал и предлагал» [1, с. 238].

Диалоги в киносценариях Замятина сведены к минимуму, много динамичности, сжатость большого промежутка времени, добавление неких деталей. Вероятно, Замятин, используя свой талант драматурга, пытался помочь режиссерам и актерам для работы над сценарием.

В 1935 году Замятин совместно с Жаком (Яковом) Компанейцем пишет сценарий по одноименной пьесе Горького «На дне». Эта работа стала одной из последних для писателя. Этот киносценарий можно считать одной из ключевых работ периода эмиграции. По свидетельству Ю.П. Анненкова, любовь Замятина к творчеству Горького побудила писателя к созданию

киносценария по его пьесе. Александр Каменка, руководитель фирмы «Альбатрос», предложил Замятину перенести на французский экран какое-либо произведения Горького. Спустя некоторое время была выбрана пьеса «На дне». Киносценарий «На дне» был выбран Замятиным не просто так: еще в 1927 году в Ленинграде на вечере, посвященном 35-летию творческой деятельности Горького, писатель появился в роли в Барона вместе с К. Фединым (Актер), А. Толстым (Лука) и Н. Тихоновым (Татарин) [3, с. 160]. При написании киносценария действия картины были перенесены во Францию. Г.В. Адамович в своей рецензии на работу писал об «офранцуженности» пьесы.

Фильм по сценарию Замятина был признан французской публикой. Его назвали лучшей кинематографической работой 1936 года. Сейчас фильм «На дне» считается шедевром французского кино 30-х годов XX века.

Несмотря на неудачные попытки организовать работу не только во Франции, но и в Америке, Замятин оставил важный след в истории кинематографа и внес свой вклад в развитие этого жанра, а также в истории советско-голливудских и советско-европейских связей в области кино в период между мировыми войнами. Таким образом, среди русских писателей эмигрантов, которые развивались под влиянием кино и литературы, Замятин был и является самым значительным. Писатель смог показать возможности контакта разных искусств, при этом работая как драматург, и сценарист.

Литература

1. *Баскаков В.* Евгений Замятин и кинематограф / В. Баскаков // Экран — 90 / В. Баскаков, Ю. Тюрин, Г. Долматовская. — М.: Искусство, 1990. — 400 с.

2. *Замятин Е.И.* Собр. соч.: в 5 т. — Т. 4 / Е.И. Замятин. — М.: Русская книга, 2010. — 720 с.

3. Замятинская энциклопедия: лебедянский контекст: материалы, исслед., док., справки / рук. проекта и науч. ред. проф. Л.В. Полякова. — Тамбов, Елец: ТГУ, ЕГУ, 2004. — 485с.

4. *Коноплев Б.Н.* Основы фильмопроизводства / Б.Н. Коноплев. — М.: Искусство, 1969. — 448 с.
5. *Харви Б.* Евгений Замятин — сценарист / Б. Харви // URL: http:// http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/739/.

Н.Б. Бугакова,
Воронежский государственный технический университет

ТОПОНИМЫ КАК МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. ПЛАТОНОВА

Предлагаемое исследование направлено на рассмотрение функционирования топонимов в ономастической лаборатории А. Платонова. Материалом послужило знаковое произведение автора — роман «Чевенгур». Подобный выбор обусловлен тем обстоятельством, что «Чевенгур» (второе название романа — «Путешествие с открытым сердцем») — одно из самых загадочных произведений А. Платонова.

Многие исследователи-платонововеды отмечают специфичность творческого метода писателя, говоря о том, что тексты А. Платонова привлекают внимание, в первую очередь, необычностью языковой манеры автора: «Читателя притягивает оригинальная речевая физиономия платоновской прозы с ее неожиданными движениями <…> Запоминаются странные обороты Платонова, философически-неуклюжие фразы, которые пересказать невозможно, а можно только повторить…» [9, с. 239]. «Техническим недостатком» романа А. Платонова считали своеобразие языка писателя: «чрезмерную растянутость, обилие «разговоров», стертость «действия», особенно во второй половине книги» [3, с. 88]. Однако именно эти «недостатки», по мнению Н.М. Малыгиной, являются важнейшими структурными особенностями «Чевенгура» [3, с. 88]. Именно яркая, образная речь платоновских персонажей напоминает читателю о диалоге с обществом, который ведет писатель. «Художественное открытие Платонова состоит в том, что в сфере просторечия и бытовой сниженной лексики он

нашел способ выражения серьезных понятий, традиционно существующих в ином языковом пласте. Снижая и нарочито «опошляя» свои размышления о современном обществе с помощью приемов языкового комизма, Платонов таким образом пытался сделать их доступными широким народным массам, и в этом состоит доказательство его глубинной причастности к самым истокам народной жизни» [4, с. 16].

В данной работе представлен анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур». Выявленные в тексте топонимы дифференцируются в соответствии с терминологией, предложенной Н.В. Подольской [7, с. 13], выделяющей в группе литературных топонимов реалионимы и мифонимы. Подробнее мы остановимся на реалионимах, введённых писателем в текст произведения.

Отметим, что топонимическая система романа «Чевенгур» представлена реальными топонимами и мифотопонимами Воронежской области и реальными топонимами России. Функционирующие в тексте мифотопонимы будем считать окказиональными образованиями. Необходимо отметить, что реальные и окказиональные образования частотны в заглавиях художественных текстов, что способствует не только привлечению внимания читателя, поскольку подобное заглавие делает текст образным, ярким, но и настраивает на восприятие произведения, события которого ограничены хронотопом обозначенного в названии романа места.

Если оттолкнуться от сюжета романа, можно понять, что действия, описываемые автором, происходят на территории Воронежской области и на границе с Саратовской. Поезд, на котором едет Саша Дванов, следует по ветке Юго-Восточной железной дороги. Некоторые ее реально существующие и в настоящее время станции фигурируют в романе (*Лиски*, *Поворино*, *Балашов*).

К реальным топонимам Воронежской области относится название *Новохоперск*: «Партия его командировала на фронт гражданской войны — в степной город Новохоперск» [6, т. 2, с. 32]. Новохоперск — районный центр Воронежской области, возникший на месте казачьего городка Пристанский, название которого, в свою очередь, объясняется расположением рядом с пристанью на р. Хопер. В 1708 г. этот городок был разрушен, поскольку являлся центром Булавинского восстания. «На его месте построена крепостъ Хопёрская, которая в 1768 г. была обновлена, и город стал называться Новохоперск» [8, с. 322]. Возможное формирование лексемы *Хопер* трактуется следующим образом: по мнению Е.С. Отина, в основе лексемы лежит славянский корень *пьх* (толкать) [5, с. 235]. Эта морфема легла в основу создания гидронима *Похорь*, который позднее трансформировался в *Хопор*, в современном произношении *Хопер*. Полагаем, употребление корня *пьх* в качестве основы гидронима призвано подчеркнуть сильное течение реки.

Топоним *Поворино*, употребляемый автором в тексте романа («на Поворино казачьи разъезды» [6, т. 2, с. 34]) также является реальным топонимом Воронежской области. Это город на границе Воронежской и Волгоградской областей, крупный железнодорожный узел, входящий в состав ЮВЖД. Полагаем, что название *Поворино* происходит от диалектной формы *повора* — «изгородь» [8, с. 354]. Наше предположение подкрепляется пограничным расположением населенного пункта, который как бы отгораживает, отделяет две области друг от друга.

Поезд, на котором едут герои, посещает еще один реально существующий населенный пункт — Лиски, поселок при станции Лиски: «Там … держалось правильное сообщение с большой узловой станцией Лиски» [6, т. 2, с. 35]. Лексема *Лиски* в ряде источников имеет форму *Лыска*

(от прил. лысая). По мнению Е.С. Отина, такие названия типичны для географических объектов, которые не имеют растительности [5, с. 103].

При анализе топонимикона романа «Чевенгур» нами были выявлены, помимо реальных названий населённых пунктов, реальные гидронимы Воронежской области. Полагаем, писатель не мог обойти вниманием названия рек, озер, морей и т.п., поскольку вода в его жизни занимала важное место [1, с. 611]. Неоднократно в текстах А. Платонова вода выступает «в качестве метафоры времени» [2, с. 66]. По мнению исследователя, «река и море — векторы путешествия, причем как по жизни, так и за ее пределами» [2, с. 66]. Отметим, что вода для писателя символизирует конечность жизни. Кроме этого, водоемы могут выступать своеобразной границей жизни и смерти. Здесь важно вспомнить, что отец Саши Дванова тонет в озере, пытаясь «пожить в смерти и вернуться» [6, т. 2, с. 12]. Отметим, что озеро — это водоем, в котором нет течения, возможно, именно поэтому оно здесь связано со смертью.

Несомненна значимость хронотопа воды в индивидуально-авторской картине мира писателя. Обращаясь к анализу гидронимов, функционирующих в романе, к реальным гидронимам Воронежской области отнесем гидроним *Битюг*: «Конь вырос в луговой долине реки Битюга» [6, т. 2, с. 56]. Известно, что Битюг — это река, являющаяся притоком Дона и протекающая на территории Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей. «В 1389 и в 1450 г. упоминается как Бетюк, позже Битюк» [8, с. 109]. Современное употребление *Битюг* вошло в употребление с XVIII в. В.М. Поспелов предполагает, что форма *Бетюк* — это фонетический вариант тюркского прилагательного «высокий» [8, с. 109]. По мнению Е.С. Отина, авторами названия могли быть племена, которые говорили на диалекте древних булгар [5, с. 230].

Завершая анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур», обобщим результаты исследования и отметим, что в романе функционируют реальные топонимы Воронежской области, мифотопонимы Воронежской области и реальные топонимы России. Название романа является окказиональным, как и мифотопонимы, участвующие в формировании пространства романа. Топонимы, отнесенные нами к реальным, существуют на карте нашей страны, однако употребление их автором достаточно специфично, отличается географической неточностью, что способствует созданию иллюзии безграничного пространства. Значительная часть топонимов, отнесенных нами к вымышленным (*Верхнемотнинская волость, Мутево, Средние Болтаи* и др.) в платоновском романе кодируют не только пространство, но и время, точнее, безвременье, характеризующееся хаотичным движением, они часть хронотопа пути, заданного образом железной дороги в произведении. Как видим, насыщенность романа А. Платонова топонимами, различными по происхождению, как вымышленными, так и реальными, помогает автору раскрыть важнейшие смыслы создаваемого им художественного произведения.

Литература

1. *Бугакова Н.Б.* Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») / Н.Б. Бугакова // Неофилология. — 2021. — Т. 7. — № 28. — С. 611-617.
2. *Дырдин А.А.* Хронотоп воды/реки в раннем творчестве А. Платонова / А.А. Дырдин // Филологический класс. — 2016. — № 4 (46). — С. 62-68.
3. *Малыгина Н.М.* Из истории отношений М. Горького и А. Платонова: контекст и подтекст / Н.М. Малыгина // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 83-87.
4. *Матвеева И.И.* Комизм языка персонажей Андрея Платонова / И.И. Матвеева // Русская речь. — 2001. — № 4. — С.12- 17.
5. *Отин Е.С.* Из этимологических исследований донской гидронимии (к вопросу о первичном звене в коррелятивной паре *Битюг/битюг*) / Е.С. Отин // Этимология (ежегодник). — М.: Наука, 1972. — С. 230-241.
6. *Платонов А.* Собрание сочинений: [в 8 томах] / А. Платонов. — М.: Время, 2009.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — АН СССР, Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Наука, 1988. — 192 с.

8. *Поспелов В.М.* Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц / В.М. Поспелов. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 523 с.
9. *Сухих И.* Русский канон: книги XX века Книги XX века / И. Сухин. — Санкт-Петербург: Азбука, 2013. — 864 с.

И.В. Андросова,
кадетский корпус (инженерная школа) ВУНЦ ВВС «ВВА»
Е.В. Васильева,
ВИРО им. Н.Ф. Бунакова

ВОРОНЕЖСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЛОКАЦИИ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО В ПОВЕСТИ Э.И. ПАШНЕВА «ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК ЧЕЛОВЕКА С ДЕРЕВЯННОЙ САБЛЕЙ»

Дети и взрослые стали невольными участниками трагических событий Великой Отечественной войны, которые они воспринимали по-своему в силу возраста. В сознании воронежцев особенно пронзительно звучат детские воспоминания, переосмысленные и изложенные в автобиографической повести воронежского писателя Эдуарда Пашнева «Военный дневник человека с деревянной саблей». Детская литература, наряду с военной публицистикой, «лейтенантской прозой», помогает разобраться в чувствах и настроениях взрослых людей и маленьких детей через призму их восприятия трагических событий.

Особенность дневника как бытового письменного жанра — следование фактам и искреннее выражение своих чувств. Дневниковые записи в художественной литературе — это «один из мемуарных жанров, который предполагает определенную форму изложения, как правило, основанную на записях, расположенных в последовательном, хронологическом порядке» [1, с. 86]. Писатели используют жанр дневниковых записей, чтобы наиболее полно раскрыть внутренний мир героя**,** показать становление и развитие его личности, а также удостоверить читателя в реальности событий**.**

Произведение «Военный дневник человека с деревянной саблей» состоит из многочисленных глав — воспоминаний мальчика о военном

детстве. Герой (семилетний мальчик Эдик) и рассказчик (взрослый человек Э. Пашнев, знающий, что произошло после освобождения Воронежа, и спустя десятилетия осмысливающий произошедшее с ним самим и родным городом), сложно сопрягают восприятие воронежских событий военных лет. Именно рассказчик заставляет читателя обратить внимание на различия в понимании разных явлений взрослыми, в том числе близкими мальчика, и ребенком. В то же время цепкая детская память, как правило, связывает события с определенными местами в Воронеже и его окрестностях. Пространственные локации придают достоверности представленным эпизодам, потому что они узнаваемы жителями нашего региона. Рассмотрим некоторые фрагменты литературного материала, иллюстрирующие этот аспект произведения.

«На вокзале». В этой главе показана эвакуация рассказчика и его семьи: мамы, бабушки, младшей сестры Светки – из захваченного фашистами Воронежа. Ребенок наблюдает за паникой взрослых, чувствует беспокойство, но при этом сохраняет детскую непосредственность.

Придя на железнодорожный вокзал, семья увидела, что он полностью разбомблен. Во время воздушной тревоги мать героя пыталась найти, где стоит единственный поезд, и не пошла в бомбоубежище. Она одна на горящей привокзальной площади сидела и «караулила» чемоданы, так как понимала, что без вещей и еды маленьким детям в эвакуации будет очень тяжело выжить.

Ребенок воспринимает эту ситуацию иначе. Мальчик хочет рассказать матери, как они за нее переживали, сидя в бомбоубежище. Он чувствует себя каким-то рыцарем, готовым защитить мать, сестру и бабушку от беды, поэтому, залезая в набитый вагон, берет с собой деревянную саблю – некий символ уверенности и спокойствия из мирного детства. Но получает окрик чужой женщины: «Ты чего палки людям в спины суешь?» [2, с. 5]. Здесь

расходится восприятие ребенка и взрослых, в том числе повзрослевшего рассказчика: теперь, в отличие от себя маленького, он понимает, что деревянная сабля ни от чего не спасет.

«Консервы». В этой главе рассказчик вспоминает о том, как под Воронежем, на станции Тресвятская, разбомбили эшелон с продовольствием и как оголодавшие люди, несмотря на угрозы часовых, стали мародерствовать, забирая раскатившиеся консервы. Среди этих людей была и местная Феня-дурочка. Психически больной девушке приглянулись шелковые чулки убитой женщины, и она, не внимая угрозам часового, потащила ее в кусты, чтобы стащить чулки. Часовой принимает решение поступить «по закону». Рассказчик описывает, как «Феня-дурочка, сидя в одном чулке, опрокинулась, будто кто толкнул ее обеими руками в грудь» [2, с. 9]. Мальчик с удивлением подошел к ней с обычной дразнилкой, но она не двигалась. Мать рассказчика, которая, как и другие женщины, набрала консервов, дома со злостью бросила их родственникам, которые сварили из них суп, сама же не притронулась к этой еде: ее тошнило.

Для рассказчика, в отличие от взрослых, обретение консервов не мародерство, а счастливый случай, которым надо пользоваться. Также ребенок не может осознать причину мгновенной смерти Фени-дурочки, ставшей неотъемлемой частью их жизни в эвакуации, тем более не от руки немца, а от своего часового. Через образный строй текста прослеживается другое осознание ситуации уже повзрослевшего автора дневника: он понимает причину поступка часового, и ему стыдно за то, как бездумно и жестоко они дразнили психически больного человека. Понимает он и причину отказа матери от таким образом доставшейся спасительной пищи.

«Электростанция». В этой главе говорится о том, как после освобождения Воронежа в январе 1943 года рассказчик с матерью спешат

возвратиться домой, на улицу 20 лет Октября. Ребенок, навсегда покидая место эвакуации, не берет с собой ничего, кроме деревянной сабли, как он говорит, «на всякий случай», чувствуя себя при этом единственным защитником матери. Они идут по льду заминированной реки Воронеж, так как от разрушенного Вогрэсовского моста остались лишь «бетонные быки, вмерзшие в лед». Мать говорит: «Наверное, зря я тебя с собой взяла. Пойдешь за мной, след в след» [2, с. 15].

Впереди идет какой-то человек, и они ступают по его следам. Ребенок оступается, падает, встает и, не разбирая дороги, бежит, чтобы догнать мать, а потом опять идет след в след: «Хорошо, что мама не видела, как я упал», — думает он [4, с. 15].

Далее рассказчик описывает, как подорвался на мине человек, шедший после них: **«…**беззвучно взметнулся снежным конусом вверх и пропал в зияющей черноте реки» [2, с. 15]. Ребенок размышляет, что «никто, кроме них, этот взрыв не услышал и не прибежал узнать, что случилось», поэтому «вот дойдем до того угла и кого-нибудь увидим и расскажем, как на реке взорвался человек в полушубке и пропал» [2, с. 15]. Он не воспринимает заминированную реку как угрозу жизни, для ребенка главное — чтобы мама не заметила его падения. Мальчик до конца не осознает, что на его глазах погиб человек, его переполняют эмоции от увиденного «снежного конуса», и ему хочется скорее кому-то рассказать об этом. Детство и «деревянная сабля» словно защищают психику ребенка от разрушительного восприятия трагедии войны.

Повзрослевший рассказчик смотрит на эти события глазами матери, понимая ужас войны: «Я прижался к маме, а она даже не заметила меня и ничего не сказала, окаменела вся» [2, с. 15].

Анализ ряда эпизодов, наиболее четко показывающих отличие реакции героя и рассказчика на происходящие события, говорит о том, что

ребенок словно охраняется детством и его символом — саблей, от жестокой реальности войны. Психика ребенка страшные военные события воспринимает как временное приключение, которое не может закончиться трагически, так как рядом его защита — мама и бабушка, а также есть младшая сестра Светка, о которой надо заботиться. Ребенок часто не понимает причины другой реакции взрослых на те же события, он просто констатирует факт их восприятия. Рассказчик уже по-другому оценивает военные события, его реакция совпадает с реакцией взрослых людей, в то же время он смотрит на себя маленького с доброй улыбкой.

В таблице, размещенной ниже, представлены упомянутые в повести места Воронежа и области, где разворачивались события в военную пору.

Таблица 1.

№	Глава в повести	Пространственные локации Воронежа и области, упомянутые в повести	Цитаты	Пространственные локации Воронежа и области в послевоенный период
1.	«На вокзале»	Воронежский вокзал, вокзальная площадь, сквер. Герой (Эдик) с сестрой Светкой, мамой и бабушкой эвакуируется из г. Воронежа, приходит на вокзал, а его нет, он разбомблен.	*«Мы пришли на вокзал, а вокзала нету, разбомбили. Ни касс, ни зала ожидания, остался целым только сквер. Все побежали через площадь в бомбоубежище, а мы не знали, что делать. Бабушка выскочила из сквера и стала звать маму»*	Воронежский вокзал восстановлен, На месте вокзальной площади – площадь Черняховского Привокзальный сквер сохранился.

			[2, с. 5].	
2.	«Станция Тресвятская»	Станция Тресвятская. Герой и его семья бегут к родственникам из горящего Воронежа в эвакуацию.	*«На станции Тресвятской ничего не горело. Тихо… Ветерок… Мы вышли на этой станции. Кроме домика здесь был еще колодец, не деревянный, а из огромной цементной трубы»* [2, с. 6].	Станция «Тресвятская» Новоусманского района Воронежской области сохранилась, на ней есть поселок «Воля».
3.	«Почтовый ящик», «Электростанция»	Улица 20 лет Октября. Улица упоминается дважды. Первый раз, когда мама и Эдик идут домой в освобожденный Воронеж, но вместо дома видят пепелище и разрушенную улицу. Второй раз, когда бабушка героя ставит шалаш вместо сгоревшего дома и палку с номерным почтовым ящиком,	*«Мы вышли на улицу 20-летия Октября не через переулок, а напрямик через развалины <…> А дома нашего не было. Только небольшой бугорок, присыпанный снегом, остался».* [2, с. 16] *«Бабушка сидит во дворе и копается в обгорелых кирпичах и уже из обгорелых досок и кирпичей шалаш построила. А у дороги, как и говорила, воткнула колышек и повесила на него старый,*	Улица сохранилась, сейчас на ней расположена братская могила погибших в Великой Отечественной войне и мемориальный комплекс «Чижовский плацдарм».

		так как ждет письмо с фронта от сына Аркадия.	*помятый почтовый ящик. И номер дома написала мелом».* [2, с. 19]	
4.	«Воробьи»	ВОГРЭС – Воронежская государственная районная электростанция. Герой рассказывает, как его мама работала на восстановлении электростанции за карточки на питание.	*«К середине лета здание электростанции восстановили полностью, возвели стену, которая выходила в переулок, до самой верхней точки шестого этажа. ... и один человек ... огромными белыми буквами писал через всю стену ...:* *Из пепла пожарищ, руин и развалин мы восстановим тебя, родной город.* [2, с. 20]	ВОГРЭС восстанавливали с 1943 по 1944 гг., станция работает до настоящего времени. Чтобы не допустить захвата стратегически важного объекта, работники станции заминировали цеха.
5.	«Электростанция»	Река Воронеж Герой вместе с мамой идет по льду заминированной немцами реки Воронеж в освобожденный город, надеясь увидеть свой дом	*«Я знал, что река заминирована, и, когда оступался, со страхом закрывал глаза и ждал взрыва»* [2, с. 15].	В 1971–1972 гг. река Воронеж преобразована в **Воронежское водохранилище** в целях промышленного водоснабжения города.

		целым. На их глазах подрывается и погибает мужчина, тоже спешивший в свой дом.		
6.	«Разоружение»	Чернавский, Вогрэсовский мосты Герой, как и многие мальчишки, стаскивает в дом найденное оружие, но его «разоружает» милиционер.	*«После разоружения у нас на весь берег от Чернавского моста до Вогрэсовского остался один танк. Он громоздился на лугу около самой воды и смотрел пушкой на левый берег»* [2, с. 26].	Чернавский, Вогрэсовский – мосты, по сей день соединяющие районы Воронежа. Чернавский мост был разрушен в 1942 г., восстановлен в 1959 г. Вогрэсовский мост был взорван в 1942 г. и построен заново в 1954 г.
7.	«Салют салютов	Площадь им. Ленина, драмтеатр Герой наблюдает салют в День Победы в Воронеже.	*«Я тоже побежал по длинной лестнице от берега реки к центру города – туда, где рождались такие красивые огни.* *Я бежал быстро, но, наверное, прибежал на площадь последним. Все уже были здесь, все уже праздновали Победу.*	Площадь Ленина не изменила своего названия. Драмтеатр работает до настоящего времени.

			Какой-то солдат забрался на крышу драмтеатра… это были огни Победы» [2, с. 26].	

Пространственные локации повести Эдуарда Пашнева «Военный дневник человека с деревянной саблей» играют важную роль в произведении. Через призму восприятия маленького мальчика описываются ночные авианалёты на город, эвакуация, жизнь в деревне у дальних родственников в Тресвятском, возвращение домой по льду заминированной немцами реки и другие эпизоды. Они вводят читателя в атмосферу реальных событий, помогают понять переживания главного героя и его семьи, а значит, и многих воронежцев, переживших трудное время оккупации родного города.

Литература

1. *Гурьева Т.Н.* Новый литературный словарь / Т.Н. Гурьева. — Ростов н/Д.: Феникс, 2009. – 364 с.

2. *Пашнев Э.И.* Военный дневник человека с деревянной саблей (1941–1945 гг.). / Э. И. Пашнев. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.rulit.me/books/voennyj-dnevnik-cheloveka-s-derevyannoj-sablej-read-180432-1.html]. — Дата обращения: 22.04.2025.

М. А. Слинько, М. С. Хожайнова,
Воронежский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОМАНЕ А.В. БУНЕЕВА «ДЕВОЧКА И МЕДВЕДЬ»

Роман А.В. Бунеева «Девочка и Медведь» — недетское произведение о застывшем времени детства. Книга о (не)выросших детях, о юных взрослых. О тех, кто хочет влиять на реальность, но сами будто нереальны. О месте вечного детства — «Артеке», где постепенно разворачивается настоящая борьба за справедливость, противостояние коренных жителей этой страны счастья и тех, кто желает артековцев лишить этого.

А.В. Бунеев своим романом подарил читателю уникальную возможность увидеть происходящее так, как его видят те самые особенные пионеры, непохожие на остальных. Им удалось попасть навсегда в своего рода маленькое государство, где они могут быть самими собой, где правила и законы другие, где у каждого есть своя легенда прибытия сюда, где время течет по-другому. С первой же страницы мы погружаемся в атмосферу «лениво плавающего в теплых солнечных волнах» «Артека». Более того, мы, читатели, становимся не просто наблюдателями, а участниками событий. Оказываясь в компании артековцев, находимся с ними на одном уровне, воспринимаем рассказы о лагере, о его обитателях, о Медведь-горе через призму их мировоззрения. Вместе с ними «курим длинные иностранные сигареты» [1, с. 4], а потом пишем записки «с пожеланиями, мечтами всякими, просьбами» [1, с. 7] и втыкаем их в стену.

Но все ключевые события связаны с одной главной героиней — Светланкой, как ее по-доброму называют близкие и сам автор. Навсегда четырнадцатилетняя девочка, «вечный персонаж» [1, с. 65] (как они говорит сама о себе), волевая и бесстрашная, ни на шаг не отступает от своей цели – пробудить Медведя, который, по ее наблюдениям, «поднял лапу» [1, с. 16] и готов сдвинуться со своего места. Аю-Даг — гора на Южном берегу Крыма. Она похожа на огромного медведя, склонённого к морю. И все легенды о Медведь-горе связаны с этим животным. Светланка вспоминает «татарский» вариант легенды о Медведе, которого разгневанный Аллах «превратил… в камень» за то, что тот «перестал уничтожать джиннов»: «…я от татар эту историю слышала, они лучше знают. Название-то горы татарское: Аю-Даг» [1, с. 5-6]. Новая легенда рождается на страницах романа «Девочка и Медведь». Что сделает он своей разрушающей силой? Эта загадка сохраняется до последних строчек романа. Причем так и не

раскрывается автором [2] Повествование обрывается на самом интересном месте.

Дедушка, воспитывавший Светлану с самого ее детства, уверен, что «дозированная информация и дисциплина — лучшее, что может быть» [1, с. 30] Но «дозированность», касающаяся ее мечты и цели, не устраивала героиню. Поэтому она самостоятельно старалась добыть как можно больше знаний, как можно глубже понять особенности Медведя, его затяжного сна и то, какую сторону примет: он спаситель, или разрушитель последнего, что уцелело?

На протяжении всего повествования ощущается особое течение времени. Вернее даже его периодическая остановка и стремительная смена, несмотря на то что артековцы остаются вечными детьми, а дедушка Светланки, бариста Али и другие люди извне меняются, взрослеют и стареют вместе с этим временем. Становятся иными ребята, которые покидают территорию лагеря: любимый Светланкой Аристотель «скажем так, повзрослел» [1, с 138], хотя девочка надеется, что «не изменился внутренне» [1, с 138]. Возможно, поэтому Ксаверию — Солнечному мальчику — страшно покидать «Артек» даже ненадолго. Но не только в лагере замирает реальность. Море, любимая стихия Светланки, дарит чувство бесконечности, необъятности. Героиней овладело «пьянящее ощущение одиночества» [1, с. 103] во время плавания. Когда девочка лишилась теплого, уютного старого дедушкиного дома (из которого соорудили гостиничный коттедж), море стало для нее единственным местом, где «исчезало волнение, мучившее ее на берегу» [1, с. 103]. На воде, когда героиня плыла в поселок для посещения обсерватории, «небо, суша и море слились воедино. Время как будто остановилось» [1, с. 103]. Это же ощущение присутствовало и в доме дедушки. Туда Светлана попала вместе со своей тетей впервые за много лет, «но не заметила ни на полу, ни на

мебели ни малейших признаков пыли» [1, с. 54]. А после преображения дом «скрипел, щелкал, стонал. Его древние стены <…> не могли смириться с новой оболочкой. Казалось, что дом не мог дышать. Он сопротивлялся» [1, с. 54]. Такой акцент на «вечном» и «конечном» позволяет понять желание героини сохранить то зыбкое, чистое прошлое в настоящем моменте, растянуть этот момент в бесконечности.

Поэтому Василиса Патрикеевна осознает ценность старой двери с росписью Шишкина только после капитального ремонта. Поэтому Светланка в ответ на видеосообщение Анри решила ответить рукописным посланием. Поэтому она с настороженностью и недоумением воспринимает перестройку дома. Поэтому девочка просит зашедших в лагерь военных «оставить в покое» артековцев и вернуть свои лучшие качества, вспомнив себя в детстве. Поэтому приехавший в практически закрытый лагерь француз Поль в разговоре со Светланой называет детей «феноменом», «маленькими героями» и говорит такие слова: «Другие люди! Новое поколение! Но дело в том, что новое поколение воспитано уже как старое поколение. Новая элита – как старая элита. А молодой народ — воспитан на потреблении» [1, с. 117-118].

Важное место в романе занимает мотив сна, тоже в некотором плане имеющий воспитательный аспект. Первое знакомство читателя с «Артеком» и его обитателями происходит в «час послеобеденного отдыха» [1, с. 4], после пробуждения пионеров. А заканчивается повествование вечером, на берегу реки, когда внезапно «дневной свет померк», и дети понимали, что «завтрашний день может не наступить никогда» [1, с. 153]. Медведь «спал» практически весь роман, «проснулся и поднял голову» [1, с. 153] в самом конце произведения. А наша героиня вовсе пренебрегает своим сном: на протяжении более трех лет «засыпает на два-три часа» и встает «за час до Подъёма» [1, с. 61], не спит в обеденное время ради того, чтобы быстрее

пробудить Медведя, «сама толком не понимая, зачем это делает. Она просто знала, что время будить Медведя настало» [1, с. 61], ведь только он, по мнению многих героев романа, поможет артековцам в сохранении горячо любимого «островка в бурном море» [1, с. 124]. Но если Светланка крепко засыпает, то видит необычные сны. Вторая глава начинается с описания сна, «в котором Медведь просыпался» [1, с. 9], а море высушилось, открыв перед героиней дно. После встречи с Михаилом Владимировичем, о котором девочка мало что знала, но с которым обсуждала возможное пробуждение Медведя, ей стали сниться кошмары с ожившими крымскими горами, с мамой, надевавшей на нее крестик и «ниже опускавшей голову, как бы покоряясь своей участи» [1, с. 28].

Позже Светланке «примерно раз в месяц» [1, с. 33] снился художник Константин Алексеевич, называвший ее каким-то словом, значение которого она не знала и после пробуждения «начисто забыла, как оно произносится» [1, с. 34]. Девочка не была знакома с этим художником в реальности, но он желал ее нарисовать, хотя ему мешало «постоянное выражение доброты» [1, с. 33] на лице героини. После встречи со своей дальней родственницей Василисой Патрикеевной Светланка увидела сон со спасшим ее от утопления дельфином. Также в этом сне была «гигантская, медленно вращающаяся карусель. Вместо лошадок на ней были укреплены человеческие фигуры, каждая из которых держала в руках кресло, как бы приглашая прокатиться» [1, с. 50]. И в последнем сне девочки, о котором сообщается, возникает образ отца, «которого она не знала и не видела» [1, с. 113]. Во сне она с ним взлетела над землей, но начала падать, а «когда до земли оставалось несколько метров, внизу появилась огромная мягкая лапа» [1, с. 114]. Эти сны объединены идеей судьбоносности, невозможности предугадать жизненные повороты. Поэтому роман имеет именно такой открытый финал: никто из сидящих на берегу не ожидал в

действительности увидеть пробуждение Медведя. «Светланка испугалась, но не удивилась. Она ведь сама хотела этого, только вот вряд ли верила, что такое возможно…Теперь все смотрели в одну сторону, понимая, что прошлое потеряло смысл, а завтрашний день может не наступить никогда» [1, с. 153]. Что будет с жизнью «Артека» и его обитателей и тем, что стоит за ними? Течение жизни предугадать невозможно, но и не задумываться о нем тоже не получается, по крайней мере, у автора…

Литература

1. *Бунеев А.В.* Девочка и медведь: сборник произведений / А.В. Бунеев. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. — 336 с.

2. *Никонова Т.А.* Хочет ли кто быть бессмертным? (о романе А. Бунеева «Девочка и медведь») / Т.А. Никонова // Подъём. — 2017. — № 3. — С. 175-179. Электронный ресурс. Режим доступа: [https://журнальныймир.рф/content/hochet-li-kto-byt-bessmertnym]. — Дата обращения: 28.01.2025.

А.С. Бакурова,
Воронежский государственный университет

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ А.С. ДАЛЬ «ЧУЖИЕ ПИСЬМА», «ВАРЕЖКА»)

Современная женская проза активно заявила о себе в конце 1980-х — начале 90-х г.г. и до сих пор дискуссии о ней не умолкают. Сегодня в широком понимании под термином «женская проза» подразумеваются произведения, написанные женщинами, в узком — круг текстов, в основе которых лежит собственно женский взгляд на традиционные общечеловеческие проблемы (жизни и смерти, чувства и долга, взаимоотношения человека и природы, семьи) [1, с. 27]. Женская проза обычно представлена в жанрах социально-психологического и сентиментального повествования, биографического романа, рассказа или эссе. В литературе конца XX — начала XXI вв. тема одиночества в женской прозе рассматривается не в этическом, а экзистенциальном аспекте. Одной из важнейших проблем экзистенциальной литературы является: человек и

мир, его роль в жизни, смерть, одиночество, ожидание, которое всегда заканчивается разочарованием [3, с. 3].

Обратимся к этому феномену на примере рассказов «Чужие письма» и «Варежка» Алены Станиславовны Даль, опубликованных в 2021 в литературно-художественном журнале « Подъём». Алена Станиславовна в настоящее время — писатель, публицист, в чьих рассказах воплощаются следующие признаки женской прозы: взгляд на мир с позиции женщины, изображение закрытого пространства дома и быта, психологичность, рассмотрены модели поведения в семье и обращение к внутреннему миру женщины, концепция одиночества обретает самостоятельность и завершенность.

Тема одиночества становится центральной в рассказе «Чужие письма». Пространство в произведении замкнуто и тесно, оно ограничивается кухней, где главная героиня Лидия проводит большую часть времени, готовя, разогревая или подавая еду мужу, то есть становится своеобразной «тюрьмой» для нее. Описание обстановки («тихие кресла, бокалы в серванте, низкая, будто вбитая в пол мебель») [2] подчеркивает застывший, мертвый характер окружения главной героини — Лидии. Белозерцева переживает внутреннюю раздвоенность, балансируя между отчуждённостью и жаждой тепла. Она ощущает пустоту: «Что-то внутри давно погасло» [2], — и редкие вспышки боли, открывающие скрытые раны. Статичность, окружающего ее пространства, контрастирует с её внутренними переживаниями.

Лида живет в маленьком поселке, где кроме тюрьмы почти нет общественной жизни. У неё нет детей, и отношения с мужем давно охладели, что демонстрируют их взаимоотношения в быту: «В то утро, после ссоры с мужем из-за сбежавшего кофе, она молча стерла с плиты бурую лужу», или «Белозерцев с укором смотрел на жену, жуя на ходу

бутерброд с колбасой» и пробубнил: «Ладно, грей ужин» [2]. Одиночество Лиды подчеркивается сценами, где она пытается понять, мог бы её муж совершить ради неё геройский поступок. Однако муж оказывается эмоционально отстранённым и даже пренебрежительным, что только усиливает её чувство ненужности и пустоты. Концовка рассказа, когда Лида обнаруживает измену мужа, знаменует её внутренний перелом. Она наконец осознаёт, что её брак, как и многие другие аспекты её жизни, был иллюзией и что пришло время уходить. Однако для Лиды, не имеющей конкретной цели и внутренней опоры, этот уход становится не столько шагом к свободе, сколько признанием полной утраты, о чем говорят символы.

Главным символом произведения является китайский термос — предмет из детства Лиды, который напоминает ей о прошлом «Он сохранился со времен дачных чаепитий, когда на одурманенной зноем и ароматом варенья веранде собиралась вся окрестная детвора, наслышанная о маминых пирожках с вишней» [2]. Этот термос, с его поношенным видом и потертым рисунком, олицетворяет ушедшие годы и утраченное счастье, в то время как его старение и повреждения отражают ее собственные утраты и разочарования.

Письма заключённых, которые Лида изучает в своей повседневной работе, — еще один символ повествования, они помогают раскрыть её внутренний мир. Поначалу она воспринимает их как рутину, но вскоре одно письмо — от матери заключенного Василенко — пробуждает в Лидии давно подавленные эмоции. По ночам Лида читает рукопись Андрея Василенко под абажуром, кухня предстает как укрытие, где она находит время для уединения. В этот «интимный» момент появляются китайский старый термос и чашка «с невнятным голубым письмом на месте бывшего василька» [2] — вещи, которые связаны с Жизнью, с прошлым, только эти

вещи из всего пространства имеют значение для героини. Письма становятся для неё чем-то большим, в них Лида находит тепло, материнскую любовь и жизненную силу, которых ей не хватает в реальной жизни. Мать Василенко отражает модель поведения «жертвенная мать». Её образ представлен «со стороны» (в восприятии сына и её письмах к нему). В матери Андрея виден архетип Великой Матери — хранительницы семьи. Она живет любовью к сыну и геройством его поступка, она считает его благородным и подбадривает, пытается восстановить отношения сына с внучкой и помочь в публикации рукописи, ждет его возвращения. Мать Василенко строит эмоционально-гармоничные отношения с сыном. Его письма к матери полны любви и сожаления, отражают внутренние муки и попытки понять свою судьбу.

Тюрьма в данном рассказе выступает как пограничное, переходное пространство. Это метафора жизненного кризиса, утраты и замыкания. В случае Лидии её предыдущая профессия — педагогическая деятельность — ассоциируется с творческой и духовной реализацией, с внесением вклада в будущее общества, в формирование молодых умов, что делает её полезной и нужной. Тюрьма, напротив, является пространством, в котором её знание и навыки не востребованы. Это место ограничения, где временная и пространственная замкнутость резонирует с её внутренним чувством заточения в собственных переживаниях.

Итак, минувшее представляется ей как подлинная, живая жизнь, настоящее — как мир мертвенности и утраты духовности, а будущее — как безнадежное, но все же открывающееся ей через внутреннее решение и воздействие писем Василенко. Эта динамика времени становится центральным нервом повествования, где Лида живет в мире воспоминаний, цепляясь за предметы и образы пережитого, словно пытаясь остановить

время. Этот конфликт между необходимостью двигаться вперед и желанием сохранить прошлое оказывается одним из самых болезненных для Лиды.

Тема одиночества в рассказе «Варежка» многослойна и затрагивает экзистенциальные, социальные и психологические аспекты. Изабелла Петровна — женщина сложной, многослойной натуры, яркий пример противоречивого сочетания внешнего блеска и внутренней уязвимости. Она сохранила аристократическую выправку и утонченность, что выгодно выделяет ее даже в преклонном возрасте. В ее характере сочетаются сильная воля и тонкая эстетическая натура: она не только прекрасно декламирует стихи, но и живо интересуется культурной жизнью. «Изабелла Петровна была женщиной умной, образованной, всеми уважаемой. <…> Ей никто не давал больше шестидесяти, хотя она давно переступила порог восьмого десятка» [2]. Несмотря на видимый успех, главная героиня видит себя как жертву несправедливой судьбы и винит в своих неудачах окружающих — мужа, который «не оправдал ожиданий», и дочь, которая «не удалась». Её самооценка зависит от внешних атрибутов: внешнего вида, культурных мероприятий, признания коллег. Однако все эти достижения и культурные интересы оказываются поверхностными. Изабелла Петровна не хочет признавать свою роль в разрушении отношений с дочерью и мужем, предпочитая считать себя несправедливо обманутой судьбой.

Рассказ также подчёркивает одиночество как следствие старения. В литературе и культуре старость часто ассоциируется с изоляцией, утратой социальной роли и снижением значимости в глазах общества. Пространство повествования ограничивается изображением квартиры главной героини, Изабелла Петровна словно находится в «капсуле», отделённой от внешнего мира («Окно было таким мутным, что наступление дня Изабелла Петровна угадывала по звукам») [2], что отражает её отчуждение и неспособность взаимодействовать с реальностью. В немногочисленных описаниях

квартиры можно найти выражения, подчеркивающие её тесноту и замкнутость, цикличность: кресла, телефона, телевизора и кроссвордов. Они акцентирует внимание на статичности и отсутствии развития, характерных для жизни героини, чья повседневность заполнена монотонными действиями.

Изабелла Петровна активно вмешивается в жизнь своей дочери Татьяны, определяя её действия и ограничивая свободу выбора. Татьяна вынуждена соответствовать материнским ожиданиям, но, отнюдь, не лишена возможности проявлять самостоятельность. «Дочь Таня с детства была дерзкой и колючей. Прекрасным не интересовалась. <…> Краситься дочь не умела, на просьбы матери замазать прыщи огрызалась. Одевалась как придется. Не было в ней ни женского шарма, ни грамма кокетства. … Зато гонору у Татьяны! Все всегда делала по-своему, наперекор ей» [2]. Изабелла Петровна не проявляет позитивного интереса к жизни и успехам дочери, её отношение более похоже на требовательную оценку, чем на поощрение: «Правда, училась всегда на одни пятерки, а потом важные посты занимала — хоть чем-то можно было гордиться Изабелле Петровне» [2]. Постоянное ощущение неполноценности и необходимости соответствовать строгим стандартам матери создает у Таты чувство отчуждённости, из-за которого она сближается с мягким отцом. Образ Изабеллы Петровны в рассказе «Варежка» представляет собой воплощение архетипа «подавляющей матери». Для такого типа матерей характерны отсутствие эмоциональной связи с ребенком и «женское насилие» в семье (женщина эмоционально подавляет членов своей семьи) [4, с. 3]. Неспособность матери к эмпатии, отсутствие эмоциональной потребности к установлению привело к разрушающей модели поведения в семье. Отношения «мать-дочь» в психологическом плане реализуется в контексте понятий «сила-бессилие». Для подавляющей матери характерно стремление

контролировать и направлять жизнь ребёнка согласно своим представлениям и желаниям, не учитывая его личные потребности и устремления.

В рассказе «Варежка», также, как и в произведении «Чужие письма», важным способом изображения духовного мира героини становится одноимённый предмет — центральный символ, через который раскрывается ряд ключевых мотивов. Варежка в произведении напрямую связана с воспоминаниями героини о матери. Появление этого атрибута служит напоминанием о прошлом, о времени, когда мать и дочь были ближе друг к другу, а их отношения ещё не утратили прежней теплотой. Обнаружение варежки заставляет Изабеллу Петровну задуматься о своей жизни и её истинном содержании. Этот простой предмет вызывает цепочку ассоциаций и размышлений, приводя героиню к осознанию того, что многие её поступки и решения были продиктованы не истинными желаниями, а внешними обстоятельствами и социальными ожиданиями. Варежка становится тем, что побуждает к переосмыслению прожитого пути, когда героиня вынуждена признать, что её жизнь, казавшаяся ей в молодости полной значимости и перспектив, на самом деле оказалась более одинокой и разочаровывающей, чем она могла предполагать.

Обращение Изабеллы Петровны к воспоминаниям служит своеобразным способом побега от настоящего, как и у героини Лидии в рассказе «Чужие письма». Её память хранит моменты прежней жизни, которые кажутся более значимыми и насыщенными по сравнению с её теперешним существованием. Однако воспоминания также углубляют её одиночество, так как возвращают её к утраченной молодости, нереализованным ожиданиям и разочарованиям. Таким образом, память становится одновременно и утешением, и источником боли, что отражает сложное взаимодействие между прошлым и настоящим в жизни человека.

Через образ Изабеллы Петровны автор показывает, как внутреннее и внешнее одиночество может стать всепоглощающим состоянием, когда человек не находит опоры ни в близких людях, ни в самом себе. Героиня поддерживает внешний образ успешной светской женщины, скрывая за ним своё одиночество и неудовлетворённость жизнью. Культурная жизнь, в которой она участвовала, её достижения и связи с известными личностями служат своеобразной компенсацией за неспособность построить тёплые семейные отношения и обрести внутреннюю гармонию.

Итак, мы видим, что в творчестве Алены Станиславовны Даль раскрывается тема одиночества как изолированности. Обращение в прошлое, несостоятельность настоящего и наличие бытового предмета в центре повествования, имеющего символическое значение в рассказах, объединяет рассказы и позволяет раскрыть центральные женские образы.

Литература

1. *Арбатова М.И.* Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма / М.И. Арбатова // Преображение. — 1995. — № 3.

2. Подъём. Ежемесячный литературно-художественный журнал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://podiemvrn.ru/chuzhie-pisma]/ —Дата обращения: 23.10.2024.

3. *Мурадова А.К.* Одиночество женской души как экзистенциальная проблема в прозе Лулы Куни / А.К. Мурадова // Живое слово казбека Шаззо и актуальные вопросы развития отечественной литературы XX века. — 2024. — С. 127 – 131. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73877119]— Дата обращения: 23.10.2024.

4. *Романовская О.Е., Семикина Ю.Г.* Тема материнства в «женской» прозе (на материале произведений Л. Петрушевской, Л. Улицкой, И. Полянской, О. Славниковой, М. Арбатовой) / О.Е. Романовская, Ю.Г. Семикина // Гуманитарные исследования. — 2010. — № 2(34). — С. 91-96. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15214168]. — Дата обращения: 20.09.2024.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

проза и поэзия современных воронежских авторов

Калашников Михаил Александрович

Родина — село Белогорье Воронежской области. Окончил Педагогический университет по специальности «История». Участник поискового движения, Богучарский поисковый клуб «Память». Лауреат премий им. Исаева (2020), им. Астафьева–2023, обладатель Дальневосточной премии им. Арсеньева (2024).

Издания: романы «Летом сорок второго» (Эксмо–2022), «Красный демон» (Эксмо–2023), «Расплавленный рубеж» (Эксмо–2023), «Челюскин. В плену ледяной пустыни» (Эксмо–2023). Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Сибирские огни», «Роман-газета».

РАСПЛАВЛЕННЫЙ РУБЕЖ (ФРАГМЕНТ)

// Калашников М. Расплавленный рубеж. — Москва: Эксмо, 2023. — 320 с. — (Боевая хроника. Романы о памятных боях).

В Кольцовском сквере каждый день выкладывали цветами на зеленой клумбе год, число и месяц.

Потом пришли немцы, и время остановилось.

Григорий Бакланов. Пядь земли

Сдаваться без боя Город был не согласен. Почти год его колотило и трясло, но в этой лихорадке Город набирал силу. Теперь он был опоясан рвами, змеями траверсов, колючими оградами, крыши домов ощетинились зенитными пулеметами. На перекрестках выросли стопки мешков с землей, на улицах появились ежи из рельсов. Казалось, Город, подобно кошке, приготовившейся к драке, вцепился в землю, собираясь дать достойный отпор врагу.

Война вымела из квартир мужчин, разбросала их по фронтам, опустошила фабричные цеха: дизеля и станки увезли на необжитые места и в пустых заводских стенах сиротски хлопали крыльями голуби.

Но еще звенел на проспекте трамвай, выходили газеты, вверх по реке плавали прогулочные катера, вывозя детвору в лагеря на каникулы. Город старался жить, он еще не пал духом. Был у него Праздник конца учебного года, и враг его не запретит. Жители бодрились: наварим леденцов, проведем веселый утренник, наплюем в рожу поганой войне.

Пионерский парк принимал гостей. Работал прокат, в нем за определенную плату выдавали во временное пользование кукол и деревянных лошадей, самокаты, кегли. На тропинках было множество белых пионерских панам. На маленькой полукруглой сцене перекликались два баяна — учитель с учеником. На крытой летней эстраде проводились конкурсы. Над фонтаном разлетались радужные брызги, площадки для игр были забиты детворой. Родителям в парке не было места, они сгрудились в тенечке за оградой, под акациями.

В июне, в черную дату чертовой дюжины, над Городом загромыхало. Загудели небеса. Зверинец за техникумом почуял страх прежде людей – в нем раздавался на разные голоса вой. В парке крики, смех, оркестр наяривает, давно праздника не было, и люди веселились. Когда небесный гул накрыл парк, разбегаться было поздно. Молотящие воздух винты прошлись над зелеными макушками деревьев. Оборвались недоигранные ноты, раздались крики детей, вопли матерей… На свежеокрашенных стенах павильона, на панамах, клапанах баяна появились яркие брызги крови… Россыпь шахмат, перевернутый велосипед, пионерские галстуки вперемешку с белоснежными блузками. Деревья как рождественские елки, обряженные в кровавое тряпье и оторванные конечности. На месте зрительских лавочек образовалась разрытая дымящаяся яма.

В окрестных домах ни единого целого окна, где-то сорвало жестяную крышу, как скальп с головы. Раздался звук запоздалой сирены, зазвучали клаксоны карет «скорой помощи»… И снова гомон со стороны зверинца,

теперь не тоскливый, а дикий, споривший с материнским воем, покрывавшим крики раненых детей.

Прикатили несколько городских трамваев. На рифленых листах вповалку были уложены стонущие раненые. В хвосте каравана двигалась грузовая платформа с мертвыми…

В сквере в день похорон проводился траурный митинг. С окраин Города приволокли «мессер» с погнутым пропеллером, дырками на крыльях. Может, это и был тот самый подбитый самолет из тех, что убил детей в пионерском саду.

Разрезанный рекою с севера на юг Город отправлял на фронт, эвакуировал, готовился к отражению удара. Два его берега связывали мосты. Самый южный и самый новый, детище индустриального века — ВОГРЭС. Под боком у него гидроэлектростанция, от нее аббревиатура. На бетонных арках лежит дорожное полотно и две пары трамвайных рельсов.

У среднего моста богатая биография: с екатерининской поры он устроен на этом месте. Новая эпоха его переродила, из деревянного он стал каменным. Когда-то роща здесь дубовая стояла – Чернава, от той рощи и название мосту было дано.

Северный мост — удаленный, он в стороне от Города. В этом месте полуостров разрывает реку на два рукава, а пара мостовых пролетов, кинутых от полуострова, связывают левый и правый берег. Машинам здесь не пройти, две железнодорожные колеи на нем. За мостом, на левом берегу — стародавнее село, еще с допетровской эпохи, зовется Отрожкой. По нему и мостовая пара названа.

В эти дни на мостах бурлит жизнь. Передвигается народ, едут теплушки и платформы. А река под мостами течет все такая же тихая. Не колыхнуло ее пока самолетной бомбой, не потревожил донную живность залетный снаряд, не вздыбили водяные фонтаны пулеметные пули.

Иван Александрович Щелоков

Родился в селе Красный Лог Новоусманского района Воронежской области), поэт. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2007). Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета (1978).

Председатель региональной ассоциации «Пресса Черноземья» (с 1998 года). Председатель Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

Работал в районных газетах, в газете «Молодой Коммунар», в том числе в должности главного редактора. Руководитель управления по делам печати и средств массовых коммуникаций Воронежской области (с 1997 года). Главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём».

Публиковался в коллективных собраниях, журнале «Подъём», «Литературной газете, журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Нева», «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Новая литературная Немига» (Белоруссия) и др. Автор книг: «Под знаком Водолея», «Чтоб не остаться в мире одному», «Долгое эхо», «Осенние многоточия», «Страждущий ветер», «Лето на двоих», «Поклоняюсь мгновениям», «Дыхание твое» и др.

И СНОВА ЗАХОЧЕТСЯ В АННУ

В.И. Жихареву

А что если плюнуть на зиму,
На снег, на дорогу в сто вёрст
И — в Анну, к той жизни незримой
Дворянских угаснувших гнёзд?
Представить для важности пущей
Компанию русских певцов,
Чтоб Лермонтов был там, и Пушкин,
И, может быть, также Кольцов.
Вломиться незвано к графине —
Любимице Ростопчиной.
Пригубить вина из графина,

Из блюдца — отвар травяной.

Манить Евдокию Петровну

В Воронеж, Москву, на Кавказ

И видеть, как в свете неровном

Слезинки сияют у глаз.

От гордости женской, смущенья,

От долгой разлуки она

Прочтёт им свои посвященья,

Задора и счастья полна.

Украдкой вздохнёт — чтоб не слышно,

И губы прошепчут, любя:

«Ну как же так можно? Как вышло,

Что мы потеряли себя?»

И будут метельно кружиться

На радость ли чью, на беду

Залётные годы, как птицы

В заснеженном барском саду.

И чем-то далёким, желанным

Дохнёт горячо-горячо…

И снова захочется в Анну,

А может, ещё и ещё.

Елена Владимировна Шилова

Родилась и проживает в Воронеже. Окончила факультет ПММ ВГУ, работает программистом, пишет стихи и прозу. Член Союза писателей России.

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Подъём», «Южное сияние», «Союз писателей», «Веретено», «Сетевая словесность», альманахах «45-я параллель» и «Обра»", в различных сборниках и других изданиях. Лауреат премии «Фонарь» и Международного Грушинского интернет-конкурса, 2022 г. Автор книги «Быстрокрылая рыба».

САД

То ли жёлтый кирпич, то ли кости благих намерений.
Остановишься, глянешь — а время бежит само.
Как отважно в начале пути мы доспехи мерили,
Как мы верили, будто вернёмся ещё домой.

Торопились вперёд, по-геройски играли мышцами,
Насаждали любовь, да не выросло ни черта.
В этот яблочный август так сладко и рвано дышится,
Так тягуче и горько пишется — не читай.

Не пытайся понять, то ли это виток истерики,
То ли поступь истории, новый железный век.
Сквозь ладони глухих пустырей прорастают тернии –
Там, где раньше плясали стрекозы в густой траве.

Вместо важных свершений — слова, ни на что не годные,
Вместо пряно-янтарного сока — змеиный яд.
Вот ещё один шрам на асфальтовой коже города,
Вот на скулах его опалённая чешуя.

И не спросишь уже, почему он почти не помнит нас,
Обезличенных, без особых — людских — примет.
И заросшая пылью квартира тенями полнится,
Как заброшенный сад, где ни солнца, ни яблонь нет.

Яна Геннадьевна Цыганкова

Живёт в Воронеже. По образованию филолог. Работает в Музее-усадьбе Д.В. Веневитинова.

Автор текстов рок-коллектива «Планида», а также соавтор и вокалист энто-дарк проекта «LesoStep’je».

Финалист и призёр Всероссийских литературных конкурсов, активный участник всероссийских совещаний Союза Молодых литераторов при СПР и др.

Ранее публиковалась в журналах « Подъём», «Бельские просторы», «Веретено», «Север», «Ротонда», «День и ночь», в газете «Мысли(!)», а также в многочисленных альманахах по итогам региональных литературных конкурсов.

В 2023 году по стипендии СРП издала первую книгу стихов «По Ту Сторону».

***

Нет никого за бортиком зонта —

Мир окружён, а может быть, окружен.

Несуществующая высота

Искажена шаганием по лужам.

Нет никого над уровнем колёс,

Не станет грязь дождя снежком лебяжьим.

Есть только пёс, уставший мокрый пёс.

Поговори со мною на бродяжьем.

Но — тишина. И ливень пеленою.

Как будто нет за нею октября.

Как если бы такою же порою

Я никогда не встретила тебя.

Дарья Валентиновна Князева

Родилась в Воронеже, окончила физический факультет Воронежского государственного университета, кандидат физико-математических наук, артистка «Театра равных».

Принимала участие в различных литературных форумах и фестивалях, в том числе «ЛевитовФЕСТ», Слет молодых литераторов в Большом Болдино, Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках, Форум молодых писателей в Липках и других. Финалист и дипломант всероссийских литературных конкурсов, в том числе фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест», премии Казинцева. Лауреат конкурса «Хрустальный родник», лауреат Исаевской премии правительства Воронежской области.

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Юность», « Подъём», «Сибирские огни» и других. В 2023 году по итогам премии Казинцева в издательстве «Наш современник» вышел первый авторский сборник стихотворений «Стремительные сны».

***

Полое солнце дремлет в озябшем воздухе:

белая-белая-белая даль без просини…

Черная сеть наброшена на рыжину.

Мне бы молочную стынь киселя небесного

в пригоршню зачерпнуть.

Мне бы собрать про запас золотого, медного,

чтобы оно до весны истекало светом бы

в выпотрошенном дому.

Но я стою посредине безлюдной улицы

и ничего из этого не пойму.

И ничего не могу. Только ждать и щуриться,

как бы оно само разошлось во мне —

полое солнце, простертое бледным куполом —

в начисто обескровленной глубине.

Оксана Андреевна Лесовик

Родилась и живет в Воронеже. Аспирант кафедры Конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета.

Воронежская поэтесса, победитель Всероссийских и областных конкурсов; член Союза российских писателей; заместитель руководителя Среднерусского представительства Национального центра современной поэзии «Свой голос»; член поэтического клуба «Левобережье».

Автор стихотворных сборников: «Читай про/себя», «Робкая из коробки», «К(л)убок мыслей», «Разговор по ушам», «Вой-на-родов», «Идееспособность», «СамоМнение».

НЕ ДОГОНЯЮ. НЕ УСПЕВАЮ. БЕГУ

Не догоняю. Не успеваю. Бегу.

Пыль поднимаю и утопаю в снегу.

Ландыши, маки, подсолнухи смотрят мне вслед.

Ночь, утро, полдень и вечер, и снова рассвет

Не догоняю. Не успеваю. Куда..?

Кашу варить, говорить, обрывать города,

Температурить, смешить со стихами навзрыд -

Всё на бегу! Но со мной ещё кто-то бежит,

Вязнет, скользит, утопает ногами в быту,

Полночь меняет на полдень, свет — на черноту,

Ландыши — на хризантемы, а пряник - на кнут.

Не отвлекайся, спеши, рядом тоже бегут.

Только куда мы, за чем, за каким огоньком?

Жизнь — это только вопросы. Ответы потом.

Екатерина Александровна Макушина

Родилась в Воронеже. Окончила юридический факультет Воронежского государственного университета.

Поэт и прозаик, член Союза писателей России. Лауреат литературной Исаевской премии молодым поэтам Воронежской области. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов: «Русский Гофман», «Зелёный листок», «Кубок Брэдбери» и др.

Стихи и проза публиковались в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Формаслов», «Дактиль». Автор трёх книг: «Анестезия души», «Ящерка» и «Край конверта».

* * *

Короткий вдох — и я иду, иду,
Так водомерка ходит по пруду,
Не чуя под собой бездонной мути,
Следов не оставляя череды.
Как хрупко натяжение воды —
И как неисчерпаемо, по сути.

Качнётся зной на ряске-волоске.
Рисует ветер тени на песке,
И кто-то вплавь булыжники пускает.
То недолёт — не смей, дыши, дыши;
Сомкнутся жабры, сникнут камыши, —
То перелёт — надежда ли, тоска ли.

Блаженный жар, полуденный, густой,
Ко мне прилипший сброшенным листом,
Плыви, плыви бездумно и невинно.
Невзятый мяч, невыправленный крен —
Кукушка прокукует свой катрен,
И третий год шагнёт за половину.

Эльвира Васильевна Щербакова

Доцент Воронежского государственного педагогического университета, главный редактор газеты «Учитель» ВГПУ.

Дипломант Фестиваля авторской песни «Парус», победитель в номинации «За лиричность в поэзии» на Усманском открытом молодежном фестивале поэзии и авторской песни «Серебряный Родник», в номинации «Поэзия» — на Межрегиональном фестивале авторского творчества «Берег», лауреатом Всероссийского слёта молодых поэтов «Зелёный листок», зимнего фестиваля авторской песни «Парус надежды».

***

Покатилось яблоко рассвета,
Покосился день седым плетнем.
От природы не ждала ответа —
Ночь придет, и снами оживём.

Окроплённой стелется дорожка,
Ветви старой ивы умолчат,
Что чудес осталось ждать немножко —
Вплоть до наступленья красных дат.

Петушиный крик погонит смуту
Из моей невызревшей души,
И покажется мне только на минуту:
Мы пришли из утренней тиши,

Чтоб срывая яблоки рассвета,
И тоскуя под седым плетнем,
У природы не спросив совета,
Жизнь прожить одним счастливым днём!

Н а у ч н о е и з д а н и е

«Воронежский текст русской культуры»:
журнал « Подъём» в веке (проза, поэзия, критика)

Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием)

Подписано в печать
Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. Усл. печ. л. Тираж экз. Заказ

Издательский Дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3